

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

**«АБРАМСЫ»
В ХИМКАХ**
КНИГА ПЕРВАЯ

ЗА ДЕНЬ ДО ПОСЛЕЗАВТРА

Дойти и рассказать

Сергей Анисимов

За день до послезавтра

«ЭКСМО»

2012

Анисимов С. В.

За день до послезавтра / С. В. Анисимов — «Эксмо»,
2012 — (Дойти и рассказать)

22 июня 1941 года – не самая трагическая дата в истории нашей страны. Самая трагическая дата еще впереди. Вы думаете, цивилизованный мир станет и дальше терпеть то, что у нас нет демократии и свободы, что российская власть попирает права своего народа? Ранним воскресным утром 17 марта 2013 года с удара миротворцев по военным базам и аэродромам начинается операция «Свобода России». Толерантность и гуманизм будут насаждаться в разделенной на «зоны урегулирования» России огнем и мечом. Хватит на всех...

Содержание

Воскресенье, 17 марта	7
Тремя месяцами раньше. Январь	29
Январь	51
Январь	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Анисимов

«Абрамсы» в Химках. Кн.

1. За день до послезавтра

Никто так не слеп, как тот, кто не желает видеть.
Английская поговорка

Фильм «Дуговая лампа» был снят киностудией «XX век Фокс» при участии «Юнайтед Пикчерз» и вышел на экраны США 27 декабря 2012 года. Его мировая премьера состоялась тремя днями позже. Как несложно было узнать из журналов вроде «Эмпайр» или «Синема», бюджет фильма побил рекорд всех трех «Терминаторов» вместе взятых. Озвученное через шесть недель количество номинаций ленты на «Оскары» было большим, чем для «Титаника»: и не только ранга «за спецэффекты», но и главных – «за лучший фильм», «за лучшую режиссуру», «за лучшую операторскую работу»... Гонорары актеров первого плана исчислялись десятками миллионов долларов. Это было тем более показательным, что действительно известных актеров в фильме появилось на удивление мало. В одном из многочисленных интервью, ставших частью организованной киностудиями предрелизной подготовки, режиссер сообщил, что это вызвано желанием показать миру лица не «примелькавшихся звезд», а «таких же людей, как мы с вами». Сам он тоже был фигурой неожиданной для картины такого масштаба и с таким бюджетом. Но снявший до этого несколько получивших ограниченную известность и с трудом окупившихся лент режиссер оказался действительно талантлив. Фильм собрал более четверти своего гигантского бюджета в первый уикенд проката на территории США, заморских территорий и Канады. Вторая четверть была получена за последующие два дня, пришедшиеся почти идеально – на канун Нового года и сам Новый год. И это тоже было сборами только с североамериканских кинотеатров. К моменту завершения рождественских/новогодних каникул в Европе, то есть к воскресенью 6 января 2013 года, картина окупилась почти целиком, а где-то к 9 января уже начала приносить чистую прибыль. Показательно, что после короткого периода спада к началу третьей недели проката была отмечена даже некоторая тенденция к увеличению числа решивших посмотреть этот фильм зрителей. А вот это уже было признаком именно его качества. Становилось ясно: «Дуговая лампа» – один из наиболее успешных фильмов в истории американского и мирового кинематографа.

Вышедший в 1984 году и ставший основой для сценария роман Эрика Харри в свое время получил не слишком благоприятную критику. В 2012–2013 годах его новое, в «увеличенном формате обложки» издание (правообладатель – «Саймон энд Шустер») купили, по некоторым оценкам, до пяти процентов посмотревших кинофильм, что само по себе было впечатляющим показателем. После того как интерес к фильму пошел на спад, издательство выбросило на рынок ту же книгу в стандартном карманном формате, а затем переиздало и второй роман того же автора «Вторжение», торопясь догрести остатки прибыли.

Надо признать, что роман действительно был «ничего особенного». До двух третей датированных второй половиной 90-х годов (то есть основанных именно на тексте книги) ссылок на веб-сайтах «Амазона» и «Барнс энд Ноблс» не оценивали роман выше «двух звезд». Фактические ошибки, вроде упоминания о пулемете М60 на танке М1А1 «Абрамс» (на самом деле на месте заряжающего устанавливался М240) и прочего, были в новом издании исправлены, но дело было не в этом. Фильм дал книге не просто «второе дыхание» – он вдохнул в нее яркие, страшные в своем реализме краски. Беспшумно-белые вспышки ядерных взрывов, сметающие пшеничные поля Оклахомы, превращающиеся в стекло рассеченные замерзшими реками леса Аляски, – все это было снято и подано так, что у зрителя сжималось сердце. Ни один монстр из фильмов ужасов, ни один пришелец с клыками и когтями во всех взятых вместе фильмах кате-

гории «В» не вызывал такого потрясения и страха, какое вызвало у зрителя волевое, смелое лицо генерала Зорина, вжимающего кнопку ввода команды о нанесении «ограниченного ядерного удара» по США... Удара, сочтенного «ответным» после того, как утратившие контроль за собственными спутниками русские решили, что встающие над их страной разрывы китайских ядерных боеголовок – это американский удар. Кровавый, дикий в своей беспощадности путч с бронетранспортерами, давящими людей на улицах Москвы, ужас оставшегося безымянным, показанного лишь в течение 5–6 секунд человека, увидевшего, как над спроецированным на фоне горизонта силуэтом авиабазы «Форт-Вэлли» в тишине встает сияющий белый шар, но еще не почувствовавшего дрожь земли от подхода ударной волны... Такого зрители не видели еще никогда, но одно это тоже никогда не вписало бы «Дуговую лампу» в историю. В фильме не было ожидаемых штампов. Показанные в нем русские военные были не в ушанках и не носили на груди по «Золотой Звезде» каждый. Американский президент не был чернокожим с философски-печальными глазами мудреца: он был нормальным и похожим на настоящего, как были похожи на своих условных прототипов все, сыгравшие в этом выдающемся фильме. Потрясающий, до сих пор мало кем достигнутый драйв не отпускал каждого пришедшего в зал кинотеатра, купившего фильм на DVD-диске, заказавшего его просмотр по платному каналу кабельного телевидения до самого конца: до бойни на дальневосточных пляжах, где «такие же люди, как мы с вами» молча валились в холодный песок, пытаясь преодолеть полосу сплошной рекой текущего огня, до схватки на польской границе, где нанеся ответный удар американская армия показала, что безнаказанным не останется никакое зло, до прорыва к Москве, когда на розовые от вечернего солнца башни старинной русской крепости впервые с болью посмотрели глаза почерневшего от усталости и гари рейнджера, облокотившегося на броневой щит турельного пулемета головного «ХАМВИ» американской колонны.

Основное послание зрителям, которое с таким успехом донесли создатели фильма, было простым и доступным: «Русским нельзя иметь ядерное оружие». Потом, позже, некоторые начали вести отсчет именно с этого момента, с 27.12.2012, – с выхода ставшего столь популярным фильма на экраны американских кинотеатров. На самом деле это было, конечно, ерундой.

Настоящий и тоже уже далеко не предварительный отсчет начался многими месяцами раньше.

Воскресенье, 17 марта

Я как начальник Генштаба не вижу вероятного противника в лице конкретного государства. Мы давно перестали готовиться к масштабным ядерным и обычным войнам.

Генерал-полковник Юрий Балувеский, Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил России, декабрь 2005 г.

Майор Сивый проснулся от острого ощущения опасности. Острейшего. Проснулся в собственной постели, с подsunутой под щеку подушкой в розовой наволочке. Не поднимая головы и стараясь унять бьющееся сердце, он оглядел то, что попадало в поле зрения. Комната была та же, родная. Обои в полоску, книжные полки, угол недорогого телевизора, придвинутого ближе к кровати, – вчера смотрели на ночь. Жены рядом не было, хотя час оказался ранний, не позже половины восьмого. Судя по доносящимся из кухни звукам, она только-только ставила варить картошку, значит, поднялась минут двадцать назад. Тоже не спится почему-то. Не спалось и сыну – из соседней комнаты доносилось ритмичное хэканье и повторяющееся через равные промежутки времени пощелкивание: тот работал с гирей. Развлекался с утра пораньше. Двигаясь очень осторожно, майор повернул голову, чтобы получить возможность видеть обоими глазами. Проморгался, вытянув руку из-под одеяла, выковырял из углов глаз комочки скопившейся там за ночь сохшейся слизи. Сердце не успокаивалось. Дрянь дело.

За окном были сумерки, – как раз такие, какие и должны быть в середине марта, если живешь в Балтийске, а не в Монтевидео. Свет проникал в комнату и через неплотно прикрытую женой дверь, и через щель между наполовину разведенными шторами. Судя по лениво плавающим теням от уличного фонаря, ветер снаружи был не слишком сильным. На часах обнаружили цифры 7:23, то есть тоже ничего выбивающегося «из рамок». Но ощущение, разбудившее майора, было слишком знакомым, чтобы игнорировать его, какой бы глупостью это ни казалось. Стараясь не издать ни звука и все равно скрипнув кроватью, охнувшей под его тяжелым телом, майор соскользнул на пол и встал, покачиваясь, посреди комнаты. Сын в своей комнате негромко звякнул и так же негромко чертыхнулся. Жена на кухне стукнула ножом. Секундная стрелка на висящих на стене еще одних, уже не электронных, а обычных механических часах с крупным циферблатом проползла очередное деление – четверть секунды. Смерть была совсем уже рядом. Обругав себя, но не замедлившись ни на мгновение, майор скользнул к стене. Кобура висела на стуле, под ворохом остальной одежды, в котором преобладали вещи жены – проснувшись, она ушла к своей готовке запросто, в халате. «Стечкин» привычно лег в руку, и, потратив еще полсекунды на то, чтобы в очередной раз прислушаться к происходящему в квартире и на улице, майор аккуратно и уже чуть более спокойно дослал патрон в патронник. Подумав, он оставил переводчик предохранителя на стрельбе одиночными, но, подумав еще с четверть секунды, все же перевел его в положение, соответствующее ведению огня в автоматическом режиме. Из квартиры он никуда не собирался уходить, а размеры его комнат и коридора предполагали самую близкую дистанцию. Меткость здесь могла стать менее важной, чем скорострельность.

– А чего, отец встал уже?

Голос сына донесся из кухни как через вату, жена ответила что-то совсем уж неразборчиво. Снизу, в подъезде, глухо стукнуло чем-то металлическим: почтальон опустил газету в ящик.

«Твою мать», – сказал Сивый почти вслух, вытянув вперед руки и короткими движениями тела прощелкивая малые суставы. Воскресенье, половина восьмого утра. Какая газета? Шаги поднимались по лестнице, – трое. Потом он понял, что ошибся, – двое.

– Бать, ты чего?

Аккуратно заглянувший в комнату сын оторопел от дикого зрелища: отец стоял посреди спальни на присогнутых ногах, торчащих из разношенных «семеек». Молчаливый, страшный, глядящий куда-то внутрь себя, со «вторым служебным» пистолетом в вытянутых и положенных одна на другую руках.

– Рома, убери мать... Быстро.

Слова были тихими, а голос отца не допускал никаких вопросов: парень исчез беззвучно и мгновенно. Через секунду на кухне негромко звякнуло, – жена то ли уронила, то ли бросила нож. Почти одновременно с этим двое пришедших остановились перед дверью. Подниматься им было невысоко – Балтийск город старый, и дома в нем редко имеют более трех этажей.

В дверь стукнули: сначала ровно и спокойно, двойным стуком, потом забарабанили уже всерьез.

– Витя, что там?

В голосе жены был уже настоящий испуг: или что-то поняла из сказанного сыном, или почувствовала эмоции мужа через тонкую стену, или даже уловила что-то сама.

– Майор Сивый! – колотили в дверь. – Товарищ майор, проснитесь, тревога!

Двумя короткими жестами майор показал сыну, что делать. Тот скользнул под дверь, сжимая в руке нож. Второй нож был в другой ладони, отведенной за голову и вверх, – модная сейчас стойка то ли из капоэйры, то ли из чего-то в этом роде. Парень был делан отнюдь не пальцем и учился последние три года вовсе не ботанике. Оружие он выбрал не по длине лезвия, а по качеству стали.

Взволнованный голос за дверью был вовсе не восемнадцати- или двадцатилетнего парня. Это они прокололись. Впрочем, заспанному человеку такие детали без разницы.

– Иду, иду!..

Майор пошлепал по полу ногами, одновременно разворачиваясь к двери правым боком, чтобы пропустить поднимающиеся от пола диссектриссы как можно дальше от своего тела. Жена на кухне легла, – это хорошо. Плохо было то, что дверь у них была хлипкая – в этом городе семье «того самого» Сивого было нечего и некого бояться. Сын скребуще провел по двери ногтями, как бы нащупывая замок. Ну вот...

Свет на кухне уже не горел, а «прихожей» у них сроду не было, – не те масштабы у квартиры, на которую может рассчитывать командир батальона. Поэтому у вставших на темной площадке не оказалось той форы, на которую они рассчитывали. Но огонь они открыли сразу, как только дверь приоткрылась настолько, чтобы внутри можно было увидеть силуэт человека. То, что этого силуэта не было, они осознать уже не успели, – слишком уж были готовы к тому, что он должен быть. Человеческий мозг – штука интереснейшая и не во всем понятная даже ученым: при желании он достраивает картины до полных сам, без участия зрения.

Выстрел выглядел сдвоенным, но им он не был, – это были два одиночных, прозвучавших практически слитно. В то же мгновение двое пришедших за майором Сивым ворвались в квартиру, – рядом, плечом к плечу. Подразумевалось, что они переступили через рухнувшее в прихожей тело, и теперь у них было время, чтобы развернуться и переместиться в комнаты или на ту же кухню, – туда, откуда пахло теплом остальных обитателей квартиры. У быстро и уверенно двигавшихся, хорошо подготовленных людей может занять долю секунды, чтобы произвести такое действие, как перемещение через дверной проем и разворот на новую цель. Но за этот промежуток времени взревший в автоматическом режиме «стечкин» вставшего на одно колено майора успел выплюнуть уже столько патронов, сколько ему было нужно, чтобы упростить ситуацию хотя бы на ближайшие минуты. Двое рухнули так же синхронно, как рванулись внутрь. Момент их движения был настолько значимым, что его не пересилила даже энергия попавших в цель пуль. «Три и две», – машинально определил майор про себя, перекачываясь вбок, под противоположный косяк собственной двери. Правки не потребовалось, но

сыну этого видно не было, и он вынырнул из-под защиты стены, нагнувшись над ближайшим к себе телом, хрипящим и дергающимся, как обезглавленный петух в руках крестьянина.

– Дурак!

Майор все же успел выстрелить в мелькнувшее прямо перед ним в проеме лицо, но в этот раз он попал уже совсем чудом. Тот, третий, тоже успел выстрелить, но пуля ушла высоко вверх: нажимая на спуск, стреляющий был уже мертв. Его тело ударилось о вытертый кафель темной лестничной площадки затылком, и тошнотворный звук стал окончательной точкой в событиях нескольких последних минут. Не ошибся, значит. Третий все-таки был...

– Ма-атка... – выхрипел из себя левый из сумевших пройти через его дверь. – Ма-а...

На всех наречиях, кроме разве что грузинского, это слово звучало похоже. Но все же оно звучало по-разному.

– Свет!

Роман бросился к выключателю, и когда стало светло, майор с удовлетворением впитал выражение лица сына. Ни на секунду не испуг – хладнокровие и сосредоточенность. Как будто не третьекурсник, а боец после первой стажировки, а то и после второй. Парень слишком быстро вырос: командировки отца этому, конечно, поспособствовали. Ну и наследственность, конечно.

– Ма-а-тка... ля-ярва...

Правый перестал дергаться, но это все равно были уже просто мышечные судороги, они не значили ничего. В отношении второго майор сначала решил, что он может еще, наверное, выжить.

– Шею!

Из шеи раненого текло не густо: пуля едва прошла под кожей, не тронув ни один из крупных сосудов: в противном случае он давно ничего не говорил бы. Рана в груди была гораздо серьезнее – с каждым толчком сердца кровь выпихивала наружу булькающие пузыри. Такие же пузыри вздувались и лопались на его губах. Пачкали они только свитер, курток на вошедших не было – ни на одном, ни на другом. Сбросили в подъезде?

Ромка зажал рану на шее комом содранной с себя майки, и глаза раненого на какое-то мгновение приняли более осмысленное выражение. Потом он охнул, снова сказал несколько слов и забился под их руками. Несколько секунд ярко-алые брызги летели с его губ в разные стороны, – захлебываясь, он пытался пробить пузырями воздуха заливавшую бронхи кровь.

– Ма-атка... – снова произнес он каким-то удивленно-разочарованным голосом. Это было уже последнее слово: видевший такое не раз майор даже не стал дожидаться, пока умирающий перестанет сучить ногами.

– Третьего.

Ему снова не пришлось ни повышать голос, ни объяснять, – сын втащил третьего убитого в квартиру. В подъезде стояла мертвая тишина, – соседи не пикнули, прислушиваясь. Так же не пикнула и жена, сжавшаяся на кухне в комок в ожидании того момента, когда он разрешит ей выйти. Это тоже был правильный поступок. За все время лопухнулся только один сын, не вовремя сунувшийся вперед, но это, пожалуй, все, – да и это обошлось. Живы.

Три паспорта по карманам брюк, – хотя у третьего уже была и куртка: стандартный серый синтепоновый пуховик со сдвоенной зелено-оранжевой полосой по канту рукава. В отношении возможного четвертого майор почему-то не беспокоился – того не было ни внизу, ни вообще; страховкой был именно третий.

– Русский, русский, русский.

Роман проглядел паспорта так же быстро, как и он сам. Те были не новые, но слишком чистые для людей, таскающих их в карманах каждый день. Ивановский, Ковалев, Семенов. Сергей Денисович, Сергей Алексеевич, Дмитрий Константинович. Места рождения – г. Балтийск Калининградской области, пос. Домново Калининградской области, г. Калининград.

Регистрация – погранзона: Балтийск, Балтийск, Балтийск. Но при этом «лярва». И «матка». И «чтоб вы сдохли, суки», произнесенное на отчетливом польском. Как большинство жителей Калининградской области и уж тем более как подавляющее большинство офицеров 336-й Гвардейской отдельной бригады морской пехоты, майор Сивый польский понимал неплохо.

– Бля, – сказал он, на этот раз уже вслух, не стесняясь, полным голосом. – Бля. Рома, что у нас по радио?

Тот вскочил на ноги и бросился к радиоточке, не потратив ни мгновения на то, чтобы вытереть руку от густеющей, темнеющей на глазах крови убитых. Майор был уже почти готов к тому, что услышит музыку или статику, но радио было совершенно обычным. Как бывает по утрам в воскресенье, когда не спится в основном пенсионерам и молодоженам. Там толкали рекламу лекарств: бархатный голос диктора сообщал о том, что уже через три недели после начала курса лечения у него совершенно исчезли все симптомы заболевания. Какого именно – майор разбирать не стал, было не до того.

Из трех снятых с тел пистолетов он оставил себе оба «Глока», а дешевую «Чешску Зброевку-110» кинул сыну: обойдется и этим. Теперь кухня. Не обратив никакого внимания на сжавшуюся под стеной жену с зажатым в руке тесаком, он выдернул из моргающего зеленым зарядного устройства оставленный там на ночь телефон. Цифры были набиты в памяти – тратить время на набор не пришлось.

– Давай, давай, ублюдок...

Стоя на одном колене, чтобы не подставиться на фоне окна, если с другой стороны их узкой улицы на них смотрят, майор передергивал мышцами спины от холода и нетерпения, как торопящийся в туалет первоклассник. Трубку взяли на пятом звонке.

– Старый, – громко и отчетливо произнес он в светящийся экранчик, когда услышал шум дыхания: взявший не успел даже сказать «алло». – Это Седой. Слушай меня внимательно...

– Да погоди ты, – сонно произнесла трубка. – Сейчас. Как с цепи все... Зоя, кто там?

– Старый! – заорал майор уже в полный голос. – Не открывай дверь! Не открывай никому!..

Поздно. В трубке звонко хлопнуло, оборвав едва возникший женский визг, через секунду ее бросили на пол, прозвучало одно, четко и точно охарактеризовавшее ситуацию слово, и потом было еще несколько громких хлопков подряд. Стреляли явно без глушителей. Майор ждал, слушая. Контрольных выстрелов было не три, как он ожидал, а два: дочку начальника штаба его батальона, старательную третьеклассницу с обычным в этих краях именем Полина то ли не стали трогать, то ли просто не нашли. Почему-то на это хотелось надеяться. По-прежнему не отрывая глаз от пригасшего экранчика, майор с силой укусил себя за губу: так, что в ноздри шибануло соленым, перекрыв запах из прихожей. 7.30 или 7.31. Больше ни одного слова в трубке не прозвучало, – он позвонил на домашний номер, и, пока не пойдут гудки разорванного соединения, была вероятность, что «мертвая», темная трубка не привлечет к себе внимания. АОНа на домашнем аппарате «Старого», капитана Панченко, тоже не имелось. Значит, еще одной долькой шанса больше, что какое-то время произошедшее в его собственной квартире на улице Красных Зорь будет достоянием только его самого и его семьи. В трубке были слышны шаги: уверенные, приглушаемые паласом, но все равно четко различимые, – а потом громко стукнула дверь. Все.

Майор укусил себя за губу еще раз, с той же силой и поймал взгляд сына, блеснувшего в полумраке глазами.

– Все, – сказал он вслух. – Панченко и Зоя.

Жена ахнула и тут же смолкла, сжавшись еще больше. Звать милицию она не предложила, – и это тоже характеризовало ее как понятливую женщину. Впрочем, может быть, она поняла произошедшее иначе.

– Бать, – негромко позвал сын.

– Минуту.

Только теперь майор сделал то, что должен был сделать еще до звонка другу: вбил в телефон неслушающимися пальцами еще один номер. Только бы успеть...

Там отозвались почти сразу, на втором звонке.

– Дежурный старший матрос Аланов.

– Майор Сивый. 879-й мне.

Снова пауза, – это матрос на коммутаторе соединял его с батальоном.

– Дежурный лейтенант Зябрев.

– Майор Сивый, – снова назвался он, торопясь так, что чуть не клацал зубами. – Боевая тревога.

– Това...

– Молчать!

Рывкнул майор так, что припавшие к дверям соседи наверняка вздрогнули. Где-то ниже этажом стукнуло дверью, и чужой прерывающийся женский голос забубнил что-то умоляющее, а мужской отчетливо послал кого-то по матери. Ромка вскинулся и исчез в темноте коридора.

– Вопросы потом! Батальону боевая тревога! Вскрыть ружпарк, выдать оружие и боеприпасы! Быть готовыми к отражению вооруженного нападения. Караулу «В ружье!» Время пошло!

– Бать, – снова сказали из коридора таким же почти спокойным голосом. Напряжение в нем было, но только внутри. – Это свой.

Майор уперся в выглянувшего из-за изгиба стены прицелом «стечкина» и, только достоверно опознав его, поднял ствол выше. Это был прапорщик с первого этажа, не его батальона, но все равно свой. И не побоявшийся прийти.

– Что здесь, товарищ майор?

– Погодь...

Сивый оскалился на прапорщика так, как минутой раньше оскалился на собственного сына: времени было все равно мало. «Това...» – снова и снова сказали в трубку. Кричать и командовать там уже перестали, – теперь был слышен только топот. Батальон рвался к оружию.

– Это не учебная тревога, – сказал он в выложенную из точек розетку микрофона на сотовом, когда дежурный доложил исполнение. – Повторяю, не учебная. Теперь дублирую меня. Тревогу по бригаде, по всей. План «Синий». Тревогу по ВМБ.

– Товарищ майор, – чуть растерянно произнес голос лейтенанта. – Я не могу.

– Сейчас семь тридцать три. Через семь минут хоть кто-нибудь в бригаде должен быть готов начать стрелять в тех, кто выбьет ваши ворота. Как это ты «не можешь», меня не волнует. Тревога не учебная. Посыльных по домам к офицерам отправлять запрещаю: все только телефонами. И...

Майор посмотрел в бледные в свете раскачивающегося все сильнее уличного фонаря лица людей – сына, жены, прапорщика-тыловика снизу.

– И осторожнее сам, – закончил он. – Только что убита семья Панченко. Я отбилсь чудом. Есть мнение, что это «Бранденбург». Ждите.

Лейтенант, при всей его зелености, дураком не был. Не был дураком, слава Богу, и Ромка, не сказавший ни слова. Жена и прапорщик не поняли, ну и хрен с ними. Была надежда, что он все-таки мог успеть. Лейтенанту не нужно было подтверждений, чтобы начать исполнять команду подобного типа: за последние 15 лет офицеры морской пехоты России должны были привыкнуть к тому, что такая команда может прозвучать. Если бы позвонивший воскресным утром командир 879-го десантно-штурмового батальона приказал дежурному выдвигаться на Кремль или хотя бы на мэрию – дело было бы иначе. Но он не приказал. Прикладной реализм тоже пока что никто не отменил.

В трубке грохотало звуком топчущих ног, повелительно орало на разные голоса и взвизкивало железом. Лейтенант снова выдавал одну команду за другой: этот парень знал, что делать. Других майор, впрочем, у себя не держал.

– Ствол.

Сын без колебаний протянул ему легкую «Зброевку» рукоятку вперед и получил в обмен «Глок». «Зброевку» майор отдал прапору, – теперь обойдется он. Ну что, еще минута?

– Исполнено, – доложил лейтенант.

– Молодцом.

– Бать, – снова сказал сын сбоку. – Сеть.

Майор вскинул голову, не поняв.

– Городская сеть – до кучи...

Сын протянул телефонную трубку – обычную, соединенную с аппаратом вечно заплетающимся в колечки витым шнуром. Трубка была еще теплой от его последнего выдоха, но ни одного звука в ней не было. Не было даже треска статики – только мертвая тишина. Ощущение опасности, чуть схлынувшее, как и положено, после результативной стрельбы на поражение и нормального голоса в радиоточке, подступило снова. Подошедшее к самым губам, оно мешало даже просто нормально дышать. Каждый вдох приходилось загонять в себя с силой, – как тому поляку, умершему на пороге его дома.

– Дежурный старший матрос Аланов.

Голос у матроса был уже другим: до него начинало доходить происходящее.

– Бригаду.

Эта связь еще была жива и со стороны сотового ретранслятора, и на уровне проводных телефонных сетей, связывающих отдельные подразделения бригады. Кто бы ни пришел в город, сделать все и сразу он не мог.

– Майор Сивый, – снова представился он, когда дежурный штабной офицер отозвался напряженным, полностью «боеготовым» голосом. – Да, я приказал. Ответственность беру на себя. Бригаду – всю. С техникой. Да, отвечаю... Жду.

Ткнув в светящуюся красной пиктограммой клавишу сотового телефона, майор отключился. Теперь у него снова была минута, чтобы оглядеть своих.

Приказав поднимать бригаду по тревоге через голову ее непосредственного командира, комбат-879 вполне понимал, что очень здорово рискует. Но риск в отношении неполучения второй звездочки на погоны (а то и лишения первой) – он есть всегда. Если его решение будет признано неверным или даже прямо преступным, это будет печальный итог полутора десятков лет службы. В этой бригаде он командовал ротой, и в ней же, когда она была еще полком, воевал его дед. Но если есть хоть какая-то вероятность того, что Балтийск может разделить судьбу Буденновска, Кизляра или даже Нальчика, где ветераны Чечни сумели отбиться, то размышлять о таком бессмысленно. Тогда принятое им решение было единственно верным. Но все равно – странно... Почему поляк?

– Прапор, – сказал Сивый, едва справившись с забившей рот слюной. – Ты как стреляешь?

– Ну... – начал было тот, но, увидев в чуточку посветлевшем уже луче из окна глаза майора, осекся и закончил честно: – Паршиво, чего уж там...

– Тогда тебе за руль. Мать, – он повернулся к жене, – у тебя три минуты, пока мне не перезвонят. В сумку – документы, теплую одежду, деньги. Прапор, ты бездетный вроде?

– Дочка выросла, в Калининграде учится. В общаге там живет...

– Тебе тоже три минуты. Встречаемся в подъезде. Бери свою бабу и не давай ей орать. Если мы не встречаемся внизу – вы не едете. Тогда запирай ее и старайся добраться до своей части сам. Короткими перебежками. Пошел.

– А...

– Туповат ты, прапорщик.

Майор перекосясь, сморщившись, как от зубной боли. Прав он все-таки или нет? Телефон молчал. На снова пригасшем экранчике было 7:42.

– В городе убивают старших офицеров. Подготовленные группы. Послушай вон туда вот...

Он указал за посеревшее окно, и все повернулись к нему, как по команде, – даже уже вернувшаяся с первой сумкой жена. За окном выло сиреной, где-то далеко, за многими кварталами. «Скорая помощь» узнавалась безошибочно, – для нее мэрия закупила корейские машины, и звук их сирен был для Балтийска уникальным. Может, совпадение, а может, и симптомчик, вроде умершей городской телефонной сети.

Именно на этой мысли телефон, сжатый в правой руке Сивого, затрясся и выдал трель культовой мелодии:

«Ноль шесть ноль семнадцать, —
Так будем мы теперь называться...»¹

– Да!

– Сумеешь до площади Балтийской Славы добраться? – без всякого предисловия спросил тот же дежурный офицер, который говорил с ним несколько минут назад.

– Нет. Лучше на выходе к Комсигалу.

– Тогда 20 минут.

– Принял.

Он поднял голову, но рядом не было уже никого. За окном – звучный, уверенный хлопок одиночного выстрела. Тоже далеко, минимум квартал. Бред...

Сам сорвавшись с места, майор выскочил в перевернутую вверх дном спальню и начал торопливо одеваться. Разумеется, в подобных обстоятельствах его прибытие в бригаду в семейных трусах не удивит никого, а может, и будет полезным по дороге. Если по улицам пока не ходят цепями с ранцевыми огнеметами, а берут людей выборочно, полуодетого человека могут проигнорировать. Но без формы он чувствовал бы себя почти таким же голым, как без оружия в руке.

– Все? – спросил он вставшего на пороге сына. Тот тоже был уже в форме – черная шинель флотского курсанта блестела отдраенными пуговицами.

– Пистолет?

Ромка молча хлопнул себя по оттопыренному карману. Еще раз молодец. Справится, почти наверняка.

– Пошли. Саня, за мной. Рома – замыкающий.

Ухватив сумку, выставленную женой на относительно чистое место между валяющимися телами и вытекшей из них кровью, майор Сивый, держа собственный бушлат распахнутым, начал спускаться по лестнице. Погончики были полевые: издали не разглядеть, старший ты лейтенант или, скажем, полковник. Это тоже доля шанса в плюс, пусть и микроскопическая. Жена задержалась позади на секунду («закрывать дверь», – совершенно четко понял он), но справилась с собой и пошла дальше, не останавливаясь. Дверь подъезда была приоткрыта, в нее задувало. Другого выхода из дома не имелось, – может быть, поэтому «парадным» здесь подъезды называли только пижоны. Прапорщика не было, но за одной из дверей визгливо орал. Вероятно, заткнуть свою жену либо просто заставить ее понять серьезность происходящего завскладом ушанок и гюйсов так и не сумел.

– За мной.

¹ Достаточно известная, между прочим, песня. «06017» – это принадлежащий 879-му дшб номер в/ч.

На улице не было никого, – и вообще там тоже было «нормально» и спокойно. Это позволило майору, так же не выпускающему «стечкин» из руки, открыть машину самому. Сына он посадил за руль, жену сзади, – и туда же кинул сумки, взяв вторую у по-прежнему молчащей жены, а третью у мрачно оглядывающего окна сына. Прапору он разрешил взять всего одну, – но тот не сумел и этого. Его проблема: свою жену каждый выбирает и воспитывает сам.

Слишком многие окна домов на его улице светились. Паршиво и нехорошо. Воскресенье все-таки... Как в 1904-м. Или в 1941-м... Он все-таки вздрогнул снова. В 41-м «Бранденбург» начал работать примерно за сутки до собственно начала. Теперь, в начале второго десятилетия следующего века, темпы были вроде бы другими, но люди остались те же: быстрее, чем бегали тогда, сейчас бегают только какие-нибудь олимпийцы. Лучше, чем стреляли тогда, тоже не много кто стреляет. Хотя, с другой стороны, вот, мобильные телефоны появились. И частные автомобили у командиров батальонов. Правда, батальонов теперь во многие разы меньше... Господи, пусть это будет новый Буденновск, пусть даже Беслан – только бы не «Барбаросса»...

– Мотор не грей. Вперед. Не быстро, но и не медленно.

Сын не ответил, хотя было ясно видно, что именно ему хотелось сказать. Постеснялся матери, вероятно. Они свернули за один угол, потом за другой. Майор кинул очередной взгляд на часы, хотя по ощущениям выходило, что они успевают.

– Стой здесь.

На доме ярко светилась зеленая эмблема Сбербанка. Тоскливо ощущая незащищенность собственной спины, майор заскочил под козырек. Уже в движении, на ходу он впихнул в щель приемника карточку. Чем бы ни обернулось все это, деньги жене необходимы, – с ними у нее будет хоть какой-то выбор на ближайшую неделю. Разумеется, он стал бы гораздо шире, если бы уехать вместе, но об этом речь не идет, как не может идти и о том, чтобы взять жену с собой. Снова практический реализм, будь он неладен... И долг.

– Держи, – уже снова тронувшись с места, майор просунул нетолстую стопочку купюр назад. – Больше нет, сама знаешь. Теперь слушайте: ты едешь к тетке. Рома тебя везет, смотрит вокруг и возвращается ко мне. Ты сидишь как мышь и внимательно смотришь телевизор. Когда все закончится, я за тобой приеду. Поняла?

Любимая жена, мать его сына, женщина, слаще которой он не встречал в жизни, только кивнула, по-прежнему молча. Вот это был уже перебор, это майору не понравилось. Вариантов, впрочем, не было: приходилось удовлетвориться и этим. Рома тоже ничего не сказал, хотя Сивый-старший был на все сто уверен: тот упомянет, что ему нужно в училище. Ничего, переживет училище без него. Если это крупная операция боевиков, каким-то чудом добравшихся в набитый военными закрытый город, то курсантов все равно поднимут по тревоге, формировать какое-нибудь оцепление... Черт, но почему тогда поляки? Почему, мать его? Нервы плясали, как бечевки, на которых в полном составе прыгало население ущелья Цовкра – мировой столицы вырождающегося искусства ходить по канатам. Оборваться они могли, по ощущениям, в любой момент: несмотря на весь свой немалый опыт, внутри майор был сделан все же не из стали, а из тех же осклизлых внутренностей, что и все остальные люди. Внимательно глядя на отодвигающееся по мере движения пространство, он пытался найти для себя хотя бы приблизительно подходящую мишень. Возможно, тогда ему стало бы легче. Но мишени в виде увенчанного зеленой банданой бородача с пулеметом в руках не находилось – вокруг было пустынно. Может быть, именно поэтому никто не выстрелил Сивому в спину, пока он маячил, вытаскивая деньги из ящика уличного банкомата. Скорее всего, групп в городе сейчас не так уж и много: на всех майоров и тем более капитанов их не напасешься. Логично предположить, что в выборку попали лишь командиры полков, старшие специалисты систем связи, избранные старшие офицеры из служащих на действительно ключевых должностях. Как начштаба 879-го ОДШБ «Старый», его капитан Панченко, прошедший взводным весь 95-й, с января по июль,

причем без единой царапины. Таких людей действительно гораздо безопаснее убивать дома, в теплых постелях: в противном случае это может дорого обойтись...

Вылетев на Т-образный перекресток, майор хлопнул по рулю, и сын резко осадил машину. Средней степени ухоженности «девятка», известная среди членов его небольшой семьи и самых близких друзей как «Цыпа», жалобно взвизгнула тормозами. На перекрестке, названном им догадавшемся обеспечить его прикрытием штабисту, было так же пусто, как и везде, хотя время уже почти подошло. Это, впрочем, не значило ничего.

– Рома, все понял?

– Понял, пап.

Майор только моргнул, ободряюще стукнув сына в плечо. «Парень молодец, – еще раз сказал он себе. – Может, и выкарабкается». Жена наконец-то очнулась и теперь выглядела так, что уже не вызвала желаний заорать и плеснуть ей на лицо добытую откуда-нибудь пригоршню воды.

– Все, родная. Мне пора. Вам дальше, Рома отвезет.

– Береги себя, – хрипло отозвалась она. Короткий поцелуй, – все равно чуть более длинный, чем позволяло время. Сколько раз он уходил? Да, к сорока годам можно сказать, что много, но все равно – ни разу вот так. Ладно, неважно...

Машина исчезла в сером блеклом пространстве, оставив позади клуб пара. Подразумевались кружащиеся снежинки, – но снега не было уже недели полторы, и с дороги все давно снесло и растерло об асфальт непрерывным движением: днем на этом перекрестке было не протолкнуться. Оглядевшись, майор отбежал в сторону, косым прыжком перемахнул до сих пор затянутую ледяной коркой канаву и присел на корточки за кустами, сплошь увешанными буро-черными прошлогодними листьями. Ждать ему пришлось минуты четыре, потом в нужной стороне начало рычать, и еще через пару минут на дорогу выскочил бронетранспортер. Бортовой номер выдавал его принадлежность к 878-му ОБМП, значит, «соседи». Но при этом майор не заметил изображений орденов бригады, обычно вырисовываемых на корпусе рядом с номером к июльскому параду и в виде блеклых пятен сохраняющихся до весны. Вывод – машина была из «второй очереди», из тех, двигателя которых для экономии ресурса и топлива заводят максимум раз в неделю, в «парковый день». Значит, к его требованию выводить технику отнеслись действительно серьезно. Черт знает, какие для этого могли на самом деле быть причины. Если он не прав, командующий бригадой полковник Аносов перекусит его пополам, а если прав...

Майор перепрыгнул канаву в обратном направлении и с удовлетворением отметил, что бойцы на броне встретили его появление разворотом стволов. Бригада морской пехоты Балтийского флота, спящая по казармам, – это просто сборище изготовленных к употреблению в качестве мишеней кусков мяса. Та же бригада с личным стрелковым оружием и носимым запасом боеприпасов – это уже что-то большее. Наличие же двух с лишним десятков пусть и изношенных, но исправных танков, такого же числа самоходок и до сих пор способных передвигаться БТР-80 и МТ-ЛБ дает им «скелет», опору для боя. Это неоценимо, вне зависимости от того, будет этот бой проходить на пляжах, в городе или на пустошах между Балтийском и Калининградом.

Двадцать лет назад в «эм-пы» запрещалось брать людей с ростом менее 180, сейчас в ней полно хлятиков, но все равно: до рукопашной российской морской пехоты допускает только тот из врагов, кто является полным идиотом. Значит, добраться до оружия бригаде тем более необходимо. Три, два, полтора, а теперь вообще один год службы по призыву – не самый большой срок. Да, за это время вполне можно обучить бойцов владеть даже личным стрелковым оружием в мере, достаточной для современной войны. Но насколько бы это было легче, если бы к оружию, к уважению к нему и его возможностям допризывников приучали многими годами – дома, в общедоступных тирах, в школах. Почему государство не желает осознавать того про-

стого, примитивного факта, что для массовой армии это является совершенно необходимым, не понимал почти никто из профессиональных военных. Но факт оставался фактом: из старших классов школ давно исчез такой предмет, как «начальная военная подготовка», с улиц – многочисленные еще в конце 80-х тиры, а Закон об оружии оставался пугалом для Думы и отечественной либеральной интеллигенции. В результате в сухопутные войска и морскую пехоту шли призывники, в жизни не державшие в руках ничего хотя бы отдаленно похожего на то оружие, от которого начинала зависеть их жизнь, когда их бросали в бой. Но Чечня многому научила офицеров среднего звена – теперь в частях ребят чуть больше учили стрелять и чуть меньше – маршировать. Потерявшая в Чечне 46 человек только убитыми Белостокская бригада, больше известная как «Балтийская», исключением не стала: скорее наоборот. И хотя техники в морской пехоте Российской армии, как и во всей Российской армии, вместе взятой, становилось с каждым годом все меньше и меньше, стрелять она все же потихоньку научилась. Так что в своих ребятах майор был уверен, – пусть они были даже не из «его», а из соседнего батальона (считавшегося, кстати, слабейшим в бригаде по боевой подготовке). Вид настороженно-веселых бойцов и ощущение мощи двигателя, подрагивающего глубоко в корме бронетранспортера, несколько успокаивали. Как и в прошлые разы.

– Цель!

Высокий, скуластый боец-азиат вытянул вперед руку, указывая направление, и тут же поднял развернутую вперед ладонь вверх, давая отбой. Майор, сконцентрировавший внимание на «своем» секторе, успел увидеть только машущую рукой фигуру, зацепился взглядом за автомат на груди бросившегося к ним, увидел лежащее на тротуаре тело, но ревущий БТР уже пронесло мимо.

– Стой!

Ухвативший его команду южанин заколотил в броню прикладом своего автомата, и через секунду БТР уже встал как вкопанный, а бойцы попрыгали с брони.

– Хороший водила, – не удержался и отметил майор, но командующий отделением мордатый парень с лычками старшины 2-й статьи даже не обратил на похвалу внимания, полностью занятый обменом ругательствами с таким же мордатым и вообще здорово на него похожим фигурой мужиком в имеющем ярко-синюю крышку бронезилете поверх серого бушлата.

– Товарищ офицер!

Милиционер даже не пытался дотронуться до своего укороченного «калашника»: полуотделение развернулось «к досмотру», как офицеры бригады научились делать *там*, и теперь на него смотрело ствола четыре. Остальные присели под колеса или вжалась в тень дома, готовые при необходимости перекрыть огнем пространство вокруг. Работа отделения, в Чечне не бывавшего, показалась Сивому настолько слаженной, что он с удовлетворением подумал о преувеличении критики в адрес 878-го батальона. Это был первый приятный момент с самого утра, – или второй, если учесть то, как вел себя его подросток сын.

Не ответив стоящему на месте и изо всех сил старающемуся казаться «своим» постовому, майор Сивый нагнулся над телом. Это был еще один милиционер в звании рядового: молодые глаза неподвижно смотрели куда-то в пространство. Второе тело обнаружилось метрах в пяти, и это тоже был убитый милиционер.

– Товарищ офицер!

Майор разогнулся, смерив милиционера взглядом. По лицу мужика текли крупные слезы, и только это удержало комбата-879 от того, чтобы отдать приказ продолжать движение. Минуты утекали, а до батальона он еще не добрался. Черт знает, кто им сейчас командует: возможно, что тот же лейтенант Зябрев.

– Мы преследовали... Они открыли огонь, мотор машины заклинило, и шину пробило... Нам ответили, что помощи не будет, все заняты, и тогда лейтенант приказал продолжать пре-

следование пешим порядком... Мы метров 50 и пробежали всего, и тут нас второй раз обстреляли, – и вот...

Майор кивнул: дело было понятное. То, что примерно такие картины происходят сейчас по всему их не слишком-то крупному городу, он сообразил еще до того, как вывел своих из дома.

– Попали в кого-нибудь?

Пленный недобиток был бы полезен: Сивый знал, что может развязать язык любому последователю ваххабизма секунд за тридцать. Сдираешь с человека обувь и по одному отстреливаешь ему из автомата пальцы ног: примерно после третьего начинают «колоться» даже люди с природно высоким болевым порогом. Исключений майор до сих пор не видел, хотя и предполагал, что редкие герои или мазохисты могут найтись. И совесть его тоже не мучила ни на грош. Правозащитники от такого зрелища еще на октаву повысили бы регистр своей перманентной истерики, но они не попадали в ситуации, когда информация нужна именно сейчас, немедленно, иначе погибнут десятки твоих собственных товарищей. Сейчас была именно такая. Но милиционер помотал головой, и тогда он разогнулся, поднимая с собой куцую «сучку», убудка в семье «калашниковых». Второй автомат, повинуясь его жесту, снял с убитого лейтенанта один из морпехов. Нашедшиеся у погибших запасные магазины они оба рассовали по нагрудным карманам, промокшие же кровью едва ли не насквозь бронежилеты трогать не стал ни один, ни другой.

– Мне сказали ждать! – дрогнувшим голосом сказал выживший.

– Нет, – резко ответил майор. – Я снимаю вас с поста. На броню!

– Товарищ...

– Молчать! Подчиняться приказу! Считаю себя временно мобилизованным! На броню, я сказал!

БТР-80 взревел дизелем: из-под кормы вышвырнуло густой клуб сизого дыма. Одновременно с этим кто-то в десантном отсеке покачал выдвинутым через амбразуру стволом, и это милиционера «добило»: проявив приличную сноровку, он забрался на тушу сразу двинувшегося с места бронетранспортера, не отстав от остальных. Всех качнуло назад – водитель сразу разогнал машину до скорости, которую в мирной обстановке сочли бы не просто небезопасной, а убийственной. В любой момент под передние колеса многотонной машины могла сунуться какая-нибудь ржавая драндулетина мирного обывателя, а то и старушка с артритным пуделем. Но время было уже иное.

Вцепившись одной рукой в скобу, а другой в оружие, майор поймал себя на том, что поглядывает не только в соседние от «своего» сектора наблюдения, но и вверх. Задумавшись на секунду, он сообразил, в чем дело, и это напугало его еще сильнее. Ассоциация была простая: процедура снятия милиционера с поста была почти прямой цитатой из «Живых и мертвых» Симонова. В соответствующем месте книги и фильма следующим эпизодом шел расстрел «мессершмитами» тихоходных бомбардировщиков, возвращающихся с бомбежки переправ через Буг, кажется. Он снова посмотрел в небо, исчерканное проводами уличной электросети, но там, конечно, не было ничего, кроме облаков. Последние старые самолеты ВВС Балтфлота, винтовые «Барракуды» Бериева, известные по справочникам как Бе-12, были списаны по сокращению уже многие годы назад. Был полк Су-24, но этих машин никогда не увидишь, покада они не всадят тебе что-нибудь в затылок. Так что можно расслабиться. Вроде бы...

Рядом по броне «цвякнуло» – именно такой звук издает пуля, имеющая сравнительно невысокую скорость. Или пистолет, или пистолет-пулемет одиночным, – но майор даже не понял, с какой стороны стреляли: БТР продолжал нестись мимо просыпающихся домов. Могли и попасть, и, как это обычно бывает в городе, неизвестно, куда вести ответный огонь. Сложную «в один кирпич» стену пуля из КПВТ могла, при определенной доле везения, пробить и насквозь: а за стенами жили мирные, ни в чем не виноватые люди.

На часах майора было 8.25. Из всех сил он шурил глаза, чтобы хоть как-то глядеть в нужный сектор, но десятые доли положенной единицы зрения выдувало из них набегающим ветром. Он ощущал, что они опаздывают, что бы ни происходило в городе на самом деле. Нужна была связь, но на БТРах «второй очереди» рации не стояли уже лет пятнадцать – машины доукомплектовывали только перед «большими», то есть бригадными, флотскими или окружными учениями. Либо перед отправкой на войну, как было в 95-м. Ходу до бригады им оставалось минут 5 максимум, но полковник Аносов, если он уже распоряжается, не оставит ее в городке ни на одну секунду. Максимум одну роту плюс комендантские службы – охранять классы и пустой мехпарк. Тяжелую технику он наверняка выведет из города и рассредоточит, а основные силы батальонов бросит в город, сформировав взводные поисково-ударные группы и приказав им не церемониться с чужаками. Так поступил бы сам майор Сивый, а у него имелась некоторая надежда, что гвардии полковник превосходит его интеллектом не со слишком большим отрывом. Вопрос – сколько техники сумеет выйти из боксов. У бригады 26 танков, 46 самоходных артустановок, более полутора сотен бронетранспортеров и тягачей. Даже просто завести те из боевых машин, которые исправны, укомплектованы, заправлены горючим и снаряжены – это многие десятки минут. Можно только представить, что сейчас творится в расположении бригады, но хотя бы десяток боеготовых БТРов может быть уже выведен в город: хотя бы просто, чтобы освободить место другим. Значит, теоретически можно сразу корректировать курс, выходя к любому из ключевых объектов города, способных стать основными мишенями диверсантов: насосной станции, хладокомбинату, грузовому порту. Или сразу военному порту.

Далеко впереди сверкнуло, как будто в сумерках на мгновение включился и пошел искрами гигантский сварочный электрод. Потом, через секунду, сверкнуло так, что Сивый чуть было не свалился с брони мотнувшегося вбок бронетранспортера, потому что непроизвольно дернулся прикрыть глаза рукой. Той самой, которая была свободна от оружия и которой он до этой самой последней секунды держался за скобу.

– С брони! Все с брони! – орал командир отделения, но его команда была уже бесполезна: не дожидаясь того, что притертый водителем к самой стене двухэтажного жилого дома БТР остановится, с него попрыгали все. Ревущий дизельный двигатель рывком сбавил обороты, и лишь тогда в уши вбилося то, что до этого момента ощущалось только давлением на кожу. Земля под ногами дрожала какими-то скачками, как будто под слоем асфальта и спрессованного гравия один за другим проносились вагоны какой-то невиданной гигантской электрички. Один из морских пехотинцев упал на четвереньки, потом из распахнувшегося люка БТРа вывалился еще один. Этот остался лежать, выкрикивая что-то прямо в мерзлый асфальт. Майор сам ощущал, что его подташнивает, но это было, скорее всего, не от тошнотворного колебания мира под ногами, а от шока. Сверкать продолжало: все там же, впереди. Грохот при этом, казалось, усилился еще больше, и вокруг начали сыпаться стекла.

– Ребята! – услышал он чей-то стонущий голос за плечом. – Там же ребята! Да что же это?..

– Не понимаешь, что?

Выкрик получился правильный – сильный и властный. Собственный голос, удивительно точно поймавший нужную интонацию, частично позволил майору прийти в себя.

– Отделение! – взревел он.

По ногам ударило так, что несколько человек растопырили колени в полуприседе – только так они сумели сохранить равновесие. Это показалось бы карикатурой, не будь майору так страшно. Вокруг кричали. Кричали люди в домах, кричали и выли несколько выбежавших из подъездов мужчин в разной степени одетости. На втором этаже прямо над ними распахнулось уже разбившееся окно, осыпав всех остатками своих осколков. Молодой парень в тельнике высунулся из него по пояс, пытаясь изогнуться, заглянуть вверх. Это у него не вышло: дома

загораживали обзор, и начавшие наконец-то утихать вспышки доходили до расположенной «поперек» нужного направления улицы только в виде всполохов.

– Братцы! – проорал парень, увидев застывшую тушу БТРа всего в нескольких метрах от себя. – Братцы, что там?

Майор едва не подавился воздухом, набранным в легкие для того, чтобы подать команду. Что именно командовать, он не знал, но был полностью убежден, что язык скажет все нужные слова сам: и сказанное окажется при этом абсолютно верным.

– Ваши склады рванули?

– Болван! – прорычал майор. – Это 155-миллиметровки! В часть беги! Это война!

– Бля!

Парень даже не переспросил, не шутит ли мужик средних лет, направивший зачем-то в его сторону автомат. Он исчез разом, за секунду, как будто его вдернули внутрь за ноги.

– Граждане! – майор обернулся к тем, кто смотрел на него – их оказалось человек пятнадцать: треть рядом, глаза в глаза, остальные в окнах. – Военнослужащим и резервистам немедленно прибыть в свои части! Сборы запрещаю: брать только теплую одежду и средства связи! Отделение!..

Он уже почти не надрывал голос – визг падающих снарядов и глухой рев сотрясающих дома разрывов разом утих. Свет остался и становился все ярче: все, что оставалось от жилого и учебного городка 336-й Гвардейской Белостокской орденов Суворова и Александра Невского отдельной бригады морской пехоты, пылало сейчас сверху донизу. Матросы присланного за ним отделения выстроились короткой шеренгой: лица у них были бледные и осунувшиеся. Наверное, именно так выглядели уходящие в свой первый бой морские пехотинцы Балтики точные две трети века назад. Рядом, на правом фланге, встал милиционер с АКСУ. Выглядел он не хуже других.

– Смирно! Слушай боевую задачу!

Майор не смог, не сумел сказать всю фразу целиком, просто не хватило воздуха. Набрать его заняло полсекунды, и все это время матросы ждали. Кто-то глядел с ужасом, кто-то с растерянностью, остальные – с удивившей бы его, будь он кем-то другим, уверенностью в лицах.

– У меня нет никаких сомнений, что началась война. Кое-кто из вас никогда не верил, что это может случиться, кто-то понимал, что это дело пары-тройки лет. Но она началась сейчас. Мы оторваны от Родины, мы находимся в кольце враждебных государств, но это на-ша земля!!!

Последнюю фразу майор проревел, надсаживаясь: так ему стало хотя бы чуточку легче перебороть ту животную боль, которая перла сейчас из той глубины его памяти, которая даже не принадлежала ему самому.

– Там, впереди, на западе, юге и востоке от нас сейчас умирают наши пограничники. Я уверен, что то, как мы будем исполнять свой долг, не опозорит ни их, ни бригаду, ни память наших дедов, могилы которых вокруг нас! Отделение!.. – Он снова хлебнул воздуха, ощущая, как кипящие пузыри рвутся по его жилам, наполняя тело дикой, безумной невесомостью. – К бою!!! На броню! Марш!..

С нечленораздельным ревом матросы полезли на тело БТРа, и через три секунды, которые потребовались водиле, чтобы добраться до управления, машина рывком сорвалась с места. Стекланные полоски посыпались на землю с ледяным звоном, но майор этого уже не слышал. Протиснувшись на сиденье командира машины, он приник к залитой прозрачной броней обрешиненной щели. Козырек кепи мешал, и он перекрутил его назад, прикрыв облитую потом шею. Ну да, снята радиостанция с блоком питания, снят рентгенометр. Можно предположить, что дело этим не ограничивается. Обычная для российской армии XXI века практика. Но двигаться, во всяком случае, БТР еще может. Причем быстро: строили его на совесть.

– Гони!

Водитель гнал, выжимая из воющего в полном восторге двигателя каждую лошадиную силу, еще остающуюся в его изношенных цилиндрах и клапанах. Мимо мелькали бегущие люди, пронеслись сначала уже полностью освещенные, а потом, неожиданно, сразу и целиком темные дома. Наверняка или полетела из-за многочисленных коротких замыканий сеть, или одна из батарей или даже отдельных машин ударила по городской подстанции. Майор не сомневался, что опознал звук точно: именно так звучали разрывы снарядов стандартного для армий государств – членов НАТО калибра в тот единственный раз, когда он их слышал. 2009-й год, учения «Снежинка» в Дании: туда помимо мотопехотной роты из входящей в состав ЛВО бригады было направлено и человек 10 офицеров батальонного звена «россыпью», из разных частей. Но на учениях экономные датчане потратили два раза по 10 снарядов, а здесь огневой налет проводился минимум двумя-тремя дивизионами.

Калининградская область Российской Федерации граничила с Польшей и Литвой. Ни у тех, ни у других, насколько было известно, в настоящее время не имелось 155-миллиметровых пушек. Причем ни в каком виде: ни самоходных, ни буксируемых. Поляки который год копили деньги на новый 52-калиберный «Краб», но заказы не должны были пойти в их войска раньше этого, а то и следующего, 2014 года: и то если они справятся со своей продолжающей «плыть» экономикой. Максимум, что у них было – это оставшиеся в качестве наследства от «кровавых оккупантов», точнее, от почившей Организации Варшавского договора, 122-миллиметровые самоходные «Гвоздики» советского производства. Эти до Балтийска не дотянутся ни под каким видом. Но 155-миллиметровки есть у Германии, Италии, Голландии, Греции, Испании, есть у Турции, Словакии и Франции. Скорее всего, это или немцы, или голландцы – а значит, это новейшие PzH-2000. Впрочем, о последнем можно было догадаться и так: судя по тому, как ходила под ногами земля, в пределах одной цели одновременно рвались десятки тяжелых снарядов. Самоходная PzH выдает 10 выстрелов в минуту в полностью автоматическом режиме, а возимый боекомплект у нее 60 снарядов. На дистанции в 40 километров современная 155-миллиметровка с активным снарядом кладет свой боекомплект в эллипс шириной в 30 и длиной в 150 метров. На дистанции 35, если самоходки подвели к самой границе, их разброс будет еще меньшим. Значит, именно так: полтысячи снарядов не оставляли бригаде никаких шансов... И почему 8.25 или 8.26 – это тоже понятно. Сейчас воскресенье, к 8.30 на плацу строятся те, кто отправляется в увольнение. Должны строиться. Только бы Аносов успел увести бригаду. Только бы Зябрев успел вывести батальон...

– Цель справа тридцать!!!

Невидимый за броневой перегородкой позади, матрос за пулеметом качнулся в сторону, развернувшись вместе со своим подвесным сиденьем. В борт БТРа гулко заколотило, глухо вякнули сразу несколько пробитых пулями шин, и тут же взревели и забились КПВТ и ПКТ в башне. К этому времени вой исторгающих длинные очереди «калашниковых» был уже непрерывным: майор еще не успел обнаружить цель сам, а все уже почти кончилось. В чреве бронетранспортера стояла вонь от килограммов сгоревшего за секунды пороха и острый запах металлической пыли. Из чего бы по ним ни стреляли, отлетающая с внутренней стороны брони окалина была вредна максимум для легких. Впрочем, теперь майор уже совершенно не сомневался, что до рака легких он не доживет.

Пулеметный и автоматный огонь стихли, через секунду водила остановил БТР, и находящиеся в десантном отсеке бойцы рванули наружу.

– Белый, Фима, держите угол!

Старшина 2-й статьи распорядился так уверенно и толково, что майору даже не понадобилось что-то говорить. Так, конечно, и должно было быть: его собственный уровень – это десантно-штурмовой батальон. Отделением он в последний раз командовал в срочную, взводом – через шесть лет после выпуска и первой сдвоенной звездочки лейтенантского звания. Не

хотелось бы начинать все заново – хотя и такое тоже могло случиться, слови пулю и старшина, и его заместитель.

Двое парней, прыгая через покрывающие землю здесь уже почти сплошным ровным слоем стекла, умчались к углу дома. Остальные к этому времени уже ворочали тела убитых. Таковых нашлось четверо: трое валялись прямо под истерзанной выбоинами стеной, один был явно шустрее своих товарищей, и пули вошли ему уже в спину. Все были в гражданском – в разнокалиберных куртках-«шоферках», приобретших теперь одинаковый иссиня-бордовый цвет. Рожи – у троих самые обычные, славянские, а у одного не разобрать – от его головы не осталось почти ничего. Оружие в руках (точнее – его измятые остатки) оказалось внушительнее того, с чем приходили утром за ним: германские пистолеты-пулеметы. Глупо из таких палить в БТР, даже в устаревший БТР-80, но диверсанты наверняка решили, что у них нет выбора. У них была какая-то своя задача, судя по оснащению, не рядовая, и вдруг на них вылетает ревуший бронетранспортер, обещанный морскими пехотинцами. Понятно, они сообразили, что вляпались, и открыли огонь первыми. Хочется надеяться, что не успели сделать то, ради чего напялили на себя гражданскую одежду и маску мирных обывателей. Впрочем, они могли уже отходить после ее успешного выполнения...

– Старшина, потери?

– Нету, товарищ майор!

Комотделения был так возбужден, что едва не захлебывался словами. Похожий на него как близнец милиционер выглядел теперь гораздо более взрослым, чем этот парень. Так, наверное, и должно было быть.

– Продолжать движение! Направление – военный порт, причалы катеров и малых кораблей.

– Есть... Белый, Фима, Антон – ко мне!

Значит, обошлось без потерь. Повезло – первые очереди «Хеклер-Кохов» вполне могли кого-нибудь снять. Бронежилет из всех их был только у выжившего мента, а на 30 метрах «Хеклер-Кох» вполне действенен. Конечно, еще не вполне рассвело. И руки, наверное, тряслись. Но все равно повезло. Майор не сомневался, что убитые принадлежали к какому-нибудь современному аналогу «Бранденбурга», и его самая первая догадка оказалась, таким образом, совершенно верной. Но все равно – не укладывалось это в голове. Совсем... На дворе не 40-е годы XX века, на дворе «цивилизованный» 2013 год. Да, за последние два десятилетия по миру прокатилось больше войн, чем за период с 1950-го по 1995-й включительно, и многим неглупым людям уже после Ирака стало ясно, куда все это катится, но... Да, лучше чем «но все равно!» и не скажешь, как ни старайся... Дождались, значит, возможности. Их тоже можно понять, конечно. В определенной степени это как стратегическая компьютерная игрушка. Если у тебя государство с высочайшим промышленным потенциалом и готовые к бою армады танков на границе, ты не будешь слишком долго торговаться с соседями из-за цен на нефть. Особенно если у них нет флота, нет авиации, да и армии тоже практически уже нет. Так, несколько боеготовых бригад и сводных полков на технике производства начала-середины 80-х... «Мушкетеры», говоря тем же языком компьютерных игрушек. А дипломатические загогулины и игры в демократию и всеобщее равенство рас и религий – это так, запудрить мозги, выгадать время, пока аэродромы строятся вплотную к чужим границам. Зачем строятся? Глупый и даже «провокационный» вопрос, который игнорировался все последние годы. Дабы сэкономить топливо и силы экипажей и, соответственно, увеличить количество вылетов и полезную нагрузку после того, как будут окончательно сведены к нулю возможности очередного противника контратаковать. Которые и так-то почти номинальны. Которые номинальны всегда: с другими противниками НАТО не воевало никогда – слишком уж дорого стоит сейчас в «цивилизованных странах» человеческая жизнь. Ни разу с момента Вьетнама ни одна из «приводимых к порядку и демократии» стран не пыталась контратаковать своих могучих противников, выйти за пределы

«разрешенных» мер сопротивления на своей территории, ударить, ответить соседям, набрасывающимся на избиваемых с радостью голодных шакалов. Ни разу...

Бронетранспортер вылетел на перекресток, и водитель ударил по тормозам так, что машина пошла юзом. Система регулирования давления справлялась с пробоями колес на правой стороне паршиво, и БТР повело в сторону, но скорость была сброшена так резко, что полноценного заноса не получилось. Они были на месте.

– Товарищ майор!

Подбежавший к выпрыгнувшему из машины Сивому старший лейтенант был знаком в лицо, но фамилии его комбат-879 не помнил: значит, снова не свой, не из его батальона.

– Старшина, – майор повернулся к мордатому командиру отделения, дышащему так, будто ему пришлось собственными руками толкать «броник» половину дороги. – Людей тройками по фронту. БТР вправо, готовность простреливать улицу – секундная. Старший лейтенант, докладывайте обстановку.

– Согласно приказанию командира бригады осуществляю охрану причала ракетных катеров. Задача выполняется силами находящейся под моим командованием боевой группы в составе 2-го взвода 3-й роты 877-го ОБМП, с одним приданным БТР-80.

– Молодец.

Из краткого доклада явно бывалого старшего лейтенанта комбат выхватил сразу несколько ключевых деталей. Во-первых, Аносов действительно успел добраться до бригады до того, как ее начали давить всерьез. Во-вторых, он действительно разогнал мобильные боевые группы по важнейшим точкам. Малые корабли, в первую очередь ракетные катера, буквально напрашивались в качестве мишени для удара: из всего Балтийского флота, к 2013 году лишь базирующийся на ВМБ «Балтийск» дивизион еще представлял из себя хоть какую-то реальную силу.

– Сколько успели вывести? Главное – сколько техники?

– Не знаю, товарищ майор. Мы были одними из первых, а потом...

– Что потом – я знаю, – коротко отозвался майор, не собираясь делиться тем, что увидел сам. – Связь есть?

– Так точно. Батальон принял начштаба, командир не отвечал, а потом и связи с городом уже не было.

– И это я знаю тоже... – машинально сказал он опять, внимательно оглядывая ближайшие корабли. Там уже кипела жизнь: матросы то появлялись на виду, то вновь исчезали в надстройках. С удовлетворением майор отметил и то, что гнездо 6-ствольной 30-миллиметровой артустановки уже занято расчетом. Этот дивизион действительно был боеспособен, и именно поэтому за него было страшно. Ударят с моря противокорабельными ракетами? Нет, вряд ли, а если и ударят, то, скорее всего, не попадут. Рядом гораздо более крупные корабли и суда. И рядом же, почти вплотную к причалу – многочисленные здания высотой до четырех этажей: большая часть ракет наведется или на первые, или на вторые.

– Передайте в бригаду, что я здесь. Спросите, где 879-й. Понятно?

– Так точно...

Комвзвода исчез, и майор снова задумался. Что началась война – это понятно. Что Балтийск в первый ее час более важен, чем даже Калининград, – тоже. Тогда почему их до сих пор не утюжат авиацией? Почему ствольная или ракетная артиллерия не бьет по гавани? Загружает боезапас? Если да, то это считанные десятки минут – на новых самоходках все автоматизировано. Возможно, движение вперед они сочли более важным. Тогда что, обстреляют корабельной артиллерией? Это сработало бы, но артиллерийские корабли с серьезным калибром остались к 2013 году только у каких-нибудь южноамериканцев, которые вряд ли станут лезть в Россию. А быстроходным катерам противника для того, чтобы выйти на дистанцию действительного для их калибров артогня, нужно будет проходить через морские ворота, иначе при-

чалы прикроет Балтийская коса. Внутри же гавани дистанция уже почти нулевая: от 600 до 1000 метров, на такой вполне можно нарваться самому. Тем более в море уже пошел какой-то сторожевой катер: может быть, даже не вояка, а пограничник. Он сможет составить хоть какой-то дозор. Позорище, Балтийский флот, и ни одного корабля ДРЛО в дозоре, ни одного крупного сторожевика на боевом дежурстве. И бонового заградителя, разумеется, нет. Значит, топить катера будут или авиацией, или диверсантами. И если было выбрано последнее, то у моряков есть хоть какой-то шанс, потому что здесь он, командир 879-го ОДШБ, единственного в бригаде имеющего статус «батальона постоянной готовности». И старший лейтенант из 877-го ОБМП со своим взводом. И старшина 2-й статьи со своим отделением – из 878-го. Почти бригада, в общем.

Разумеется, диверсантам вовсе не надо было лезть на четыре его пулемета: они вполне могли пройти в гавань под водой. Но балтийская вода в марте – это не сахар даже для самого закаленного «тюленя», а до польских тервод все же далековато. В такую ветреную погоду на малых высадочных средствах они будут чапать до Балтийска минимум час, а за этот час в море может случиться все, что угодно. Так что нет, вряд ли...

– Старлей, – позвал майор вновь появившегося в поле зрения командира группы, потому что пришедший ему в голову вопрос показался интересным. – А что, матросы здесь уже были, когда ты с ребятами прибыл? Это же только-только вроде?

– Прибежали толпой во главе с офицером. Рыжим таким, лохматым. Мы только минуту как подошли, и тут они. Человека три еще вразбивку прибежало, все трое офицеры.

– Соображает народ.

– Так точно, – снова ответил тот, не собираясь переходить на менее официальный тон. – Товарищ майор, товарищ гвардии полковник потребовал передать вам свою благодарность. Он сказал – уцелела почти треть...

– Понятно, – кивнул Сивый, с секунду помолчав. Треть – это значит бригада уже потеряла около семисот человек. Или чуть меньше, если не считать дислоцирующийся отдельно 724-й ОДРБ. Если полковник имел в виду технику – разница невелика: без техники боеспособность батальонов в любом случае уменьшается в разы. И все равно – Аносов «выразил благодарность». Одно только это характеризует ситуацию вполне однозначно.

– Что еще он сказал?

– 879-й выдвигается к Приморску, 877-й ушел на Светлый. Техника бригады, за исключением нескольких машин, оставленных нам, поделена между ними, но большая часть уцелевших танков – с 877-м. Вам приказано нагонять своих и принимать командование батальоном...

Старший лейтенант сделал паузу, то ли подбирая слова, то ли пытаясь точнее передать интонации.

– Товарищ гвардии полковник передал также, чтобы вы держались, сколько можете: помощи нет и не будет. Мой батальон он оставляет прикрывать город и раздвигать его не станет ни при каких обстоятельствах. Он сказал, что, сформировав ротные боевые группы из тыловиков, сможет продержаться часа четыре точно... Я слышал, что звучали названия Ладушкин и Нивенское, но кто из соседей идет туда, я не в курсе.

– Мечниковцы?

Парень покачал головой, – этого он не знал. Майор подумал. Приказ был четким, а это всегда хорошо. Значит, какая-то часть штаба уцелела, и кто-то сейчас командует. Можно догадаться, что происходит на дорогах, и не только на них. Отголоски канонады доносились со всех сторон, кроме разве что северо-запада: там было море, и целей для противника там просто не было. В небе (майор поднял голову и в очередной раз внимательно посмотрел) было чисто – ни авиации, ни инверсионных следов. Калининградская область – одна из последних по-настоящему эффективных зон ПВО в современной России. Вероятно, вторая после Подмосковья. Истребителей здесь осталось – кот наплакал, максимум пара сводных эскадрилий, но «Буки»,

«Эсы», «Тунгуски» и старые «Кубы» в несколько эшелонов, под отлаженным управлением... Все это будет работать: и потери у атакующей авиации НАТО будут такими, что участвующие в покорении варваров государства быстренько вспомнят, когда несли такие в последний раз. В 1941-м, когда же еще... С моря – тоже не вполне прокатит, потому что хотя морем НАТО владеет последние десять лет уже безраздельно, береговой противокорабельный оперативно-тактический ракетный комплекс «Редут» под договор по сокращению вооружений в Европе все-таки каким-то чудом не попал, – и не учитывать это они не могут. Каждую батарею им придется уничтожать отдельно, комбинированными усилиями родов войск, а это время. Так что гораздо эффективнее будет давить системы ПВО и береговой обороны не бомбежкой, а траками танков и огнем артиллерии... В конце концов, танки, врывающиеся на вражеский аэродром, – это самое лучшее средство противовоздушной обороны. Как сказал Говоров. Или Гречко. Или еще кто-то из наших маршалов того, настоящего поколения. Неважно, в конце концов, кто именно. Сказано было в любом случае верно.

БТР уже мчался вперед по улицам Балтийска, заставляя оглядываться и махать руками десятки бегущих в разных направлениях людей. В этот раз майор уступил командирское сиденье старшине, сам снова усевшись на броню. Мысль о том, чтобы обменяться машинами со старшим лейтенантом, он отгнул, хотя выглядела она соблазнительно. Целые колеса, радиостанция – это было бы, конечно, полезно. Но радио нужно будет и самому старлею, а до Приморска они как-нибудь дотянут. Вторую мысль, о том, что попавшее под его командование отделение принадлежит другому батальону, он отгнул тоже. Это был уже инстинкт: мнение самого старшины его в этом отношении не волновало.

Итак. План развертывания бригады подразумевал действия всех четырех ее батальонов. План развертывания сил флота и округа – то, что они будут, эти силы. На 1991 год одни только сухопутные силы в Калининградской области насчитывали 5 полнокровных дивизий, включая 2 танковые, – с усилением любого возможного рода. На 2000 год в результате их последовательного «сворачивания» дивизий осталось две: с суммарным личным составом в 13 тысяч человек. И хотя это «на один зуб» серьезному наступлению противника, следовало признать, что тогда это тоже было серьезно. На 2001-й – одна: 1-я Гвардейская мотострелковая Пролетарская Московско-Минская ордена Ленина дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова. Сейчас на дворе был 2013-й – черт знает какой по счету год позорной «военной реформы», и от сухопутных сил в российском анклав от дивизии остались 79-я отдельная Гвардейская мотострелковая бригада и 7-й отдельный мотострелковый полк. Тот же самый, который «бывшая дивизия» и затем «бывшая бригада». Сохранивший ее название: тоже гвардейский, мотострелковый, Пролетарский... Все остальное превратилось в БХВТ – базы хранения военной техники с выставленными на колодки законсервированными машинами, потихоньку разукomплектовываемыми для поддержания в относительно исправном состоянии техники, имеющейся в еще не «свернутых» частях. Да и разворовываемыми тоже... Большая часть тонюсенького ручейка новой техники и вооружения шла на Кавказ, а списание имеющейся шло все это время полным ходом. «Создание сбалансированных Вооруженных Сил», по мнению ГШ и Правительства России, заключалось в том, чтобы сократить их как можно скорее как бесполезные и даже мешающие в освоении средств, выделяемых им же каждый год. Нелогично? А это как посмотреть... Вот 11-я Гвардейская общевойсковая армия с пятью или даже двумя дивизиями, из однозначно лучших – это было, конечно, «несбалансированно». А сейчас, когда от армии остались считанные батальоны, включая два полностью развернутых мотострелковых и один десантно-штурмовой, – вот это уже гораздо «сбалансированнее», теперь уж точно бояться нечего: супостаты прямо заранее скопом усрут от потрясения при виде их боевой мощи...

Додумать майор не успел: БТР вылетел на крупный перекресток и с размаху ударил в крыло громадный черный автомобиль, сияющий на утреннем солнце шикарной полировкой. БТР-80 весит более 13 тонн: несущийся под 90 километров в час джип швырнуло в сторону,

как игрушечный. Стальную скобу вырвало из руки Сивого, и следующее, что он увидел, была мелькнувшая в каком-то сумасшедшем кульбите земля. Сгруппироваться он все-таки успел: в этом отношении везением оказалось то, что на груди у него висел не нормальный АКМ, а радикально укороченный АКСУ. Как-то смягчил удар и бушлат – поэтому уцелели даже ребра, хотя цвет кожи под тельником наверняка будет куриным: судя по ощущениям, синяк там был сплошным. Кряхтя и отплеываясь, майор поднялся, после чего помог подняться оптимистично матерящемуся парню, которому здорово ссадило кожу на правой половине лица.

– Живы, товарищ майор?

Старшину наверняка приложило о броню, но, насколько Сивый понимал, на командирском сиденье было особо не обо что биться, – так что и у этого тоже обошлось. Водителю и пассажирам джипа повезло меньше, – невооруженным глазом было видно, что, несмотря на все подушки безопасности и прочие навороты дорогой современной машины, уцелели только трое сидевших позади: стонущая от боли девочка-подросток, крепкий мужик в блекло-коричневом пальто (без видимых ран, но вырубившийся) и визжащая баба лет тридцати.

– Да вы что? – захлебывалась она криком. – Да вы что думаете, уроды, говнюки?! Да вы знаете, кто мы такие, скоты вонючие?.. Да вас завтра же!.. Сегодня!..

Переставший обращать на нее внимание майор разогнулся и встретился глазами с глазами старшины. Завтра их всех могло уже не быть в живых, – а скорее и уже сегодня: в этом отношении баба была совершенно права. Полковник Аносов отдал абсолютно верный приказ: 879-й ОДШБ имеет шанс некоторое время удерживать шоссе, ведущее к Калининграду с запада. Там есть подготовленные позиции, в том числе и для танков. Но если давить береговые ракетные батареи агрессор начал с задержкой хотя бы на полчаса относительно первого удара по бригаде и остальным, то к этому времени тактический десант может их уже обгонять. А рассеченное шоссе означало то, что все находящиеся в Балтийске части будут отрезаны и размяты просто артиллерией, а через полдня – и авиацией. Часов для того, чтобы получить возможность умереть в настоящем, дающем какое-то удовлетворение бою, становилось, таким образом, все меньше: а это значило, что надо было продолжать двигаться.

– Уходим. Время...

Старшина, не тратя слов, полез в БТР, и тут же тот подпрыгнул снова: в его корму вцепилась очередная, на этот раз покрытая грязью сверху донизу, легковая машина.

– Твою мать! Боец, на броню! Не тормозить!

Замешкавшийся парень, в оцепенении глядящий на разбитые автомобили и стонущих и орущих людей, будто очнулся. Только тогда майор понял, что это тот же милиционер, которого он «мобилизовал» с час назад. Ну, это понятно: это у него рефлекс. Но ВАИ не придёт, можно не надеяться. Да и «скорая» вряд ли. А вот лишний ствол в составе отделения – это важно.

– Эй! – позвал он, сообразив, что понятия не имеет, как мента зовут. – Эй, ты!

Время торопило, церемониться было некогда. Майор перевел предохранитель «сучки» в положение, соответствующее стрельбе одиночными, не глядя направил ствол вверх и нажал на спуск. Несмотря на то что за горизонтом продолжало ощущаться, хотя и глухо грохотать, звук выстрела был настолько резок, что страдающий некоторым избытком веса и недостатком реакции младший сержант очнулся. Побочным эффектом выстрела стало и то, что большая часть из сбегавшихся к ним людей резко развернулись и побежали по более неотложным делам. Таковых, видимо, хватало. Глупо осуждать за панику гражданских, но это была именно она. Народ драпал. Заткнулась на самой высокой ноте и визжавшая без перерыва баба в машине.

– Я понимаю все. Но здесь ты ничего не сделаешь, разве что окажешь какую-то медпомощь. А там мы будем драться.

– У меня семья здесь, – тихо ответил милиционер. – Но я пойду...

Майор не ответил, даже не пожал плечами. Он карабкался на броню БТРа, – сидящий на вершине знакомый уже матрос-азиат с глубокой царапиной поперек лба протянул ему руку, чтобы помочь. Дизель взревел, и БТР, отпихивая бронированным носом останки джипа с трупами на передних сиденьях, начал разгоняться. Сзади снова принялись визжать и орать те люди, которые либо искренне не понимали происходящего, либо не желали понимать, поскольку это не укладывалось в их представление о том, что может с ними когда-либо случиться. Сжав зубы, майор Сивый продолжал додумывать ту мысль, которую оборвал удар. 609-й учебный мотострелковый полк дислоцировался в Гвардейске: это значило, что у него был некоторый шанс не попасть под артобстрел находящихся за Государственной границей, но все же на пределе своей дальности артбатареи. Но к текущей, скачущей сейчас минуте пограничников уже почти наверняка нет в живых, в современной войне пограничные войска – это ничто. Значит, самоходки могли уже пойти вперед, за танками и мотопехотой, давящими все на забитых машинами самых сообразительных беженцев дорогах. Натовская PzH-2000 способна держать на шоссе 65 км/ч, а чтобы изготавиться к стрельбе, ей нужны полторы минуты. Отсюда – рывком сократив дистанцию, примерно сейчас они уже снова готовы открыть огонь. А судя по звукам, может быть, именно они его уже и ведут... И даже если учебный батальон береговых войск поднялся по тревоге и сел на шоссе Нестеров – Гусев – Черняховск – Гвардейск – Калининград, продержится он недолго. На то он и учебный, конечно. Остаются 7-й отдельный мотострелковый полк и 79-я отдельная бригада, батальоны и дивизионы которой ровным слоем размазаны между Калининградом и тем же Черняховском. Несколько мотострелковых и один танковый батальон, самоходно-артиллерийские и зенитный ракетный дивизионы – это «официально» мощная сила. Но это если забыть об одной простой вещи: лишь по одному батальону в полку и бригаде развернуты в полный штат и имеют «постоянную готовность», – ни один другой батальон войск современного Балтийского флота как «оперативно-стратегического территориального объединения» не насчитывает сейчас и двухсот человек.

Кто остается еще? 73-й отдельный понтонно-мостовой батальон в Городкове – тот самый, где под командой майора служат 140 человек? 561-й отдельный морской разведпункт в Парусном? Отдельные «полки», «бригады» и «батальоны» с оставшимися в наследство от великой империи многозначными порядковыми номерами – большими, чем количество служащих в них солдат и матросов? Предполагалось, что в «угрожаемый период», упрощенно именуемый предвоенным, их технику примут рекой текущие в скадрированные части резервисты. Где оно было, это понимание того, что «угрожаемый период» начался в середине 90-х, когда в мире впервые прозвучал ликующий крик: «Бейте их! Нам за это ничего не будет – они русские!», как по-вашему? Где они, эти резервисты? А вот, прямо под носом...

Несущийся по более-менее расчистившейся дороге бронетранспортер вильнул в сторону, уходя от удара дуру прыгнувшей на него легковушки.

– Идиот! – проорал майор все равно не слышащему его водителю. – Дави их к такой-то матери! Гони!

По шоссе БТР-80 мог выдать 80 км/ч, но мотор был изношен, а система регулирования давления воздуха в шинах «плыла», так что они вряд ли держали больше 70. Понятно, что обгонял их почти любой. Отдельные машины (в стеклах мелькали перекошенные страхом лица) обходили их по широкой дуге. Столкновение с прущей по шоссе большой железной душой грозило им не разбирательством с ВАИ и затем судом, а тем, что они останутся здесь, под колесами и траками «освободителей». Тех самых, кто уже давно привык сначала стрелять, а потом, при необходимости, «выражать сожаление». Хотя куда бежать, зачем? В деревни разве что – подальше от городов. С севера и востока Калининградскую область прижимает к морю Литва: можно себе представить, с чем там будут ждать русских беженцев, пытающихся ускользнуть от «справедливой кары за годы кровавой оккупации». Почти наверняка прибалты своего случая не упустят: тактические удары куда-нибудь от Шилуте на Мысовку и с Таураге-Пагегяй

на Советск и Неман будут потом красиво смотреться во вклеенных в их учебники истории картах...

Идут железные роты литовской мотопехоты,
Тогда войне придет конец,
#####когда прибалт возьмет, возьмет...

Черт его знает, что он возьмет: в оригинале в посвященной армии обороны Израиля песне стояло «канал Суэц». Впрочем, может, и нет. Могучие армии гордых прибалтийских государств будут использованы, скорее, для полицейских и карательных операций. Для борьбы с партизанами и городским подпольем. В общем, как и в прошлый раз...

Ветер бил майора в лицо, и только поэтому он не пытался утереть слезы. Россия, бедная, несчастная Россия, как же часто тебе везет на предателей и просто дураков, стоящих у власти... Как часто сопливые восемнадцатилетние пацаны и давно осознавшие себя отцы и кормильцы многолюдных семейств должны расплачиваться за чужую глупость, с матерными воплями кидаясь в безнадежные контратаки на накатывающийся вал очередного нашествия. С самодельными сулицами и дроворубными топорами, с фузеями, с трехлинейками образца 1890-го и 1890/30-го, с ППШ и модернизированными «калашниковыми». Да сколько же можно?

Командир 879-го отдельного десантно-штурмового батальона морской пехоты майор Сивый, над фамилией которого ни один человек в здравом уме не посмел бы усмехнуться, плакал. Ветер размазывал его слезы, уводя соленые дорожки к вискам. Грохот и рев впереди стоял такой, что плохо было слышно даже 260-сильный дизель бронетранспортера, надрывающийся в попытках выдавить из себя еще хотя бы один квант скорости. Батальон, до которого оставались уже считанные километры, давили, давили, давили артиллерией, вбивая в землю. Значит, 6610-я база в Мамонове уже все... Значит, закончив с ними, самоходки начали или вот-вот начнут обстреливать Светлый, Калининград, и еще Калининград, и снова Балтийск... Интересно, сумели ли выйти в море ракетные катера? Живы ли еще их экипажи, жив ли тот старший лейтенант на причале, готовый со своими людьми драться, но настолько спокойный, что это было даже страшнее, чем сам предстоящий бой... Интересно, успел ли Ромка довести мать до мирного деревенского дома, в котором живет ее сестра, где они все проводили лето последний десяток годов, пока старшим офицерам не начали снова давать путевки на юг. И еще интересно, удастся ли вернуться туда, чтобы попытаться сделать то, что должен сделать каждый нормальный мужик, когда к порогу его дома приходят враги... Дом старый, стоящий на окраине микроскопического поселка в полтора десятка дворов: ни асфальта, ни телефона. Это хорошо – кроме карателей и официальных делегатов «нового порядка», туда никто не потрудится отправиться, а значит, у Саши есть шанс...

БТР уже ворвался в жилые кварталы Приморска, но дойти до разветвления шоссе они не успели. Сектор обзора майора был вперед и вправо, и вверх он не смотрел, как не смотрел туда никто. Хотя какая разница... Система наведения шедшей почти точно по оси шоссе оперативно-тактической ракеты MGM-140 «АТАСМС» засекла движущуюся быстроходную цель, параметры отраженного и излучаемого сигнала которой соответствовали бронетехнике. Одиночный БТР не заставил бы дорогостоящий боеприпас сработать, но в пределах нескольких сотен метров от него находились десятки прочих машин: от легковушек и автобусов до грузовиков, – а помехи от еще действующей городской электросети и засветки от зданий примерно соответствовали мерам РЭБ, ожидаемым от колонны бронетехники на марше. Снаряжена спикировавшая на шоссе ракета была в варианте «Block II А», то есть как раз в таком, какой требовался для поражения бронетехники или пусковых установок ракет. Она шла к батальону, уцелевшая к этому моменту техника которого еще занимала подготовленные для отражения высадки десанта позиции в нескольких километрах впереди. Но эта цель ее блок управления

устроила тоже. В течение не измеряемых обычными часами долей секунды вышибные заряды ракеты выбросили из ее тела 6 суббоеприпасов «ИВАТ», оснащенных индивидуальными системами наведения, похожих на растопыривших в прыжке лапы пауков. Самой дальней пораженной целью стала расположенная почти в 800 метрах от шоссе крупная коммерческая палатка «24/7», сделанная из гофрированного железа крыша которой бликовала в инфракрасном диапазоне, как настоящий Т-80. Два боевых элемента навелись на почти неподвижный, если сравнивать его скорость с их собственной, бронетранспортер БТР-80. Защищающий десантное отделение броневой лист имел в толщину всего 9 миллиметров, и у находящихся в бронетранспортере и на его броне людей не было ни малейшего шанса.

Расплескивая остатки невыработанного топлива, корпус выполнившей свое предназначение ракеты вбил в ухнувшую от удара крышу двухэтажного дома, попавшегося ему на пути. К этому моменту выпустившая его с находящейся чуть южнее польских Млынар огневой позиции установка М270 уже находилась в десятке миль от Бранева. Отстрелявшийся дивизион втянулся в хвост колонны 35-й Пехотной (механизированной) дивизии, с 2006 года входящей в состав армии США в Европе. Являясь, согласно плану, дивизией первого эшелона, организационно подчиненная Объединенному штабу НАТО в интересах выполнения операции «Свобода России», 35-я Пехотная пересекла Государственную границу Польской Республики и Российской Федерации в 10 часов 12 минут утра. Навстречу головному дозору ее 66-й бригадной боевой группы не было сделано ни одного выстрела: к этому времени сопротивление русских пограничников и располагающихся в пограничной зоне армейских подразделений было подавлено полностью.

Тремя месяцами раньше. Январь

История ничему не учит, а только наказывает за незнание ее уроков.

В.О. Ключевский

Сердце колотилось как сумасшедшее. 130 ударов в минуту – это был, наверное, самый минимум. Такому ритму соответствовал бы хороший спринт или что-нибудь типа поднятия тяжестей – но ничего этого не было. На самом деле известный в группе как «Док» Николай в это время медленно и аккуратно переставлял ноги одну за другой, задерживая дыхание в ожидании того, как скрипнет снег. Но снег был утопан – ведущей вдоль стены недостроенного кирпичного дома тропинкой явно немало пользовались после последнего снегопада, то есть вчера и сегодня как минимум.

Стараясь больше полагаться на слух, чем на зрение, и сдвинув для этого «уши» подшлемника чуть вверх, он продвигался вперед. Скорость, с которой Николай двигался, подошла бы скорее какому-нибудь престарелому одноному ветерану Второй Пунической. Да и испытываемый им уровень уверенности в себе – тоже. Дыхания за спиной не то чтобы не было слышно – его даже уже не чувствовалось. Это могло означать слишком многое, и в первую очередь тот простой факт, что он оторвался от остатков своей группы слишком далеко. Либо то, что он вообще остался один. Второе имело настолько однозначный исход, что можно было даже уже не слишком бояться – бессмысленно. Однако старательно прививаемый самому себе в ходе чтения философской классики и рекомендаций Миямото Мусаси фатализм помогал не слишком: сердце продолжало колотиться в ребра, мешая и слушать, и двигаться. А ускорение между тем могло понадобиться – причем, судя по ощущениям, весьма скоро. Дешевый и слабый «ИЖ-61» в руках требовал по крайней мере полсекунды на перезарядку срывающимися, неуклюжими в теплых перчатках руками, и это при том, что по самому ему в этот момент могут работать ствола три. Как уже говорилось, результат подобного мог быть только один.

Примерно в десятке метров справа чуть «вякнуло» чем-то тяжелым по утопанному снегу, и Николай тут же остановился, поднимая приклад ружья к плечу. Ствол уперся своим зрачком в угол заброшенного сарая, до которого было еще порядочно: метров тридцать минимум. Это или три-четыре минуты такого же движения, как сейчас, или секунд пятнадцать бега. Обвисшая поверх толстого свитера светло-серая зимняя «Горка» бесшумно терлась одной складкой о другую: ее размер оказался на пару номеров больше нужного и подошел бы скорее Железному Винни, чем Доку с его нормальным ростом в 182. Но Винни давно уже было не видно и не слышно, – скорее всего, он уже *все*, как и остальные...

Ну что, вправо? Сложенная из белого силиката стена мертвого дома, медленно протягивающаяся с правой стороны, буквально дышала ему в затылок черными глазницами окон. Но Николай знал, что смотреть вверх бесполезно. Даже учитывая сантиметров десять утопанного снега под ногами, заметить его из глубины комнат, не высовываясь, было невозможно. А высовываться никто не будет, потому что на высунувшегося всегда может посмотреть чей-нибудь ствол – а это слишком высокая плата за проявленное не вовремя любопытство. Ну, не любопытство, конечно, просто стремление сориентироваться, но и это не стоило лишнего риска. Если они понимают, что он остался один, то выгоднее всего им будет именно стрелковое соревнование на максимальной дистанции, когда решающим становится наличный остаток боеприпасов и как раз стрелковая квалификация... Ну-ну... Если бы не проклятое колотящееся сердце, то к этому тоже можно было бы отнестись спокойнее, а так...

Николай по-прежнему продвигался вперед осторожными приставными шагами, не отводя прицельную линию от чуть приблизившегося угла забора, где вот-вот могла возникнуть

чья-нибудь голова. Нервы у него были натянуты так, что в любой момент могли не выдержать, заставив его рвануться вперед, и хорошо, если молча. Такое с ним пару раз уже происходило, и ни один из этих раз не заканчивался благополучно. Да вообще и не мог закончиться... Поэтому он и держался.

Слева! Резкий звон металла по металлу был оглушающ. Николай крутанулся, ожидая неминуемого удара между лопаток, но деваться было некуда: в эту секунду он был зажат на утопанной тропинке между стеной того же громадного дома и остовом ржавого сельскохозяйственного механизма слева. Он успел даже развернуться, поэтому вторая пуля, с визгом раздирая воздух, прошла в десятке сантиметров от его головы. И даже выстрелить он тоже успел – в никуда, не целясь, просто в снежно-белое пространство перед собой. Но все это было уже бесполезно. Стрелка он увидел лишь после того, как третья пуля попала ему точно в грудь. Противник был на заборе и хладнокровно производил выстрел за выстрелом, опираясь животом на то бульбообразное расширение, которое строители пускали на нескольких верхних рядах кирпичей. Вторая попавшая в Николая пуля ударила ниже – в левую полу «Горки», чувствительно ужалив бедро, а следующая снова прошла мимо, со звоном влипавшись в тот же проржавевший механизм.

– Убит! – проорал Николай, кривя губы от острой боли в коже на груди и особенно в левой ноге: 4,5-миллиметровый свинцовый шарик угодил точно в проекцию бедренной кости. С трудом заставив себя разогнуться, он поднял «ИЖ» над головой обеими руками. Стрелок не ответил, – он уже исчез за забором, как будто провалился. Елки-палки, там же высота метра три, – как он туда залез?

По-прежнему держа ружье горизонтально над головой, Николай, прихрамывая и чертыхаясь, пошел назад. Весь путь, на который у него ушло около двадцати минут второй фазы задания, он прошел теперь минут за пять или шесть.

– Док! – проорали из-за сетки, когда он вышел в образованный навешенными на столбы матами входной коридор безопасности. – И тебя тоже, солнце мое? Ты последний, между прочим!

Машка дождалась, пока он, опустив руки, разрядит оружие и впихнет в ствол «Ижки» увенчанную игривым пластмассовым сердечком заглушку, пролежавшую все это время в его нагрудном кармане. Только после этого она откинула сетку в сторону, дав товарищу пройти.

– 39 минут, – широко улыбаясь, отметила при этом она. – Мы не ожидали, что ты так долго продержишься. Витька на 25-й вышел, а тебя все нет и нет. Пошли, наши уже чай пьют.

– Спасибо, Маш...

Николай наконец-то содрал с лица покрытый разводами инея прозрачный защитный щиток и с наслаждением вдохнул холодный воздух.

– Ух, хорошо...

– Шестой? – поинтересовался подошедший инструктор с яркой нашивкой «Барса» на плече форменной куртки.

– Так точно.

– Тогда все?

Николай только кивнул, кривясь. Настроение у него было даже не сказать чтобы паршивое – просто «никакое». Казалось бы, делов-то: два проигранных захода, оба «вчистую», то есть с соотношением потерь более 2:1. А переживалось это худо. Впрочем, иначе было бы менее интересно.

Инструктор дождался подтверждающего кивка от Маши и, подойдя к черному просмоленному столбу с неизвестно где добытым классическим «Не влезай, убьет!», ткнул длинным пальцем в пластмассовую кнопку. Над площадкой взвыла и тут же угасла сирена. Ждать смысла не было – уцелевшие члены выигравшей задание группы все равно должны были прийти в ту же соседствующую с мужской и женской раздевалками комнату отдыха. Поэтому, в очередной

раз поморщившись и растерев пылающее болью бедро несколькими круговыми движениями, Николай пошел за Машкой, прыгающей через сугробы с такой легкостью, будто пережитые за последние два с половиной часа нагрузки ее не касались. Впрочем, она могла уже успеть отдохнуть.

– Док пришел! – объявила Маша, распахивая дверь и склоняясь в издевательском поклоне. Делать было нечего, – пришлось входить навстречу вою и улюлюканью. Стоявший у стойки с кофейниками высокий парень из инструкторской команды только ухмыльнулся.

– Новый рекорд! – объявил Железный Винни. – Док умудрился продержаться дольше всех нас в третий раз за месяц! Презрев опасность, крался он по торосам и расщелинам, сжимая в напряженных руках верное ружье! Пули свистели вокруг, но это не смущало нашего героя! Нет! Он смело прокрадывался в тыл врага, страдая его меткостью своего огня!..

– Ладно, я понял уже...

Контроль над своим голосом Николаю удалось сохранить, хотя он не заявил бы, что это было особенно легко. Одна и та же ошибка, совершенная несколько раз, могла стоить ему как минимум репутации, а то и позиции в команде.

– Ну, понял, так садись. Ребят, налейте ему там чаю. Лен, к тебе ближе всех, между прочим, – не спи там.

Сдав оружие продолжающему ухмыляться инструктору и высыпав остаток пулек в стоящую на стойке закопченную консервную банку, Николай уселся с края скамьи. Поерзав сразу заледеневшей задницей на твердой доске, он с удовольствием прижался к теплому боку неунывающей Машки, уже успевшей избавиться от куртки и оставшейся в одном свитере. Самому ему, чтобы поступить так же, пришлось выхлебать первую кружку едва ли не до дна.

– Ну что, Док, пока ты там шляется, мы уже поговорили, перемыли друг другу косточки. Но еще раз все обсудить никогда не вредно, поэтому приступим. И про первую серию тоже – в свете результатов второй. Готовы?

Все вразнобой покивали, но как раз в этот момент в комнату ввалилась вторая группа – известная в среде игроков «Нарва», и пришлось ждать, покуда они не сдадут свои стволы, не проорутся и не просмеются. Только когда «нарвцы» обхлопали всех по плечам, с шуточками и прибаутками уговаривая не расстраиваться и не переживать лишку, возможно стало более-менее начать говорить. Длился «разговор» больше часа и, как обычно, утомил всех не меньше, чем собственно состязание. Обычно такое общение после окончания беготни на западный манер именовали «дебрифингом», но если говорить простым языком, это был просто разбор действий членов группы и группы в целом, своих и чужих. А поскольку группа «Юрк» провалила оба выпавших им на сегодня задания – «Великий Мумрик» и «Охоту на снайпера», – то легко это не было. Не избежал критики и сам командир группы, Железный Винни (в миру Витя Искандеров), единственный из них всех ветеран настоящей войны. Не спецназовец, не десантник – просто рядовой пехотинец, которому повезло найти себе в гражданской жизни занятие, удовлетворяющее его без остатка и целиком. Неглупый и зрелый мужик, ночами он руководил сменой охраны крупного жилого комплекса в Озерках, утром отсыпался, а днем подрабатывал вооруженным курьером, развозя на ухоженном «Гольфе» документы между какими-то офисами в Центре. Вечерами и по выходным он занимался тем, для чего ему нужны были все деньги, которые он успевал зарабатывать. Группа в складчину оплачивала Вите треть расходов на хардбол, страйкбол, пейнтбол (чтобы не закостеневать в тактике, их «циклы» они регулярно чередовали) и спортивное ориентирование. Он же за это отвечал за «логистику» в отношении резервирования баз и экипировки, закупки билетов на дальние выезды и карт на ориентаторские соревнования. И командовал, когда группа выходила на игровое поле или ввязывалась в серьезную ситуацию в реальной жизни. За остальное он платил сам, и денег ему вечно не хватало. Как и другим, конечно.

Витя был даже не самым старым из всех них, как не был самым старым и Николай Ляхин. Он не был самым агрессивным или просто хищным, хотя в стаях именно такие обычно и становятся вожаками. Но они не были стаей – они были именно группой, объединенной общими интересами в жизни. Не всеми, конечно: интересы у всех были разными, просто они перекрывались какой-то частью, как сложносочиненные окружности в венновских диаграммах. Маша, например, была старшекурсницей истфака, а в свободное время уходила с поисковыми отрядами в самые глухие углы Карелии и Псковщины – копать ржавое железо последней большой войны. При всем этом она была не «своим парнем», стриженным «под мальчика», а совершенно нормальной веселой девчонкой со всеми причитающимися ей по возрасту плюсами, то есть с коллекцией мягких игрушек на спинке дивана и фигурой, заставившей бы удавиться от обиды половину моделей знаменитого художника Бориса Валлехо. То, что она любила выкопанные из речного ила старые танки, лихую атаку уступом на отстреливающуюся с деревянной вышки в центре пейнтбольной площадки снайперскую пару и рукопашку в полный контакт, не портило ее совершенно.

Имеющий рост в 190 сантиметров Леша Тихомиров, обычно именуемый просто Тихим, был еще интереснее. Он совершенно боготворил домашнюю электронику и электрику: причем не какие-нибудь компьютеры или системы увлажнения воздуха, а бытовуху, вроде электроплит или тостеров. Ни почему так вышло, ни зачем ему это нужно, никто особо не понимал, но посмеивались над Лешей исключительно по-доброму. А если кому-то требовалось купить холодильник, то отлично знали, у кого спросить совета в отношении выбора. Как ни странно, Леша был не слесарем, а почему-то ветеринаром. Бывает. Не имеющая никакого прозвища Лена Карпат была старше большинства остальных членов группы. Профессиональный фармаколог и мать очаровательного белокурого чуда с голубыми глазищами размером с чайную чашку, она отличалась мягкой улыбкой и хладнокровием, которое вызывало у Николая тщательно маскируемую оторопь. Лена любила упражнения продвинутых комплексов сувари-ваза, бросковые техники классического самбо, ножевые рандори² и мужа – осевшего в Питере дальневосточника, смотрящего на все занятия своей верной боевой подруги с уважительным и философским спокойствием. Николай и сам любил многое из всего этого: или даже не любил, а принимал, как часть себя самого, – как часть того, что считал нормальным. Кто-то из их шестерки неровно дышал к лыжным гонкам на 30–40 километров: но таких было всего трое – Витя, например, был южанином, и в его родных краях на лыжах не ходили. Кто-то обожал плавание, вызывающее у Николая разве что тоску. Траншейный стенд любили почти все. Пиво и шашлыки – все без исключения. Нормально, в общем... Таких людей в России было три четверти городского населения.

Полтора-два года назад группа называлась еще не «Юрк», да и не была она еще настоящей группой. Так, просто компания общающихся чуть теснее обычного людей, чем-то привлеченных один к другому. Кто-то приходил, кто-то исчезал сначала на месяц, а потом навсегда. Маша пристала к ним из угасающей тусовки «Сорокоманов» – друзей по анонимной сперва переписке через газету бесплатных объявлений, узнающих друг друга в метро по круглым значкам с цифрами «801». Ее друг, имя которого не помнил уже никто, давно исчез, а она осталась, потому что в этой компании ей было все так же интересно. Они встречались примерно раз в две недели – где-нибудь у Львовских ворот на Петропавловке, у новых фонтанов на Московской, еще где-то. Витя пытался их как-то сплотить, повести за собой на самбо, на стрельбище в Сосновку, но тогда это мало кому нравилось. Поэтому, наверное, в их компании люди и менялись так часто. А потом убили Юру.

Юрка Медведев был совершенно нормальным молодым человеком – таким же, как все они. В 2007-м он окончил «Корабелку» и работал на Адмиралтейских верфях, с перерывами

² В дзюдо и томики-айкидо: ограниченная техническим заданием вольная схватка.

на «вынужденные отпуска» гнавших заказы для индийского и китайского флотов. У него был первый разряд по самбо, второй по спортивному дзюдо, и еще он любил танцевать и читать современную отечественную литературу направления «фэнтези»: чтобы у каждого по двуручному мечу и в небе разноцветные драконы косяками. 14 января 2009 года он возвращался с сестрой и устоявшейся подругой с затянувшейся на всю ночь гулянки по случаю встречи «Старого Нового года». Где-то в четырех сотнях метров от отпирающей двери станции метро «Улица Дыбенко» их остановили трое. Выпей Юра хотя бы чуть-чуть больше, и он, возможно, остался бы в живых. Скорее всего, нападавшие сломали бы ему пару ребер, отняли бы то, что им требовалось, и оставили в покое. Возможно, девушек даже не стали бы насиловать. Так, полапали бы, может, а то и просто попугали. Во всяком случае, именно эта версия звучала потом в суде. Но на улице был мороз, уже успевший выветрить из него часть алкоголя, а Юра был крепким 28-летним парнем, отслужившим в свое время два года в войсках ПВО: полбутылки шампанского и немного водки в самом начале вечера не значили для него много. В своей реакции и подготовке он не то чтобы был слишком уверен, – просто за спиной стояли присосшие к земле девчонки. А то, что, забрав деньги, мобильники и куртки, их в результате не тронут, гарантировать он сам себе не мог никак... Юра был единственным в тройке ранних прохожих парнем и при этом имел средний рост и не слишком заметную мускулатуру. Так что когда он посмел спокойным голосом послать троих вооруженных ножами крепких ребят по известному адресу, это привело тех в демонстративное изумление. Они даже выразили свою печаль вслух – и это тоже прозвучало потом на том позорище, которое назвали судом. «Придется поучить». Убивать его они, наверное, и в самом деле не хотели, зачем? «Просто поучить. Он сам виноват».

В какой-то мере, даже если учитывать по совокупности все, произошедшее после, Юре все равно повезло. Трое с ножами на одного безоружного – это почти всегда заканчивается одинаково. Николай прекрасно знал, что сам он в такой ситуации скорее всего был бы изрезан в лоскуты через минуту, как и любой другой. Первый разряд не играет против трех ножей, если их держат люди, имеющие хотя бы малый опыт практической уличной драки и настоящего ножевого боя. Но Юре повезло – ему выпал какой-то долго ожидающийся его шанс, и он отбил. Когда через несколько минут от «Дыбенко» на хоровой с переливами вой и визг обеих его несущихся туда на всех парах девиц примчался дежурный милиционер, – на утоптанном в зеркало снежно-ледяном пятячке все уже закончилось. Два мертвых тела лежали прямо посередине тротуара, крест-накрест один на другом, – а из двоих вцепившихся один в другого раненых сидящим сверху был Юра.

Самой большой ошибкой Юры стало то, что он не добил раненого, когда имел для этого возможность. Свидетелей не было, как не было их в течение всего боя. А значит, у него имелось время, – до момента, пока не появился размахивающий для баланса автоматом милиционер из метро. Но делать этого он не стал, и два трупа с одним официально задержанным им и «сданным родным органам» раненым нападавшим обошлись Юре гораздо тяжелее, чем три. Будь убитых трое, и слитный хор обеих девиц, полностью согласующийся с его собственным рассказом, дал бы суду возможность «учесть обстоятельства», кинув ему сколько-то там лет условно. Но одетый в хороший костюм, даже 4 месяца спустя демонстративно держащий обе руки на марлевых перевязях двадцатилетний «пострадавший» утопил на суде и Юру, и его девушек, как Герасим обклеенную лейкопластырем в три слоя Му-Му. Будь нападавшие русскими или какими-нибудь белорусами, все могло бы еще обойтись не так плохо, но они были кавказцами – и это оказалось решающим. Страна из всех сил боролась с проявлениями «русского фашизма», и рассказ бедного парня о том, как русский здоровяк, столкнувшись с его другом плечами на скользкой тропинке, начал хамить, обзвав того «вонючей чуркой», был встречен с полным пониманием и сочувствием. «Мы ему говорим: «Ты чего хамишь?», – а он на нас матом! Нас трое было, мы его отучить ругаться захотели – а он ножом...»

Попытки Юркиных сестры и девчонки буквально кричать о том, что все было не так, что Юра сумел выбить нож у первого из нападавших, поймав того на самбистский прием, что крики «Мы сейчас тебя прирежем, русский ублюдок, а потом твоих блядей выпотрошим!» звучали громче, чем отчаянный мат, которым «обвиняемый Медведев» пытался отвлечь внимание обрадовавшейся развлечению тройки от них, убегающих, – все эти слова не значили ничего. Программа по борьбе с проявлениями расизма, нетерпимыми в такой многонациональной стране, как Россия, проводилась правительством твердо и однонаправлены. «Ну он же иначе рассказывает! – с жалостью сказала судья, указывая черным от заново переживаемого ужаса девушкам на до сих пор бледного азербайджанца. – И хочу напомнить, что вы обе предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний...»

Все же, учитывая всякие смягчающие факторы, она отнеслась к вынесению решения чуть мягче, чем, наверное, могла бы. За совершенное «на почве расовой неприязни» убийство двух человек (включая несовершеннолетнего) и нанесение тяжких телесных повреждений еще одному Юра получил не 15 лет, а всего 9, с отбыванием наказания в исправительной колонии усиленного режима. К сожалению, эта разница не сыграла уже никакой роли, как и немедленно поданная апелляция, шансы на успех которой все-таки имелись. Через два дня после того, как Юру довели до места отбытия наказания, его убили, о чем семья заключенного Медведева была уведомлена в установленном законом порядке. Вернувшийся через год и разыскавший в Петербурге его мать татуированный парень с волчьими глазами рассказал, что Юре пробрили заточкой легкое, и он умирал еще около двух суток. Уголовное дело в отношении «нанесения... повлекшего смерть» было заведено, но особого расследования не проводилось: у администрации колонии было достаточно прочих забот. Других подробностей бывший заключенный не знал, а общение с воющей старухой его явно тяготило, – не отвечая ни на какие другие вопросы, он просто махнул рукой и ушел...

«Комсомольская правда», едва ли не единственная массовая газета в стране, смеющаяся изредка публиковать что-то о действительном положении вещей касательно «борьбы с проявлениями», выдала после смерти Юры заметку на 30 строк. Эта история все же получила какую-то известность: не только из-за своей полной дикости, а и благодаря общим усилиям ребят. Именно это, в итоге, и сплотило их в костяк того, что потом в среде хартбольщиков начали называть «группой «Юрк»». Почему-то Юру у них называли именно не Юрой или Юркой, а просто «Юрк». Вероятно, чтобы было короче... Они подняли всех – по одному-два по-настоящему полезных знакомства или родства было почти у каждого, не исключая и совершенно сопливую тогда Машу.

В обсуждении посвященной смерти Медведева микрозаметки, автоматом прилагаемом к онлайн-версии «Комсомолки», около 30 человек высказалось в стиле «Мочить всех черных! Да сколько же можно?», еще около десятка в разных вариантах повторили классическое «Скоро всех вас перережем, русские скоты!», а остальные – такое же классическое «Из этой страны нужно валить. Надежды у нее нет...» После этого заметку убрали даже из архива. Все это не имело никакого значения, как и то, что они, его семья и друзья, пытались сделать до и во время суда: Юра уже лежал где-то в вечной мерзлоте. Но все же именно после этого осунувшиеся, потрясенные, тогда только вчетвером с Машей, Лешкой и еще одним уехавшим через год в Норвегию парнем они пришли домой к Вите и, смахнув с его заваленного окурками стола полупустую бутылку, сказали «Давай...»

– Коль, ты чего?

Николай поднял голову. Лена смотрела на него через стол, спокойная и доброжелательная, уверенная в себе самой, в своей семье и в тех друзьях, которые разделяли ее убеждения, странные для 35-летней блондинки. Она наверняка понимала гораздо больше, чем говорила вслух.

– Ничего. Юрку вспомнил...

Лена кивнула. Почти одновременно кивнул и Леша, сидящий рядом с ней и с тоской глядящий в пустую пластиковую кружку. Два проваленных задания – это, наверное, они навевали настроение, которое только с очень большим оптимизмом можно было назвать философским. Ну, бывает и такое, чего уж там... Смешанный «разбор полетов» обеих групп – и выигравшей, и проигравшей, показал, что они действительно лажанулись. «Великий Мумрик», представляющий собой выкрашенную в серебряный цвет пятилитровую канистру, был в первом задании статусной целью атаки здания. Но окупившиеся бы успехом потери, понесенные при его поиске, оказались бесполезными, – «Мумрик» обнаружить не удалось. Астрид Линдгрен была бы довольна – предложенная ей полвека назад концепция «практически бесполезной, но при этом императивной цели» оказалась живучей. В ушедшей с пионерской организацией «Зарнице» эту цель называли «флагом», – к началу XXI века в среде любителей имитационных военно-тактических игр термин снова вернулся к «Великому Мумрику».

Во втором задании все было еще хуже: «нарвцы» использовали снайпера с единственным в их группе «Кроссманом-1077» как приманку. Показывая его издали, они слаженными действиями выбили половину противостоящей группы за считанные десятки минут. Тогда Николай и отбил от других своих – и он был такой не один. Произошедшее паршиво характеризовало не только тактическую подготовку, но и просто сплоченность группы, и «нарвцы» прошли по этому без снисхождения.

– Хороший день! – заявила Маша, когда все вышли на улицу, морщась от резко ударившего по лицам холода и снова вспыхнувших от движений болячек по всему телу.

– Отвратительный, – не согласился Винни. – Два раза по шесть трупов – в обмен на два плюс один. Последний раз – это вообще позорище. Док, тебе понравилось, как тебя сняли?

Николай кивнул: рассуждая отвлеченно, это было сделано действительно красиво. Забор был непреодолим как для отдельного человека без соответствующего снаряжения, так и для живой пирамиды, вскарабкавшейся на самый высокий сугроб. Но «нарвцы» отыскивали валяющуюся метров за сто от него двухметровую стремянку и потратили десять драгоценных минут для того, чтобы подтащить ее в нужное место. Остальное было делом техники: посаженный на забор стрелок оказывался в состоянии в одиночку контролировать весь левый «сквозной» фланг игровой базы, отстреливая слишком смелых без большого риска для себя...

– Ну что, тянем?

Леша сунул в их кружок кулак с торчащими из него спичками, но Николай покачал головой, и весь выбор ограничился вытягиванием одной короткой спички первым же человеком, протянувшим руку вперед. Три свободных места в нагруженной сумками машине Вити почти каждый раз распределялись именно таким образом. Девочки всегда ехали с ним, а пара человек с лишним часом времени всегда возвращалась в город своим ходом.

– Ладно, тогда все на сегодня. Не переживайте слишком, мы им в следующий раз хвост надерем. Что у нас в выходные?

Витя достал из внутреннего кармана уже заменившего поношенную «Горку» пуховика мятый картонный еженедельник и раскрыл его на отмеченной шнурком-закладкой странице.

– Мне сейчас тот парень сказал, что 2-я Сестрорецкая база «Барса» свободна на утро в воскресенье. Но по сдвинутому расписанию: в 9 ровно надо начинать, к 11.30 закончить.

– Кто враг?

– Я не спросил. Так интереснее.

– Задание?

– Первое – «Захват укрепрайона», второе «черное». Оружие и экипировка – снова хардбол. Берем?

Все переглянулись и пожали плечами. Поступив аналогично, Николай, задрав голову и выглядывая что-то в стилом сером небе, с неудовольствием подумал о том, что с пятницы на

субботу у него ночное дежурство, а «начало в 9 ровно» подразумевает то, что и в воскресенье выспаться не удастся тоже. Значит, придется спать в субботу днем – а это потерянный день.

– Ладно, тогда договорились. Я им отзваниваюсь завтра до полудня и подтверждаю резервирование. Деньги – как обычно. Все?

Все снова покивали, и группа распрощалась, обменявшись рукопожатиями и хлопками по плечам. По вторникам и четвергам они встречались в клубе СКА на самбо, а отдельные наиболее сошедшиеся по характерам пары ходили еще и на что-то свое: от бальных танцев до катков. Хотя последнее уже ненадолго. Сезон катания в Питере доживал, вероятно, свой последний месяц – за эту неделю здорово потеплело, и до настоящей весны, в общем, оставалось уже недалеко.

– Автобус, электричка? – предложил Сергей, когда Витька с ребятами укатил, задорно библикнув напоследок. – Или маршрутка?

– Автобус дешевле.

Парень согласно качнул головой, и они пошли к выходу с базы, взвалив на плечи сумки с промокшей от пота и инея одеждой. Мимо прокатили сразу две машины, в которых сидели «нарвцы». Мест у них хватало, но предложить подвезти бывших соперников хотя бы до остановки им в голову не пришло. Впрочем, они могли ехать куда-то по своим делам, – у крепко сбитой команды, сплошь состоящей из молодых мужиков, такие наверняка могли найтись. Вообще они были даже чем-то похожи друг на друга, и иногда Николай вполне серьезно думал, что это не просто так. Даже хардбол, удешевленная альтернатива страйкбола, все равно стоил дорого, а у этих ребят была явно хорошая тренировка, позволяющая им успешно действовать не только в стандартных задачах, но и в «черных», с целями, остающимися неизвестными до последней минуты перед выходом на площадку. Значит – тренируются они много и в одном и том же составе. Кто-то подкармливает? Может, конечно, быть и такое – и иногда, говорят, бывает. Но спрашивать глупо – если «нарвцев» натаскивают с какой-то реальной целью, то им и в голову не придет отвечать. А если нет и они просто богатые «менеджеры среднего звена», предпочитающие пейнтбол и его вариации водке и девкам, – то тем более. Впрочем, одно другому не мешает совершенно.

Они шли по утопанной, хотя и неширокой дороге, ведущей к шоссе. Скатанный в желтую мягкую пасту снег под ногами не хрустел, а чавкал, хотя мокрым не был. Сергей что-то непрерывно рассказывал, но Николай особо не прислушивался, хотя старался улыбаться в подходящих местах. Сергей был, на его вкус, немножко слишком говорлив. Но парень он был нормальный, и обижать такого, по большому счету, было нехорошо. Будь чуть поменьше усталости в костях, и он бы вел себя менее по-свински, но так Николай даже не хотел бороться с собой: настроение этому не способствовало.

На остановке, к которой они подошли после чуть взбодрившего даже его самого двухкилометрового марша, стояло четверо. Высокая деваха с выщипанными «в нитку» бровями, как носили в конце 80-х, крепкий молодой парень равного ей роста и стандартная пригородная пара – немолодая тетка с девочкой лет десяти. «Остановка» – это была асфальтовая площадка, вросшая в навалившийся на нее с одной стороны сугроб с торчащим из самой его середины столбом. Желтый фанерный лист сообщал всем присутствующим, что автобус будет минут через 15, но ждать его пришлось заметно дольше, еще примерно на столько же. Николай решил уже, что он или прошел сильно раньше, или не придет совсем, заставив их ждать следующего либо потрошить бумажники, ловя попутки. Либо топать уже на электричку, способную довезти его до «Ланской». В результате автобус все-таки появился, так что мучиться выбором не пришлось. Но что ему не понравилось – так это поведение молодой пары в последний десяток минут перед приходом опоздавшего рейсового «Икаруса». Опаздывают на встречу или какое-нибудь запланированное развлечение? Наверняка да, и это вполне объясняло то, как сильно они нервничают из-за такой ерунды, но не объясняло то, что нервничают они по отдельности.

Парень и деваха явно были вместе, хотя первый был заметно моложе: года на три минимум. Тоже дело житейское, разумеется: у самого Николая также был период в жизни, когда его бросало от 27-летней к 18-летней, – при том, что самому ему было тогда 22–23. Но эти двое, при том, что были парой, демонстративно не общались друг с другом. В ссоре? Да, скорее всего...

Свободных мест в автобусе не было, хотя «часом пик» время назвать было сложно: те, кто хотел уехать в город, уехали в него утром, а до обратной волны было еще порядочно: на часах не было и двух. По какой-то причине они все поместились рядом: ближе к передней двери парень, в метре от него сам Николай с товарищем, а почти вплотную рядом с ними – деваха с выщипанными бровями. Ехали все молча, смолк даже Сергей, начавший было выкладывать свое собственное мнение о везучих «нарвцах». Автобус рычал и надрывался: лет ему, судя по всему, было немало – такие автобусы ходили по городу еще в те времена, когда школьники средних классов каждый день перед походом в школу гладили на табуретках красные галстуки.

– Эй, сколько там времени сейчас?

– Два пятьдесят.

– Угу. А не в курсе, чего он опоздал так?

– Нет, не в курсе...

– А что так грубо?

Николай старался не прислушиваться к неожиданно возникшей в нескольких метрах от него перепалке на пустом месте, хотя Сергей вполне заметно крутнул шеей, на всякий случай готовясь двинуться. Но зачем-то начавший прикапываться к соседу молодой мужик с рассеченной надвое правой бровью затих так же резко, как задал свой первый вопрос. На этом ссора закончилась, и следующие несколько минут были совершенно спокойными. Автобус останавливался едва ли не у каждого третьего столба, и иногда водителю приходилось достаточно долго ждать, чтобы суметь вновь вклиниться в продолжающийся становиться все более плотным поток машин, идущих к городу. На одной из остановок на полпути к Питеру вышло сразу человека четыре, включая одну из сидящих бабок, и на освободившееся место, недолго думая, сел тот парень с остановки, на которого Николай так и не переставал тихонько поглядывать. Это тоже было странным: даже находясь в какой угодно ссоре, любой нормальный парень сначала все равно предложит сесть бывшей (или переходящей в состояние бывшей) подруге, и только когда она презрительно откажется – сядет сам. Но хотя пуповина чего-то связывающего этих двоих тянулась через весь дрожащий салон «Икаруса», как басовая струна, они даже не перемигнулись. «Паранойя, как обычно», – сказал доктор Ляхин сам себе, с неудовольствием посмотрев на отражение собственного вытянутого лица в затянутаю коркой инея оконном стекле. Мимо тянулись последние перед городом хвойные леса, и черный фон превращал исцарапанную ногтями тонкую изморозь почти в зеркало.

Лицо вытянутое, простая вязаная шапка такого оттенка темно-синего цвета, что она казалась черной. На плечах – сильно поношенная куртка, причем не кожаная, а тканевая, с дюжиной «зацепок» там и сям. Усы, отпущенные в последние пару месяцев – больше из интереса, чем из экономии времени на бритве. Печать усталости, причем не физической, какой бы значимой она действительно ни была, а застарелой, глубоко въевшейся в кожу. Возраст, черт бы его побрал: когда тебе переваливает за тридцать с мелочью, лета начинаешь ждать уже где-то с октября. Хотя толку-то, что через какие-то месяцы снова лето: денег все равно нет. Здорово, правда? Врач с категорией, а нет даже своей машины, не говоря уже о квартире. Нет постоянной подруги – не говоря о невесте или жене. Не осталось почти никого из друзей, кроме этих, с которыми действительно хорошо. Зато есть паранойя, все более и более напрягающая его отношения с родителями и коллегами. Если бы не это последнее, он был бы наверняка похожим на тысячи людей своего возраста, – и возрастов, близких к последнему в обеих направлениях. Типаж, во всяком случае, был похож. А так...

Николай снова перевел внимательный взгляд с равнодушно раскачивающегося с рукой на поручне Сергея на щипаную девицу. Что неловко – плевать. Едущий из области в город молодой и хреново одетый мужик сроду не постеснялся бы раздеть случайную попутчицу глазами – а то и сказать что-нибудь. Да и вообще, стесняться кого-либо он перестал уже давно, даже себя. Жизнь научила.

Девица наконец-то фыркнула и отвернулась, и парень на «одиночном» сиденье в паре метров справа повел плечами, показывая, что он все видит. Или не показывая, а просто замерзнув – если не двигаться, то в такой куртке должно было быть здорово холодно. Бедным парень не выглядел, больно у него было холеное лицо. Но напряжение под четко зафиксированной маской уверенности читалось на нем сравнительно неплохо. Забавно...

Николай вздохнул и начал вновь смотреть в окно, стараясь отвлечься. В то, что в четырехмиллионном городе неопит вроде него способен вычислить шпиона, он не верил. В шпионов верил, а вот в их поимку бдительными гражданами – не слишком. Почти наверняка у парочки есть тысяча и одно объяснение для поведения, которое кажется странным ему. У нее ПМС, она обозвала своего парня козлом и прогнала на ночь на коврик в прихожей, и теперь вроде бы хочет извиниться, но не знает как... Они оба поспорили «на Ганди», то есть на сутки молчания, и стараются держаться подальше друг от друга, чтобы не подавиться и так-то едва сдерживаемым смехом. Они наркоманы, сейчас у них начинается абстиненция, и они едва контролируют себя, в ожидании возможности встретиться у «Черной Речки» дежурного пушера... Ну, последнее совсем уж глупость, конечно, – на наркоманов эти ребята похожи были мало: в слишком уж они хорошей физической форме. Причем оба: в отношении парня можно было не сомневаться, что он рукопашник, девчонка же была слишком суховата в движениях для любого из видов спорта, в которых основное значение придается пластике. Значит, что-то на выносливость и терпение: лыжные полумарафоны, скажем. Или просто легкая атлетика на хорошем уровне.

Упражнение помогло: теперь вместо самоедства Николай начал посмеиваться. С полгода назад он пытался сдать в милицию человека, обозвавшего по-хамски ведущего себя билетера в идущем по проспекту Культуры трамвае достаточно редким в Петербурге словосочетанием «жорья-баба»³. Тогда Николаю показалось, что провода, едва ли не гроздьями висящие вдоль распахнутой молнии легкой осенней куртки, надетой на крепком и чисто выбритом брюнете лет сорока, не оставляют ему времени на лишние размышления. Подав команду «ложись!», он с места прыгнул на южанина, сшибив его с ног и уже в падении заламывая ему обе руки выше лопаток. Кто-то из догадливых пассажиров помоложе сел орущему и вырывающемуся мужику на ноги, и вдвоем они держали его в скрученном состоянии до того момента, когда ворвавшийся в полностью очищенный салон трамвая наряд не зафиксировал его уже наручниками. Повезло, что помогший ему парень был не из «Юрков», а совершенно для Николая незнакомым – в противном случае можно было здорово вляпаться в успешное раскрытие очередного «нападения группы националистов... на почве расовой неприязни». Повезло, что мужик оказался в достаточной степени реалистом и не предъявил никаких претензий. Да, он был чеченец по национальности, да, на поясе у него помимо выведенного на гарнитуру сотового телефона висел еще и MP3-плеер, – его он слушал, проводя по полтора часа в день в общественном транспорте. Да, он действительно обозвал хамящую всем подряд мымру и сделал это на родном языке, чтобы не дать ей повода поднять скандал на следующую ступень. Но при всем при этом он был не террористом, а кандидатом медицинских наук, последние 10 лет работающим в областной больнице в Озерках, что было подтверждено как документами, так и необходимыми звонками. В итоге, кавказец даже сумел усмехнуться, когда Николай (уже успевший написать объяснительную в отношении того, что именно ему не понравилось и откуда он знает отдель-

³ Старая карга, ведьма (*нохчи*).

ные чеченские слова) деревянным голосом извинился. Стыдно «Доку» Ляхину не было, максимум – это неловко. Можно было догадаться, насколько был обижен на него доктор, получивший, условно говоря, по морде по пути домой с работы – и все это в городе, в котором он жил и честно трудился уже столько лет. И какими именно словами поносили его люди в вытянувшейся на сотню метров цепочке вставших трамваев. Пускай. Один из немногих реальных советов по специальности, которые Николаю оставил дед по матери, бывший сапер, было никогда не трогать подозрительно выглядящие клубки проводов и железа самому.

В милиции к Николаю больших претензий не было, но ему все же посоветовали реагировать в следующий раз чуточку поспокойнее. В средства массовой информации его фамилия не попала, к не виноватому ни в чем чеченцу – тоже, и он в итоге решил, что отделался легко. Что ж, такие или почти такие случаи происходили в городе, наверное, чаще, чем пару раз в месяц, а вспоминать окончившуюся «пшиком» историю сейчас иногда было уже почти весело. Что же касается «быть спокойнее», этот совет Николай воспринял с достаточной серьезностью. Тем более что его уже несколько раз при разных обстоятельствах давали ему безоговорочно уважаемые им люди: от родителей до Железного Винни. Тем не менее, к уколам ощущения опасности или вычленения из окружающего части происходящих событий как «чего-то странного» он старался относиться серьезно. Иногда ему казалось, что это помогает в работе: во всяком случае, в больнице его ценили именно как везучего диагноста. Иногда – что мешает. Классические болезни внутренних органов все равно попадались ему на пару порядков чаще, чем экзотика вроде генетической патологии, – ну так на то он и был не педиатр-неонатолог, а терапевт...

Наконец они добрались до «Черной речки». Резко дернувшись, автобус встал и зашипел, раскрывая все свои двери, – и тут же все начали выходить. Выйдя вместе с остальными, Николай на пару секунд задержался, стоя с рассеянным видом у заляпанного замерзшими брызгами грязно-желтого металлического бока заслуженного ветерана общественного транспорта.

– *Hickboo!*⁴ – резко произнес он в черную спину, когда парень вышел через ту же дверь, что и он. Тот дернулся в сторону, разворачиваясь с отработанным автоматизмом бойца, – и столкнулся с Николаем взглядом. Нервозность прыгала в черных зрачках незнакомца, как попугай в клетке, а обе кисти он выставил перед собой в машинальной позе готовности к бою в «верхнем ярусе».

– *Semper fi?*⁵

– Что?

Девушка в десятке метров впереди остановилась, развернувшись поперек потока спешащих к метро людей. Во-во, это и имелось в виду...

– Тебе надо чего-то?

Николай только пожал плечами. Было уже ясно, что из его интуиции в очередной раз ничего не вышло, – голос у парня был нормальным. Хотя лицо – все равно странным.

– Тогда свободен.

Чужак повернулся и пошел своей дорогой – слишком неторопливо, как Николаю показалось. Интересно, что где-то за мгновение до того, как он начал этот разворот, отвернулась и девушка тоже. Задержавшись на шаг или два, она позволила парню догнать себя, и дальше они пошли вместе. Что она произнесла какое-то слово – это он скорее почувствовал, чем услышал, – и все равно не разобрал, какое именно. Хотя по интонации – вроде бы русское. Ладно, хрен с ними...

⁴ Внимание, опасность! (*англ.*) – сленговое выражение, употребляющееся в США со времен Первой мировой войны.

⁵ Сокращение от *Semper fidelis*, «всегда верен» (*лат.*) – девиз Корпуса морской пехоты США. Обычно произносится как «*Semper fi, motherfucker!*»

Николай повернулся и обнаружил, что Сергей улыбается, как Чубайс при виде электролампочки.

– Опять?

Он только кивнул, все-таки чуточку пристыженный. Забавно, что Сергей все-таки сначала прикрыл его, встав именно так, как это требовалось по ситуации. И только после ее благополучного разрешения позволил себе поскалиться... Все же они сработались. Хорошо было и то, что он сначала действовал «в соответствии с обстановкой» и только потом начинал высказывать претензии или комментировать. Сам Николай давно научился поступать так же, и были люди, которые это ценили.

– Я их тоже заметил, но мне показалось, что они просто провинциалы. Знаешь, если в Питер приехать из какого-нибудь совсем далекого Большого Мухосранска-на-Каме, то лица будут именно такие. Я видел.

– Может, ты и прав, – кивнул Николай, которому предположение показалось достаточно реалистичным, но Сергей все-таки не выдержал и добавил:

– Вы, питерские, все такие. Сейчас даже в Москве меньше снобов стало, чем здесь. Подумай об этом и не злись ни на себя, ни на них. Они наверняка вообще не поняли, о чем ты спрашивал. Приняли за уколотого? – ага? Ну и расслабься!

Они остановились на развилке замешенных на замерзшей грязи дорожек.

– Ты пешком? Проветри голову, это бывает полезно. Да и выходной завтра, тоже отдохнешь.

– Как ты думаешь, сколько нам всем осталось? – спросил Николай вслух, вместо того чтобы оправдываться дальше или рассказывать про ожидающий его «выходной». Это все равно не помогло бы: только что произошедшее в любом случае охарактеризовало его перед парнем как полного идиота.

– Года полтора-два минимум, – твердо, не задумавшись ни на секунду, отозвался Сергей. – А то и больше: все три, при хорошем раскладе. Мобильные «Тополя» окончательно выводят к 2015-му: к этому году и нужно рис в погребка закладывать. Так что не перебори к этому времени. Пока, в общем. До вторника...

Они стукнули друг друга по рукам и разошлись: один в метро, другой в сторону Каменноостровского. Николай шел, глубоко задумавшись, даже не столько над последними словами товарища, сколько над их тоном. Тема готовящегося вторжения была в их разговорах далеко не новой, но все равно интересно, как четко парень поймал смысл его вопроса. Хотя если жить достаточно долго, то увидишь и не такое. В одном из стройотрядов Николаю пришлось нарваться на случай, который убил его наповал в отношении существования возможности считывания информации с окружающего как чего-то большего, чем просто теоретическая концепция. Они играли в «Зулуса» – классическую игру студентов всех специализаций и научных работников в отпуске: загадываешь про себя слово, сообщая, имеется в виду нечто собственное или нарицательное, и выдаешь первую букву. После этого тебе начинают поперебой задавать вопросы, подпадающие под схему «это то-то?» Если ты не способен ответить, то называешь вторую букву, и так до тех пор, пока слово не будет угадано. Выигравший становится тем, кто загадывает следующее. Хорошая игра, ее многие любят. И вот в тот раз, когда очередь дошла до него, Николай загадал давно задуманное «собственное на букву «К»». Он ожидал, что уж полчаса-то отгадывание экзотического имени займет точно. «Барон Пьер де Кубертен?» – небрежно спросил один из товарищей, навсегда убедив его в том, что к «проколам сути» нужно все-таки относиться с хотя бы минимальным уважением. Ни разу до этого странного эпизода ушедший позже куда-то в МАПО доктор таких способностей не проявлял. А что с ним стало дальше и не видит ли он людей насквозь, как, говорят, делал доктор Боткин, – об этом Николай уже не имел никакого представления. Их дороги разошлись настолько

радикально, что, окончив институт с разницей в три года, они могли никогда и не встретиться. Отсюда оставалось мучиться сомнениями.

До дома Николай дошел в таком же, в общем-то, задумчивом настроении, в каком расстался с Сергеем. Именно эта самая задумчивость и сохранялась на его лице все то время, пока он с шумом раздевался в заставленной сохнувшими сапогами прихожей. Родители тоже только-только откуда-то вернулись и теперь с явным неодобрением его разглядывали.

– Живой сегодня? – с непонятной интонацией в голосе спросила мама, когда он разогнулся и снял со стула сумку – тащить в ванную.

– В средней степени, – вынужден был признаться Николай, потому что то, как он морщился и нежно трогал себя за ногу, мама уже наверняка срисовала.

– И куда на этот раз?

– Первый раз в плечо со спины. Но издали, нестрашно. И потом, в самом конце – в грудь и в ногу. Это уже лишнее было, конечно.

– А успехи?

– Да особо никаких, – был вынужден признаться он, с некоторым уже напряжением пытаясь понять, что родители собираются делать, начиная в очередной раз этот разговор. – Так, боевое сколачивание. С переменным, мягко говоря, успехом, – но полтора общих часа в активе, это всегда полезно...

– Для чего полезно?

– Да для спорта, для чего же еще.

Ответ был самую малость грубоват, – тем более, что ничего такого родители пока не спросили. Хотя явно и собирались. Николай попытался пройти в коридор со своей раскачивающейся на ремне сумкой, но это не сработало: отец небрежно остановил его жестом руки и спросил, как продвигается оформление соответствующих бумаг в отделении. Его можно было, конечно, понять. Начавший «поступать в аспирантуру» уже с полгода назад и полагаемый им явно неглупым сынуля не сделал пока ничего, выраженного в официальных документах. Ссылки на бюрократию, воспринимаемые сначала с полным сочувствием, действовать на отца переставали. Судя по всему, он уже понял, что должность больничного ординатора терапии в Покровской, бывшей имени Ленина клинике в Гавани есть то, на чем его сын застрял окончательно. То, какие резоны у того могут иметься для такого выбора, отец искренне не понимал – и не понял бы, даже ответь ему сын честно. На самом же деле Николай просто не верил, что проживет ближайшие четыре года.

– И что?

– В смысле, «что»?

В этот раз прямого ответа, способного развить скандал, не последовало, и таким случаем грех было не воспользоваться. Несмотря на разрекламированный дезодорант, от Николая несло потом, и душ был весьма кстати: уж против этого родители не возразили. Кроме того, 10 минут шумящей воды и оптимистичного марсианского уханья из ванной давали им некоторый шанс успокоиться. То, что это все-таки не сработало и что настроены они были серьезнее, чем он надеялся, Николай понял позже нужного, и вот это было худо. Спокойно прошел даже обед. Слава богу, сама терапевт, мама всегда положительно расценивала возможность дать сыну поесть без излишнего давления на нервы. А вот потом, вместо того, чтобы найти себе повод куда-нибудь уйти по неотложным делам, он зачем-то зашел к ним в комнату. Больно уж там было тихо.

– Спасибо, что заглянул.

Что ж, теперь оттенок в голосе отца определялся без труда. Сарказм. И еще неодобрение. Тоже не новость, конечно, но все равно паршиво для начала. Несколько вводных вопросов, – так, для разогрева. А потом настоящий:

– Ну скажи мне, Коль, – ну когда ты прекратишь вести себя, как... Как заклиненный на всем этом. Ну скажи нам, как ты представляешь себе свое будущее?

Николай вздохнул. Свое будущее он представлял вполне четко: как стоп-кадр из кинофильма. Но если бы он описал родителям то, что стояло перед его глазами, то специализированную по соответствующему профилю бригаду «скорой» они вызвали бы, наверное, сразу. Поэтому он предпочел соврать – и сделал это даже без большой борьбы с собой. Хоть какое-то, пусть и выстроенное на иллюзиях спокойствие родителей было ему важнее. Да и все равно, поверь они ему вдруг на все сто, оно будет относительным. А возможно – и недолгим.

– Работать буду, – произнес Николай вслух. – Работать, работать и работать. И учить языки, по мере сил. И автомат Калашникова, как положено делать реалисту. Извините уж меня за это.

– Колюня, ну ты же не то говоришь!

Мама прижала руки к груди, – лицо у нее было такое, что Николаю захотелось залезть куда-нибудь под темное одеяло и поплакать.

– Да знаю я, мама, что не то... – на этот раз уже совершенно честно сказал он. – Но что уж тут поделаешь. Работа – дело святое.

– Ты не понял?

– Да все я понял! Это вы не понимаете, потому как не хотите! И таких людей вокруг – девяносто девять процентов, вот что самое хреновое-то.

Он перевел дух, потому что звенящая в душе все последние месяцы струна натянулась до такой степени, что было ясно: держится она уже на самых последних волокнах. Порвется – конец.

– Знаете, как я чувствую себя? Как тот человек, который нахамил джинну, или молния в него попала, или что-то другое в этом роде, и его вышвырнуло в прошлое на 65, на 70 лет! Он на коленях стоит, умоляет окружающих: «Ну послушайте меня! Ну неужели вы не понимаете? Не видите очевидного?» Он кричит, да так, что у самого перепонки чуть не лопаются от боли. «В воскресенье! 22 июня! В 3.15 утра! Месяцы остались, недели, дни! Ну почему вы не слушаете?!» А люди пожимают плечами и проходят мимо по своим делам. Кто-то посмотрит как на сумасшедшего и уши заткнет, чтобы не так шумно было. А кто-то и сразу пинка отвешивает в костлявый зад, чтобы не кричал тут, не мешал наслаждаться летом и теплом. Вот это вы понимаете?

– Коленька...

Он все-таки не закричал сам, а проговорил все это более-менее ровным голосом и даже с каким-то минимальным оттенком чувства юмора. И вовремя остановился – вот что было удачным. Мнение родителей о том, что Россия может быть исключительно обузой для любого захватчика, а следовательно, армию можно сократить за ненадобностью... это мнение разделяло подавляющее большинство ее населения. Включая генералитет. Флот и ВВС, всего 20 лет назад бывшие в числе сильнейших в мире, уже практически прекратили свое существование в качестве реальной силы. Да, последние ракетноносные субмарины в «Беломорском Бастионе» и последние «Белые Лебеди» под Энгельсом еще могли запустить во врага некоторое количество апокалиптических по последствиям их применения дур. Но у Николая и тех немногих людей, кто разделял большую часть его опасений, имелись серьезные сомнения в том, что они будут запущены, если возникнет такая необходимость. В политическую волю правительства, высшего генералитета и даже самого гаранта Конституции он верил с трудом. Кошунство, правда? А что поделаешь...

– Мы вчера смотрели новости вместе вроде бы. Никаких вражеских полчищ у наших границ не демонстрировалось.

Шутка была вымученная, но хорошо, что отец сумел выговорить хотя бы это. Это было хорошим показателем в отношении того, что с Николаем еще видят смысл разговаривать. Впрочем, на родителей в этом можно было, наверное, положиться всегда.

– И минут десять показывали этого зануду Сердюкова в обнимку с очередной бутылкой шампанского. Корвет, как там его... Это не аргумент?

– Пап, – позвал Николай. – Ну ты представь себе, как на подступах к Смоленску или нашей Гатчине министр Сердюков, бывший завсекцией «Мебель» магазина Ленторга «Мебель-Паркет», ведет в бой танковые армии или дивизии народного ополчения? Да он их поведет, размахивая таким огромным белым флагом, что за ним не будет видно пыли клубами! «К 2014 году спущенный на воду корвет будет введен в состав флота. А к 2016–2018 годам в России будет заложен новый авианосец!» Усратья можно от этого потрясающего факта, извините меня, пожалуйста! Ты можешь себе представить, что скажет уже давно ушедший заведовать Внешторгбанком или каким-нибудь Мега-Лукойлом Сердюков или его предшественник Иванов, когда в 2018 году у них спросят: «А где тот авианосец, о котором вы с 2010 по 2013-й так часто говорили?» Да они на тебя посмотрят именно так, как ты, извини меня, пожалуйста, еще раз, на меня сейчас смотришь! И совершенно понятно почему – об этом еще Соловьев писал. И не который историк, а который знаток Средней Азии. «Или эмир за это время умрет, или ишак, или я». За столько лет, сколько осталось до 2016-го и особенно 2018-го, три четверти населения забудут, что они это говорили, потому что у них будет полно других проблем. А оставшейся четверти они смогут ответить что-нибудь глубокомысленное про объективные причины. Что, не так, по-твоему?

И опять Николай мысленно поблагодарил себя за то, что сумел остановиться в последнюю секунду. Общаться на тему того, что Иванов – враг народа, а бывший торговец диванами и сервантами Сердюков – ходячий плевок в лицо армии, он мог долго, но это требовало именно общения. А родители «закрывались»: уж это-то он увидеть сумел. Жаль, конечно... Хотя и «жаль» – тоже неверное слово. Это было больно, как, наверное, было бы больно тому самому человеку, про которого он рассказал в качестве примера. Понятно, в 41-м он орал бы недолго: отправили бы его куда положено и спросили, от кого это он такого наслушался и зачем провоцирует и так-то нервный народ. Потому что все понимали и сами. А сейчас, семь десятков лет спустя, не понимают. Или делают вид – причем так успешно, что обманывают всех окружающих и внутри страны, и за ее пределами.

Продолжая ту же вводную и доводя ее совсем уж до абсурда, можно было расписать красками дикую в своем сюрреализме картину того, как в 1941 году, пусть даже в самом его начале, какой-нибудь нарком в отутюженном костюме гордо докладывает с трибуны о том, что «за последний год мы приняли на вооружение 30 единиц новой техники». И продолжает разглагольствовать перед в удивлении внимающими слушателями в том духе, что «среди них – один экземпляр новейшего, не имеющего аналогов высотного истребителя МиГ-3 и два революционных, несомненно лучших в мире танка Т-34. Кроме того, пять истребителей И-16 тип 18 прошли глубокую модернизацию, что позволило значительно повысить их боевые возможности. Обращая самое пристальное, серьезное внимание на укрепление обороноспособности страны, в этом году мы выделили средства на достройку двух заложенных в 1932 году торпедных катеров типа Г-5, а к 1943 году в строй войдут сразу четыре таких катера, что позволит нам окончательно сформировать сбалансированный флот...» Тьфу, гадость! Что было бы с наркомом после такой речи? Угадайте с одного раза... А что происходит, когда это с высокой трибуны произносит министр обороны Российской Федерации? Все аплодируют...

Все это он продумал за секунду.

– Все так, – подтвердил отец, внимательно Николая разглядывая. У того даже возникло ощущение, что, проговаривая все это про себя, он ответил на тот самый, последний вопрос,

который не был задан вслух, но это была, конечно, иллюзия. – Только зачем, по-твоему, он нам нужен, этот авианосец? Даже просто как пример?

– Ну, один будет, конечно, практически бесполезен – тут ты полностью прав. А столько, сколько нужно, то есть по три на Северный и Тихоокеанский театры, – этого мы никогда уже не вытянем, пусть нефть хоть по 200 зеленых за бочку стоять начнет. Да только когда создаются условия, что цена за баррель нефти переваливает за сотню, а авианосцев так и нет ни одного, – для такого уже свой собственный термин есть. Называется «предпосылки». Угадайте, к чему.

– Коля, ну ты опять за свое.

Отец хмыкнул и кивнул за окно.

– Ну какая оккупация? Какие захватчики? В Норильске в позатом году 62 ниже нуля было! В Москве – 52! В Питере – 42! Любые захватчики, кроме каких-нибудь эскимосов, вымерзнут еще на границе! Штабелями!

Посмеялись они все же все вместе, и это чуточку разрядило напряжение: Николай даже счел на секунду, что сегодняшнее обострение родительской любви и заботы еще можно будет попытаться хоть в какой-то степени обратить в шутку. Если продолжать говорить меньше, чем думаешь. И не кричать.

– Ты же путешествовал: и не на так уж и много поменьше нас. И на Байкале был, и в Эвенкии, и в Оренбуржье. Ты видел, какие там просторы? По 100 километров от одного дома до другого бывает! Наполеон был полный кретин! А Гитлер – безумный идиот! Лезть в Россию, не имея людского ресурса, как у современных Китая, Индии и Нигерии с Эфиопией вместе взятых, просто бес-по-лез-но. Ну даже с чисто военной точки зрения, если уж тебе так хочется. Если оставлять даже просто в каждом райцентре России по сколь угодно малому гарнизону, то... Да четверть населения страны живет в местах, где и паровоз-то не все видели! Кому нужно завоевывать их? Как?

– Сильный аргумент, пап. Хочешь антитезис? Чингисхан.

Ляхин-старший поперхнулся и несколько секунд молчал, переваривая информацию.

– Да, – нехотя признал он. – Чингисхан – это, конечно, да. Сейчас что-то больно модно стало рассказывать, что ига на самом деле не было. Но что Чингисхан тогдашнюю Русь на четвереньки поставил целиком и полностью без мощных дорог и мототранспорта – этого пока никто не отрицал. Не нас одних, конечно.

– Конечно, – тут же согласился Николай, с удовлетворением поймав взгляд мамы. Мама понемногу успокаивалась: академический спор был настолько нормальным по атмосфере, что она наверняка уже чуть-чуть забыла, с чего он начался.

– И нас, и китайцев, и тех европейцев, до которых успели добраться Субудай с Батыем. А что касается ига – ну так через 850 лет после его окончания можно с совершенно чистым взором рассказывать школьникам, что никакого ига не было, а на самом деле была сплошная демократизация и борьба за права человека.

– И за что это ты так демократию не любишь – вот этого я не могу понять.

Теперь мама вздохнула снова, и надежда на то, что отделаться удастся легко, тут же исчезла.

– Демократию я люблю. Теоретически. Жаль, что никогда ее не видел. А было бы здорово – ходишь такой загорелый, круглый год в белом хитоне, рядом Аристотель о чем-то философствует, Пифагор молодого Архимеда клепсидрой по голове стучит, чтобы лучше учился. А вокруг сплошным спартанцы, сувлаки, амфоры, оливки, гоплиты и крайне легко одетые гетеры. Красота!

– Ну почему ты такая язва? Ну ты же был в Америке? За что ты ее ненавидишь-то так?

– Да вы что? Слово-то какое... Неверное...

Николай пожевал губами, подбирая такое слово, которое подошло бы точнее.

– Не ненавижу, конечно, а... Ну, боюсь, наверное, что ли... Как раз потому, что видел. А от этого страха и все остальное. Что же касается демократии этой расчудесной – так ее нигде нет...

– Ну да как же это нет?

– Да так, – против своей воли он все-таки пожал плечами. – Слово «демократия» в наши дни – это бренд. Трэйдмарк. Торговая марка. Существует сверхдержава, мощь которой позволяет ей эту торговую марку присваивать кому-то или, наоборот, отбирать. Если какая-то другая страна немедленно и абсолютно точно делает все, что ей приказывают правообладатели бренда – это страна демократическая. Если не хватает любого из этих двух параметров: то есть она все выполняет быстро, но неохотно, или наоборот – то это страна, в которой демократия находится под угрозой. А если она по каким-то причинам не хочет делать того, чего требует от нее прогрессивное мировое сообщество в лице своих наиболее демократичных представителей, – так, значит, это кровавый тоталитарный режим, преступления которого против человечности скоро переполнят чашу терпения многострадальной оппозиции. Или сразу НАТО. Примеры нужны?

– Знаешь, на что это было похоже, когда ты говорил?

– Конечно, знаю.

Он кивнул, не сомневаясь, что угадал точно.

– На нашу собственную пропаганду тех времен, когда молоко стоило 30 копеек и 15 тебе отдавали, когда возвращаешь бутылку. А на брандмауэре дома на углу от Сытного рынка висел здоровенный такой портрет Брежнева, к которому регулярно пририсовывали новую звездочку. Я помню, не беспокойтесь. Я это специально.

– Коля, – отец встал со своего места на диване и неподвижно застыл, то ли в нерешительности, то ли из последних сил сдерживаясь. – Ну ты же сам сказал, что помнишь. Ну что, тебе было бы легче, если бы все было, как тогда? Мама 110 рублей получала, я 125. Мы жили вчетвером в 12-метровой комнатухе в коммуналке, с окнами на помойку. Кухня в ней была покрашена синей масляной краской, туалет – зеленой, а питались мы макаронами и картошкой с селедкой, ну? А когда я, уже кандидат технических наук, вернулся с особо удачной шабашки по казахским кошарам и мама повезла тебя со старшей в Венгрию по профсоюзной путевке, – ты не помнишь, может? Ее вызывали на заседание ЖЭКа, на котором старые пердуны требовали от нее знаний о том, как зовут председателя Венгерской Компартии, сколько Венгрия добывает в год железной руды и каков объем ее ежегодного товарообмена с Советским Союзом.

Не хмыкнуть снова в такой ситуации было просто невозможно, поэтому Николай хмыкнул.

– Ну конечно же, нет, – сказал он. – Конечно, не хочется, все-таки я не идиот. Просто мне жалко того, что вместе со всем этим ушло. И даже не жалко, а...

Он вспомнил, что слово «страшно» уже говорил, но все равно не удержался и произнес его еще раз.

– Страшно мне. 20 лет назад у нас, может, колбасы не было и своей квартиры, но каждый нормальный чечен тогда тихонько пас баранов или добывал нефть, а грузин продавал мандарины или преподавал игру на фортепиано. И делали они это вместо того, чтобы или резать русских, или уговаривать заняться этим побыстрее всех окружающих. Да мы бы и сейчас с этим делом справились, это тоже не вопрос, – но за них каждый раз вступаются такие большие дяди, что нам только плакать в подушку остается. А вот когда по океанам табунами паслись советские ракетноносцы – вот тогда никакой Польше, будь она хоть четыре раза независимой, не приходило в голову требовать от нас всенародного покаяния за то, что мы по дороге на Берлин их газоны потоптали своими вонючими кирзовыми сапогами. И всем остальным тоже чего-то: кому Курильских островов, кому пригородов Хабаровска. А знаете, почему вдруг начали требовать? Потому что уже к 2004 году у нас на всех флотах вместе взятых осталось 4 «Тай-

фуна» и 14 или 15 «667-х», не помню точно. А к 2013 году – 1 «Тайфун» и 6 «667-х», – и это все! На дворе 2013-й, и это все, понимаете? Наши флоты вот так вот, одной левой, сейчас может раздавить Тайвань! Турция! А вы рассказываете мне про демократию и права человека! Права человека мы каждый день видим: идет себе такой человек по улице, никого не трогает, любитесь видами Италии. Ему, фигак-с, – оранжевый мешок на голову. Очнулся – вокруг Гуанатамо Бэй, а в заднице фонарик.

– Коля...

Встретившись с отцом глазами, Николай совершенно четко осознал, что тот действительно едва сдерживается, чтобы не заорать. Нервы у отца были на зависть крепкие, но сейчас его зримо трясло, а это означало, что пора заканчивать. Ни в чем он их все равно не убедит, как не сумел сделать этого во все предшествующие разы. Которые были.

– «667-е», – это наши самые длинные демократизаторы после «Дмитрия Донского», – объяснил он тоном ниже. – Весьма неплохие, насколько я знаю, – но только больно уж их осталось мало... Вы можете думать, что это неважно и даже хорошо: многие так и думают. А я вот очень боюсь, что когда они кончатся совсем, прогрессивное человечество явится к нашим воротам со своими собственными... демократизаторами. И потребует ответа за все те годы, когда вынуждено было с нами считаться.

– Коля, пообещай нам, что ты нас слушаешь... Мы же с мамой любим тебя, ты знаешь. Ты очень много работаешь и слишком много занимаешься спортом. Самбо, бег, стрельбы эти твои... Спорт – это замечательно, если это в меру, но нам кажется, что ты с ним чуточку перестарался. Может, тебе отдохнуть? Или на какие-нибудь менее агрессивные, что ли, виды походить.

– Так я же лыжник, – удивился Николай. Точнее, сделал вид, что удивился.

– Я не о том.

– Да я понимаю... Хорошо. Наверное, вы правы в чем-то... Ничего я не решу, сколько бы я налогов ни платил, и все такое. На авианосец я все равно не накоплю... А со спортом... Ну, я подумаю. Обещаю.

Николай легко кивнул, пожал плечами и развернул кисти рук наружу. Можно было надеяться, что, комбинируя все те невербальные сигналы, которые (если судить по соответствующим руководствам) демонстрировали собеседникам «принятие аргументов в ходе спора», он заставил родителей подсознательно поверить в его слова.

– Ну, договорились?

Ему показалось, что мама вот-вот заплачет, но обошлось. Он ответил на объятия родителей, прошелся по комнате, провожаемый взглядом так и стоящего в ее середине отца, и остановился у окна, глядя наружу. Там все было нормально, кроме того, что почти не было заметно движения. Едва ли не посередине тротуара на противоположной стороне улицы запарковалась пара огромных внедорожников: один сияюще-серебряного цвета, другой – выкрашенный в «золотой металлик». Их хозяева разговаривали между собой, – судя по всему, спокойно, жестикуляция их была даже не скупой, а минимальной. Машины стояли бампер к бамперу, и идущие по своим делам пешеходы вынуждены были обходить их по проезжей части. Для этого людям требовалось пробраться через сформировавшиеся со времен последней вывозки снега сугробы, но большинство из всех сил делало вид, что им это не доставляет никаких неудобств. Грустно. Нет, писатель Олег Дивов прав – без массовой выбраковки стране не выкарабкаться...

Теперь Николай усмехнулся и сам – не столько ситуации, конечно, сколько неожиданному каламбуру. Почувствовал взгляды родителей, обернулся и улыбнулся снова: уже вместе с ними.

– О чем задумался? – поинтересовалась мама.

Если бы Николай честно ответил, что о плюсах легализации короткоствольного нарезного оружия, это противоречило бы его минутной давности обещанию, поэтому он сообщил, что думает о психологии человеческой вежливости.

– Что? – не поняли оба его предка, и тогда пришлось показать.

– Предлагаешь кирпичом?

Добрый доктор Ляхин покачал головой. Он предложил бы суд Линча, но высказывать это вслух не стоило совершенно.

– Обратиться в международный трибунал, – сказал он вместо этого и тут же сам почувствовал, какой глупой вышла шутка. – И потребовать ввода миротворцев. Узбекских.

– Почему узбекских?

Отец спросил, судя по всему, тоже машинально.

– А для разнообразия...

Разговор было пора заканчивать, пока Николай не произнес что-нибудь такое, что потом в глазах родителей пришлось бы заглаживать очень долго. Поэтому он вздохнул, изобразил на лице то ли раскаяние, то ли хотя бы просто усталое смущение, расцеловал родителей и направился к двери. Последнее у него получилось ничего, достаточно естественно. В отношении же «изобразить» он не был так уверен, поэтому потратил еще несколько минут, отвечая на какие-то совсем уж бытовые вопросы. Напоследок он улыбнулся совсем уж по-доброму, как много лет назад, и вышел, выдувая губами простенькую мелодию, весь последний час звучавшую у него в голове. Если бы высвистеть, она легла бы лучше, но денег ему не хватало отчаянно, поэтому он не рискнул.

– Ты заметила, что он пропел? – спросил отец, когда дверь закрылась и ровные, спокойные шаги затихли в изогнутом коридоре.

– В каком смысле?

– В прямом. Он так помурчал тихонечко, когда выходил. Не услышала?

– Что-то такое – да, но я не поняла, что. Мало ли...

– Это «Рио-Рита» Никитиных, – отец поднял взгляд от пола, и его лицо оказалось таким искаженным, что мать Николая вздрогнула. – *«Ничего, что немцы в Польше, – но сильна страна...»* – вот эту вот строчку. Поняла? Он не сомневается. Мы все, что угодно, можем говорить, он нас все равно не слушает...

Отец помолчал с полминуты, раздумывая.

– Ладно, – наконец сказал он. – С меня спрос слабый, я технарь. Но ты врач – с большой буквы «В». Давай думать, что мы сможем сделать, если перестанем относиться к нему как к тому маленькому мальчику, которого мы растили. Ты всю жизнь по поликлиникам и больницам: тебе что, никогда не приходилось видеть психически рушащихся на твоих глазах людей? Навязчивая идея, депрессия, шизофрения, в конце концов, – что это такое, наконец, может быть?

– Олег, я...

Ей пришлось собраться с силами несколько долгих секунд, потому что в комнате вдруг начало резко не хватать воздуха.

– Все может быть в итоге не так плохо. И ты, разумеется, мешаешь в одну кучу все подряд – и отдельные симптомы, и диагнозы. Шизофрения... Никакая это не шизофрения, конечно. И не депрессия. Если бы это была депрессия, Кольчик не работал бы так, как он работает, – уж это ты знаешь. И не бегал бы по вечерам. И не вскакивал бы в 7 утра в субботу, чтобы ехать куда-то за Сестрорецк в компании таких же, как он, стрелять там во что-то и опять бегать.

– Лучше, чем водка, – очень точно в тон последней фразе сказал доктору Ляхиной ее муж, слушая очень внимательно.

– Совершенно верно! Лучше, чем водка, и гораздо лучше, чем наркотики. А что касается всех этих разговоров, то... Ну, наверное, мальчик действительно имеет некоторую склонность к повышенной тревожности. Очень сильно повышенной, особенно в последнее время. По объективным наблюдениям, говоря совсем уж формально... Ну, может, года два или чуть больше. Вспомни его до... До Чечни этой проклятой. Он же совсем другим был. Учеба, спорт этот его сумасшедший и засосы на половину шеи. Как и положено в его возрасте. А все мысли, о которых мы знали, это или о девчонках, или о той же учебе, или о том, чтобы начать бегать вообще как страус, чтобы выиграть какой-то там невиданный «Кубок Белых Ночей». Вот о нем он с такими горящими глазами тогда говорил, а не о том, сколько подводных лодок в стране осталось. Да какое дело нам до этих лодок? И ему?

– Саша, ты про другое начала. Тревожность. Склонность. Давай стараться все же к основной теме вернуться. С лодками мы с тобой ничего не сделаем, хоть вывернись мы наизнанку, а эту его склонность... Это Чечня, как по-твоему?

– Да.

Мать процедила сквозь зубы такое слово, что ему удивился бы и биндюжник. Это был почти ритуал, с того, самого первого раза, когда она узнала о случившемся с ее младшим ребенком. И это чуточку помогало.

– Мы не знаем на самом деле, что там было. И то, что Коля никогда не расскажет, это тоже понятно. Вариант – это напоить его водкой или даже водкой с чем-нибудь растормаживающим, чтобы из него полезло. И спросить в лоб. Но я боюсь, что то, что мы от него можем услышать... И сам факт, что он нам это расскажет... Это может отдалить его от нас еще больше... Ну хорошо. Я вижу, что ты хочешь сказать. Ладно. Говоря по-честному, я полагаю, что травма у него вполне могла быть не только психическая, но и физическая тоже. Помнишь, мы у него рентгенограмму нашли? Ребра у Коли были целы, руки-ноги тоже, поэтому нас тогда ничего больше не волновало. Думали, отойдет. И отошел, конечно. Закончил учебу, и получше многих. Работать начал. А потом вторая эта история⁶.

Теперь помолчали оба. О том, что случилось с их сыном в родном, мирном городе через полтора года после возвращения из Чечни, они могли только догадываться. Но, пропав на несколько дней после цепочки странных, не имеющих логичного объяснения событий и завязанных на них поступков, он вернулся с воспаленным рубцом от свежего касательного пулевого ранения на левой руке и с уже знакомым выражением в глазах. Таким, от которого любому нормальному человеку хотелось выть. В этот раз Николай молчал гораздо меньше, чем в прошлый – максимум месяц. Только это позволило им остановить рвущуюся наружу панику и продолжать выхаживать его. В значительной степени – просто видимостью нормы: разговорами, общими походами по гостям и ударно развернутой без лишней необходимости стройкой на даче. Такое называется «слон в комнате»: концепция под этим забавным названием почти идеально описывает обстановку, существующую, к примеру, в семьях алкоголиков. О проблеме все знают, но все ее игнорируют, даже не в надежде, что она исчезнет, а просто из самозащиты. Но это в конце концов сработало: постепенно до выжегшего себя изнутри Николая начало доходить, что у него все-таки есть любящая его семья. Помог и пример обоих дедов, портреты которых, со всеми их регалиями, висели с того месяца в его комнате. Прошедшие три войны на двоих, вступив в первые в возрасте, в котором еще мало кто выходит из состояния перманентно испытываемой наивности, оба они при этом остались одними из самых добрых людей, которых Николаю приходилось встречать. Это тоже помогло – как он сам не раз говорил по разным поводам, «не он первый, не он последний». Но вместе с тем на сыне Олега и Александры Ляхиных все равно отразилось то, что случилось с ним в те недели, – что бы там на самом деле ни было...

⁶ С. Анисимов, повести «Дойти и рассказать» и «Кома».

– Есть такое понятие, – негромко произнесла бывшая терапевт. – Называется «дистимия». Хроническая, обычно длящаяся более двух лет депрессия – чаще как раз после психотравмы.

– Ты с минуту назад сказала, что это не депрессия.

– Именно так. Дистимия – это «по мотивам» депрессии. Сглаженная, вплотную приближенная к «вариантам нормы». Насколько я помню – как раз без социальной дезадаптации и суицидальной симптоматики.

– Суицидальной!

Вот тут отец Николая уже почти улыбнулся, как бы худо ему на самом деле ни было.

– Какая у него бывает «суицидальная симптоматика» и «сглаженная депрессия», это мы с тобой в декабре видели. Четкий прямой с правой! А потом разворот на второго! Клянусь, я услышал, как у того сфинктеры прорвало. И ни секунды раздумываний о трагических судьбах российской интеллигенции – сразу дело. Так что...

– Практически я была в ужасе, как ты помнишь. Но глядя со стороны – это тоже симптомчик. Социальная деморализация. Я не психолог, и уж тем более не психиатр. Но поведенческая агрессия...

– Сашуля, не передергивай. Когда человек дает в морду на сделанное в грубой форме предложение быстренько одолжить ему сотовый телефон – это не поведенческая агрессия. Это нормально, особенно если тратить столько времени и денег на спорт, сколько тратит он. Я тоже не шахматист был, если ты помнишь.

На этот раз не кивнуть мать Николая не могла. Ее муж в молодости действительно был не хилым парнем, да и сейчас, в общем-то, кое-что мог. Но декабрьская история каждый раз заставляла ее морщиться. Она воспитывала сына совсем иначе. Уметь защитить себя – это одно, против этого глупо иметь что-то против. Но перешагнуть через сваленного им человека, как через пустое место, – равнодушно и раздраженно... Это был уже перебор. Это действительно заставляло задуматься.

– Тревожная сенситивность, – негромко сказала она вслух. – Она же тревожная мнительность. Она не только психотравмами провоцируется, в общем-то. Хроническая боль, о которой мы ничего не знаем. Отравление углекислым газом, переизбыток кофеина или лактатов, холицистокинин, – вот с этим я и сама сталкивалась. Он действительно начал кофе пить, хотя совсем недавно еще не любил.

– Думаешь, это?

– Нет... Пожалуй, нет.

В этот раз она ответила не так уверенно, хотя кофе Николай пил такой, что взрослому человеку было смешно.

– Панических атак мы у него не замечали, в общем. Ни классических, ни истерических, ни «тихих слез». Даже то, что вот только сейчас было – с его шипением и выпученными глазами, – это все равно не истерика. Он себя контролировал, иначе дверь не прикрыл бы в конце, а захлопнул в середине разговора. И «Рио-Рита» эта...

– Да.

Отец прислушался и предупреждающе поднял ладонь. По коридору негромко протопали шаги, потом в прихожей зашебуршало. Несколько стуков, затем обычное «я бегать пошел!», и через пару секунд щелкнул язычок замка.

– Сегодня рано, – сказала мать Николая, вернувшись из прихожей. – И нунчаки свои не взял, в прихожей лежат. Он то берет, то не берет их теперь. А раньше, с год назад, вообще не брал.

– И что?

– Да ничего. Анксиолитики и транквилизаторы. Паксил, может быть, мапротилин. Сейчас буду звонить по своим девочкам. Дурацкая тревога без причины... Уж это я как-нибудь вылечу. Во всяком случае – попробую.

Январь

*Центральная идея каждого плана, составляющая его сущность,
должна быть проста.*

Пауль фон Гинденбург

Выбрать для операции более паршивую неделю было бы сложно. К утру мороз чуточку спал, но все равно было не меньше -8° Цельсия, и дыхание оседало на воротниках утепленных курток белыми хлопьями. Ветер в лесу не слишком чувствовался, но когда они вышли на опушку, он тут же продул плотную ткань насквозь.

– Гадость, – произнес Турпал на родном языке. – Ненавижу...

Он видывал снег и раньше, и даже много, но все это было не так, как здесь. И дома, и в Грузии снег никогда не пропитывал землю в глубину – просто красил. Отдельные крупинки пересыпались под ногами, как крошки сухарей, лезли в швы одежды, и в детстве это всегда радовало. Здесь же снега было слишком много. Он был везде. Россия, что еще сказать... Север.

Группа вытянулась с места ночевки аккуратной, ровной цепочкой. Головной дозор – пара бойцов, выдвинувшихся на пять десятков метров; силуэты крадущихся едва видны среди стволов лысых сосен. Тыловой дозор – один человек, задачей которого является больше слушать, чем смотреть. Еще по одному – по сторонам, опытные, надежные бойцы. В центре ядро – шесть человек, включая командира группы. Теперь у них, хвала Аллаху, было оружие. До вчерашнего дня Турпал чувствовал себя просто как голый и знал, что эти его ощущения разделяют все без исключения товарищи по делу. «Турпал» на многих южных языках означало «герой», «атлет», и он действительно не затруднился бы скрутить одного-двух врагов голыми руками, а потом забить их насмерть, но сейчас был не тот случай. Распирающие шерстяной свитер мышцы не имели значения по сравнению с мощностью, которая пряталась в каждом латунном цилиндрике патрона, в каждой гранате.

– Время?

– Нормально.

Турпалу даже не понадобилось смотреть на часы. Он знал, что они идут с хорошим запахом. Впрочем, ускориться действительно можно. Марш-бросок по лесу не согрел его как следует, а впереди еще как минимум час ожидания на месте.

– Мерзнешь?

Он покосился на товарища, но ничего не сказал, только усмехнулся. Мороз и ветер насквозь пробивали все, что было на нем надето. И ему еще повезло – теплая форменная куртка русской армии была лучше, чем хваленые «Полярные Щиты», надетые на большинстве бойцов. Молодой Гада вообще выглядел как снеговик из мультфильмов – с красным носом, с пылающими красными щеками и с талией куртки, бугрящейся от скомканного, слишком для него большого свитера. Ночь была паршивой: собравшись у тайника точно в срок и к всеобщей радости в полном составе, они так и не сумели отдохнуть как следует. Теплая одежда, примусы, химическое топливо – все это во вскрытом контейнере тайника было, но все это оказалось почти бесполезным против ветра и холода. Сначала не слишком заметные, к пяти утра ветер и холод измучили всех, ворочающихся на лапнике, вплотную один к другому, под ворохом обметанных тесьмой фольговых полотнищ. Но ничего: для чего все это нужно, они знали прекрасно, и потому относились к происходящему не со злобой, а с юмором. Русская зима не может устроить воинов Аллаха. Одних из лучших его воинов! «Хамид, у тебя нос побелел, скоро отвалится!» – «Ха-ха-ха, когда он вернется домой, жена спросит у него: Хамид, почему у тебя отвалился нос? Может быть, ты вовсе не тем оружием убивал русских?»

Размеренно и тяжело шагая с грузом на плечах, Турпал улыбнулся услышанной уже несколько раз за последний час шутке. Говорили бойцы вполголоса и так же вполголоса смеялись. Только это удержало его от того, чтобы сделать им замечание. Звук в лесу разносится далеко, но скрип и шуршание снега под ногами в любом случае был более шумным, чем шепот. Ничего. Не все такие железные, как он, – некоторые стараются отвлечься от предстоящего боя в том числе и глупой болтовней. Нельзя судить за это бойцов слишком строго – вряд ли этот самый важный бой в своей жизни переживет больше шести-семи человек из них всех. На все воля Аллаха, милосердного и справедливого...

Идти пришлось дольше, чем это казалось по всем расчетам, снег был глубоким, света в лесу стало еще меньше, чем казалось сперва, и минут через сорок Турпал отметил, что по крайней мере двое начинают уставать. Но мысль о том, чтобы перераспределить часть груза, он без колебаний отмел. Пусть устают, задыхаются, шатаются, пытаясь выдержать темп. Если победа достается без усилий, она стоит дешево в глазах других. Все же к месту группа пришла с опозданием, которое Турпал, так и не взглянув на часы, определил как минимальное. Короткими командами распределил людей по постам. После этого, поразмышляв в течение нескольких секунд, признал, что все сделано верно.

Гада оказался рядом с ним, и рот у него не закрывался. Возбужденный, счастливый, он умял под понравившимся ему деревом снег, ловко нарубил ножом прозрачных, все равно не защищающих ни от чего ольховых веток и уселся, продолжая разглагольствовать. О том, что уже давно с трудом сдерживается, чтобы не начать действовать.

– Да как в том автобусе, – захлебывался он. – Как он посмел на меня так посмотреть? Он что, думает, я испугаюсь его? Свинья русская!

Не очень даже помнящий, что именно парень имеет в виду, Турпал сморщился, подняв руку в жесте, означающем призыв к молчанию, но Гада не обратил на это никакого внимания, поглощенный собственными словами. Несколько минут он мусолил одно и то же. Понемногу Турпал начал раздражаться и под конец был вынужден рявкнуть. К его удивлению, это не помогло. Сопляк, не до конца понимающий свою настоящую роль в происходящем, то ли возбудился до такой степени, что потерял связь с реальностью, то ли делал все это специально, проверяя границы дозволенного. Как щенок, впервые в жизни посмеявшийся рыкнуть на матерую овчарку.

– Я всех их буду убивать, – в очередной раз произнес он дрожащим голосом, обращаясь то ли к самому себе, то ли к пространству перед собственным лицом.

Помимо того, что глупость спускать было нельзя, все это Турпалу здорово надоело, – у него хватало других мыслей, чтобы заботиться еще и о нервничающем подростке. Крутанув шеей, Турпал Усоев, заместитель командира группы специального назначения, рост 191, вес 98, сделал короткое движение всем телом – одновременно руками и ногами. Парня приподняло с уже обжитого им местечка, перевернуло в воздухе и швырнуло лицом вниз. «Аа!» – коротко взвыл Гада, и Турпал стукнул еще раз, вполсилы, даже не до конца сжатым кулаком.

– За что?

Вынырнувшее из снега лицо Гады было мокрым и облепленным снежинками. За глупый вопрос Турпал ударил его еще раз, но выражение на лице уже сменил, и поэтому мальчишка удержал готовый вырваться повторный крик. Все-таки был достаточно сообразительным, а последние несколько месяцев приучили его к пониманию выражений, которые появлялись на лице командира. Рисковать изъяснением собственного мнения при том, что было на нем сейчас написано, – значило очень сильно ошибаться в планах на жизнь.

– Ты говоришь лишнее, Гада, – негромко, играя интонациями на каждом слове, произнес Турпал. Парень шевельнул желваками под кожей щек, но теперь все же смолчал. Турпал испытал некоторое разочарование, но уже через секунду удовольствие от еще одной маленькой, невидимой победы над чужой волей стало главенствующим, и он почти спокойно улыбнулся.

– Ты не огорчайся, – произнес он после минутного молчания, видя, что дыхание молодого чеченца уже выровнялось, тот уже окончательно совладал с собой.

– Да, Аллах приказывает быть справедливым и милостивым⁷. Но ты прав. Ты и сам знаешь, что это вовсе не распространяется на неверных. К ним, наоборот, грешно быть милостивыми... И мы не собираемся. Но иногда нужно ждать. Молча.

На этот раз Гада кивнул, широко и несколько смущенно улыбнувшись. Он явно пришел в себя, а как у всех молодых людей, настроение у него могло измениться за секунду. В этом были и свои хорошие, и свои плохие стороны, но с годами Турпал научился относиться с некоторой снисходительностью к простительным недостаткам молодежи.

Годы... Выживший во многих десятках стычек боец, Турпал Усоев прожил на земле уже достаточно долго, чтобы позволить себе не колебаться, решая судьбу тех, кто оказался его товарищем на очередной бой. Некоторые считали, что он прожил слишком долго: были и такие. Сделать с этим ничего было нельзя – подразумевалось, что его семилетней давности позор останется с ним навсегда, что бы он ни сделал. Но это если не сделать что-то такое, что будет важнее любого прошлого, каким бы оно ни было. А кроме того, за последние годы он сделал достаточно много, чтобы понемногу начали исчезать скрытые, затуманенные ухмылки в глазах у тех людей, кто с ним разговаривал, – пусть даже подчеркнуто дружественно.

Тогда, семь лет назад, он вел за собой два с лишним десятка бойцов, чтобы оторвать посильный кусок от отряда федерального спецназа, с удивительной наглостью пришедшего в его собственное село, чтобы увести за собой местного князька. Глуповатого, но удивительно хитрого и везучего человека, следы которого потом навсегда затерялись в русских фильтрационных лагерях. Поисками пропавшего позже занимались даже русские же «правозащитники», энтузиазм которых был подогрет сравнительно немалой суммой имеющихся хождение по всему миру денег, – но все без толку. Деньги пропали зря, а глупый сосед исчез безвозвратно. Ему не повезло едва ли не впервые в жизни, но на этот раз кардинально. А потом не повезло и самому Турпалу, – большому, сильному, умелому, не боящемуся почти ничего. Причем не повезло так, что потом оставалось только скрипеть зубами, молча ощущая на себе ироничные взгляды. Рассказывая о произошедшем двумя словами, он подвернул ногу.

Конечно, такое могло произойти с любым – и происходило. Если бежать по склонам гор и холмов с такой скоростью, с какой бежали они, – со всем тяжелым, маслянисто-железным грузом на плечах и в руках, с застилающей глаза пеленой жажды убийства, – то в конце концов кто-нибудь обязательно поскользнется или просто оступится. За десятки минут бега это случалось то с одним, то с другим из его людей, – несколько раз. И каждый раз рухнувший на всем бегу человек, чертыхнувшись, вскакивал и бежал дальше, с глохнущим в глотке рычанием выгадывая потерянные метры. Но сам он подняться не смог. Точнее, смог – но тут же рухнул обратно на землю. Нога весящего почти сто килограммов (не считая веса оружия и боеприпасов) Турпала угодила на бегу точно между двумя скрытыми в высокой жухлой траве камнями. Поэтому, когда он, увлекаемый весом тела, сделал очередной шаг, она просто осталась позади... Треск рвущихся связок был не слышен ухом, так у него шумело в ушах от бега, и с таким шумом он упал сам, – но почувствовал произошедшее он все-таки сразу. Вскочив, он снова упал на землю оттого, что выдернутая из проклятой щели, взорвавшаяся болью лодыжка просто не удержала его. В ту же секунду вскочив снова, Турпал еще успел выкрикнуть грязное арабское слово, но опять согнулся, впечатавшись в траву принявшим вес его тела кулаком и изо всех сил стараясь не завывать от испытываемой ярости. Ступня была вывернута под неестественным углом – а в таких случаях любому бывалому человеку сразу должно быть ясно, что это означает.

⁷ Коран, глава XVI, стих 92.

– Вперед, вперед! – успел он прокричать остановившемуся рядом товарищу, Анзору, которого еще иногда звали Эмин-младший, по отцу. Потом, вспоминая предшествовавший год, Турпал понемногу убедил себя, что Анзор был его лучшим другом. Но тогда это было еще не так, и он не испытал ничего, кроме злости на человека, остановившегося, чтобы глядеть на него, неподвижного, с искаженным лицом, пытающегося хоть как-то опереться на подвернутую ногу. А живым Анзора он с того момента уже не видел. Да и большей части других тоже. С трудом сумев выпрямиться, Турпал несколько секунд пытался прыгать за остальными, удаляющимися спины которых мелькали между деревьями уже в полусотне метров впереди, но боль оказалась непереносимой. Продержавшись еще минуту, за которую он сумел продвинуться метров всего на 5–6, прыжками от одного дерева к другому (причем больше вдоль крутого склона очередной горы, чем вверх), Турпал сдался. В очередной раз выругавшись и сев на ствол какого-то сломанного пополам дерева, он выдернул из набедренного кармана турецкую аптечку и с едва ли не наслаждением от собственной боли воткнул в бедро шприц-тюбик противошокового. Только после этого, снова сумев удержаться и не крикнуть, хотя рядом не было уже никого, он содрал с ноги ботинок и начал бинтовать на глазах распухающую лодыжку прямо поверх носка. И именно в эти секунды впереди раздалась стрельба. Какую-то часть звуков должен был отражать отделяющий его от места схватки склон, но все равно расстояние было сравнительно небольшим. Сделав поправку и на гору, и на покрывающий ее редкий лес, Турпал оценил его в 750–800 метров. Вряд ли больше – иначе он не сумел бы различить по звуку калибры обоих семейств «калашниковых», поливающих друг друга автоматическим огнем. Бой длился, по его мнению, секунд 40, а потом стихло почти все. Отдельные выстрелы, несколько коротких очередей с порядочными интервалами между ними – после бурной, взрывной трескотни это само по себе говорило опытному уху весьма многое. Затем – уже полная тишина. Все.

Отлежавшийся среди убитых, сам получивший по пуле в каждую из ног односельчанин Турпала, 17-летний парень по имени Шерип, рассказал потом, как все было, и тому оставалось только кивать. Остальные тоже кивали: «Да, подвернул ногу. Перед самым боем. Бывает. Случайность, мы понимаем. Жалко, да?» И ухмылочки в глазах...

Травма оказалась серьезнее, чем показалось в самом начале, когда добравшиеся до места разгрома их «отряда самообороны» люди дотащили его и Шерипа до кричащего и воющего Биноя. Это едва-едва утихомирило тех, кто слишком осмелел при виде того, как он, обездвиженный, но не раненый и не убитый, лежит во дворе собственного дома. Через неделю прибывший из самого Грозного врач заявил ему, что если не сделать операцию, то хромать он будет всю жизнь. Турпал скрипнул зубами и сделал так, как ему сказали: забрал из дома все деньги и уехал в Грузию. Ни разу не обернувшись на молча стоящую у ворот жену, ни разу не позволив себе подумать о том, каково ей будет жить без него в селе, в котором почти не осталось взрослых мужчин. Но решение оказалось правильным. Денег, конечно, хватило на считанные недели, но человеку, пострадавшему в войне с русскими, за многое можно было не платить – имелись те, кто готов был взять это на себя. Врачи в Грузии были великолепные, и через четыре месяца Турпал сумел вернуться домой. А еще через три он начал отрабатывать то, что вложили в него люди, которых не смутила произошедшая с ним глупая случайность.

В апреле следующего года они вдвоем с тем же Шерипом ушли через горы к востоку – пусть и всего на несколько дней. Что бы там ни говорили другие, но этот парень все же не перестал его уважать. Залечив собственные раны, он поклялся отомстить русским за унижение и без колебаний согласился пойти со своим бывшим командиром в еще один бой. Они устроили засаду на почти пустой дороге, о которой Турпалу рассказал с полгода назад случайный собеседник, и без толку пролежали в кустах почти сутки. Но даже устав и замерзнув, они дождались того, что оказалось нужной целью: ею был белый газик «Нива», в котором сидело несколько человек в милицейской форме. Милиционеры тоже бывают разные, но село, в районе которого они находились, считалось «кадыровским»... Подпустив «Ниву» метров на двадцать, Турпал

и Шерип одновременно открыли огонь, за несколько секунд изрешетив машину сверху донизу. С такой дистанции пуля калибра 7,62 миллиметра пробивает почти насквозь и корову – не то что тонкую жуть и слабое человеческое тело. В изорванной пунктиром попаданий машине остались трое, включая одного офицера, и хотя два автомата были разбиты пулями, они все же послужили неопровержимым доказательством их успеха для тех, кто хотя бы только попробовал сомневаться. Под конец обратного перехода нога у Турпала разболелась так, что он едва шел, но в Беной они вошли все же ровным шагом: спокойно, среди белого дня, заросшие грязью и щетиной, пыльные, но скалящиеся от удовольствия.

Весь май он разрабатывал ногу, понемногу добавляя нагрузку, а к июню, когда снова мог бегать по горам с полной выкладкой, ушел с Шерипом и собственным 16-летним племянником в сторону Дехья-Атаг'а. Помимо оружия, племянник нес и видеокамеру «Панасоник», и следующий их успех – подрыв на заложенном фугасе бронетранспортера федералов уже через неделю был показан по какому-то из европейских телевизионных каналов. У них было мало взрывчатки, да и оператором молодой родственник Турпала оказался хреновым – камера все время дрожала, а половину кадра занимали ветки деревьев, находящиеся между ними и окутавшимся облаком взрыва старым БТР-70. Но все равно – дело было в принципе, и за зримое свидетельство героической борьбы чеченского народа против оккупации было заплачено как положено. То, что бронетранспортер не перевернуло и что он даже не загорелся, для европейцев тоже не имело значения – в этом они ничего не понимали, им нужен был просто символ. Дрожащая картинка со сценой подрыва их устроила, и деньги были перечислены в срок. А вот дальше было интересно. К общему удивлению, Турпал отказался от положенной ему доли (после уплаты всех комиссионных передавшему пленку в нужные руки человеку составившей едва более двух тысяч евро), хотя деньги ему нужны были очень: его семья банально недоедала. Но это тоже оказалось правильным решением, – имя Усоева, давно пропавшее из разговоров *своих*, снова начали вспоминать. Немалую роль сыграл, конечно, человек, неожиданно заработавший вдвое больше того, что ожидал, но поврежденный БТР тоже чего-то стоил, и о Турпале вдруг вспомнили.

Через три недели в Беной приехал доверенный человек одного из достаточно известных полевых командиров, который провел несколько часов в разговорах «ни о чем». Приняв все же решение, на прощанье он отдал Турпалу вырванный из тетради в линейку лист бумаги, на котором с обилием ошибок было написано несколько корявых предложений. Турпал сделал все как надо, и это вышло даже легче, чем было с засадой на милиционеров, продавших русским свой народ. Инкассатор привез в отдаленное село подачку от Москвы – пенсии и какие-то другие выплаты, позволяющие оккупационным властям докладывать самим себе, что «мирная жизнь в Чечне налаживается». Его убили вместе с охранником, успевшим открыть огонь, но ни в кого, разумеется, не попавшим. Добыча была не такой уж большой – всего несколько десятков тысяч рублей, но организовавший передачу информации человек подкинул в какую-то из русских газет сообщение о том, что нападение было произведено российскими солдатами, причем представил несколько свидетелей и какие-то «неопровержимые», по его заявлению, доказательства. Что там было дальше, Турпал особо не интересовался, не его это было дело, но наверняка все это было не просто так. В результате совершенное им стало очередным звеном в цепи восстановления уважения к себе в глазах окружающих. В медленной и неровной цепочке перехода от «это тот самый, который...» – к «оправился от ранения, и теперь снова...»

Удачные и не очень удачные рейды – иногда на несколько сотен километров от Беноя. Обстрелы колонн и уничтожение предателей. Изредка – успехи в виде чего-то зримого: русского именного жетона на оборванной цепочке, трофейного автомата. Иногда денег, вырученных от продажи трофеев, либо призовых, время от времени доходивших из разнообразных фондов до тех, кто действительно воюет. Все это чередовалось как с полностью безрезультатными походами (единственная польза – натаскать молодежь так, как когда-то натаскивали их,

его поколение), так и с потерями. За прошедшие годы федералы все же научились воевать, и теперь на пулю, мину или штурмовой удар с воздуха можно было нарваться в любой момент в собственной стране. Плюсом было то, что в ни в один из постоянных отрядов Турпал со своей вновь формируемой небольшой, но уже слаженной группой так и не влился. Большую часть операций он проводил или самостоятельно, или в интересах тех полевых командиров, оказание услуг которым считал для себя полезным. Это устраивало всех, в том числе и его самого, понимавшего, что к нему продолжают присматриваться. Масштаб действий «группы Усоева» был микроскопическим, но с этим можно было жить: он был реалистом и знал, как вести себя, чтобы ежеминутный риск оправдывался шансами на успех. Но все равно пару раз они нарвались. Несколько раненых не значили ничего, но в одной из стычек конца следующего года погиб молодой Шерип, ставший к этому времени его ближайшим помощником. Гибель смелого и сообразительного парня искренне огорчила Турпала, и, может быть, именно поэтому он с тех пор относился к молодым с долей чуткости, которой не мог и заподозрить в себе ранее. Вот как к Гаде.

– А?.. – переспросил он, поняв, что задумался. – Что?

– Машина, – негромко повторил Гада, пригибаясь к земле и приглушая голос. Непостижимым образом последние произнесенные им слова, к которым Турпал не прислушивался, занятый собственными мыслями, теперь всплывали в его мозгу. Да, он видел уже и сам. Света хватало, линзы в бинокле были отличными, а то, что он держал его в футляре, сохранило их необмерзшими. Грязно-серый фургон «ЗиЛ». На лобовом стекле, в нижнем правом углу – розовый прямоугольник пропуска. До поворота – метров триста.

– «Кузакема», – произнес Турпал в поднесенную ко рту трубку всхрипнувшего статикой «уоки-токи». На другом конце эфира, в сотне метров от них, вяло хмыкнули. Слово было не его – его придумал сам формальный командир отряда, и такое ощущение, что это стало для него едва ли не поводом гордиться своим богатым воображением. Хотя слово было как слово. «Ковер-самолет». В принципе – подходит.

Теперь оставалось только ждать. Он даже не смотрел в нужную сторону, зная, что бойцы не подведут. Гада же явно волновался, и Турпал то и дело ловил на себе его быстро скользящие взгляды. Потом, через пару минут, черно-желтая коробочка переговорного устройства хрюкнула снова, и ровный голос Арзу Акмаева произнес одно короткое слово: «Ха». Да.

Уже махнув рукой молодому и начав энергично продираться через прошитые мерзлыми черными ветками кустов сугробы, Турпал с удовлетворением осознал, что операция, казавшаяся ему сначала переусложненной, развивалась почти идеально. Несколько человек серьезно обморозилось в ходе ночевки в лесу, – снятый со шведского метеорологического сервера прогноз погоды оказался, мягко говоря, неточным. По крайней мере двое могут на всю жизнь получить шрамы на распухших, воспаленных сейчас щеках, но это ничего. Заработанные на далеком русском севере шрамы будут только украшать их, когда они станут расписывать перед менее умелыми и потому оставшимися дома друзьями подробности своего успеха. Арзу же Акмаев, сначала показавшийся Турпалу выскочкой, проявил себя не так уж плохо. Если он будет продолжать в том же духе, то к их возвращению игнорируемое пока в группе прозвище «Аль-Махик»⁸ может пристать к нему снова. В конце концов, четверть татарской крови не имела большого значения, если человек был истинно верующим – и вдобавок борющимся за правое дело.

Тела водителя и экспедитора уже оттащили в кювет и присыпали снегом. Особо напрягаться никто не собирался – в ближайшие 30 минут их не найдет ни один человек, а потом русским будет не до расследований.

⁸ Губящий, уничтожающий (араб.).

лению самого Акмаева о том, что операция спланирована в основном лично им, можно было относиться по-разному. В конце концов, эти слова были полностью подтверждены и тайпанда, и Абу-Сирханом, – главным представителем «Исламан Низамдай»⁹ в их районе. Но как за время подготовки, так и с момента начала самой операции старающийся никогда не афишировать свои наблюдательность и аналитические способности Турпал уловил достаточно значительное количество деталей, чтобы начать в этом слегка сомневаться. На хвостуна Арзу не похож совсем, – значит, смысл его выдвижения в том, что он прикрывает человека или группу людей, предпочитающую остаться в тени. Скорее всего не из скромности, а из-за разумного опасения перед провалом, способным вызвать персональную и активную охоту на них спецслужб федералов, – но все равно... Пожертвовав известностью и всеми прилегающими к ней благами, которые должны были последовать после успеха, эти люди позволили себе потерять слишком многое, а уже одно это заставляло понять, что все может быть сложнее, чем кажется. То есть сложнее уже известной сложности...

Турпал усмехнулся, снова бросив взгляд влево. Арзу знает по крайней мере пять языков: нохчи, арабский, татарский, английский и русский. Возможно, знает еще и французский, если только произнесенная им по какому-то поводу длинная и сложная фраза не была запомнена на слух из какого-нибудь фильма. Материалы по маршруту движения отличались такой точностью, которая может быть обеспечена лишь по-настоящему профессиональной организацией, – возможно, даже самим Комитетом Шариатской Безопасности. Это было лишь предположение – у Комитета имелись свои собственные группы, специализированные на диверсиях, но предположение было лестным и приятным, поэтому отметить его Турпал не торопился. И потом, подобной точности развединформации не было, по рассказам победителей, даже в Буденновске и Кизляре: обе эти операции были проведены практически идеально как с политической, так и с чисто военной точек зрения.

Были известны полные имена, возраст и краткие служебные характеристики не только старших, но и почти всех младших офицеров охраны станции, имелись их фотографии. Сдав строгий экзамен, любой из одиннадцати бойцов группы был способен опознать их в лицо, назвать по имени-отчеству и поинтересоваться здоровьем жен, которых тоже знал по именам. Такие же полные сведения имелись по начальникам отделов транспортной милиции по всему извилистому маршруту их движения – как в сторону цели, так и для отхода. Были известны имена и заучены приметы начальников поездов, в которых они ехали, имена, звания и характеристики командиров постоянных групп охраны движения этих поездов. И даже при том, что к пункту сбора они шли четырьмя разными маршрутами, полные данные имелись для всех четырех. Ну, и так далее. Легенды для каждого этапа, прикрытие – как официальное, так и силовое. За каждой «бригадой», как условно называли их разделившиеся уже в Грозном мини-команды из трех-четырёх человек, следовала группа из четырех-пяти подготовленных к действиям во вражеском тылу бойцов. Они понятия не имели, кого должны охранять, как их зовут, каковы их задачи и сколько их, но по звонку или контакту «официального» прикрывающего, также «пасущего» каждую бригаду вслепую, были готовы на любые действия. Атаковать линейный отдел МВД на железнодорожном транспорте, отбивая взятых по подозрению. Захватить вагон скорого поезда или просто жилой дом, чтобы отвлечь на себя все силы и все внимание русских. Просто пойти и умереть, если прикажут. Шансы на их возвращение никто не считал, но это не имело значения даже для них самих – Абу-Сирхан лично поклялся на Коране перед каждым, что исполнение ими их долга он приравнивает к подвигу веры...

– Рашид-ад-дин – так вас будет называть каждый, оставшийся за вашей спиной. Идущий прямым путем в веру! Батташ-аль-Акран – Повергающий богатырей! Пусть не будет в ваших

⁹ Тайпанда – предводитель тайпа; «Исламан Низам-д а й», – «Стражи исламского порядка» (нохчи).

душах ни жалости, ни страха, ни зависти к тем, ради кого вы будете жертвовать собой, если этого потребует общее дело, равного которому вы не совершали и не совершите никогда!

Абу-Сирхан умел говорить и не жалел времени, разговаривая с людьми так, что их сердца наполнялись гордой и счастливой решимостью, не позволяющей им даже мельком думать о себе – только о деле. О том, о котором они не знали ничего, кроме еще одного арабского имени, которое им позволили заучить наизусть: «Сейф-аль-Мулук» – «Меч царей»...

Были составлены более-менее точные (как выяснилось – кроме самого последнего) прогнозы погоды для каждого из районов, через которые продвигались слившиеся воедино уже в лесу под Сосновым Бором четвертинки группы. Имелись подготовленные способы уточнения этих прогнозов практически в режиме реального времени: причем увязанные на абсолютно легальные и общедоступные ресурсы, включая и российскую метеосеть. У ведущего каждой бригады имелись сим-карты для всех перекрывающихся зон приема сотовых ретрансляторов, по цепочке тянувшихся от Грозного на север и северо-запад. Если необходимость заставила бы ими воспользоваться, рассчитывающий стоимость звонка компьютер зафиксировал бы только разговор местного жителя, какого-нибудь Ивана или Дмитрия, на имя которого карта была куплена. В целом это не могло не впечатлять. Турпал, честно пытавшийся (между прочим, по просьбе самого Арзу) найти обойденное вниманием, уязвимое звено в обеспечении операции, не слишком в этом преуспел. Несколько мелких деталей, с благодарностью воспринятых и тут же принятых к действию, не в счет. С этой точки зрения операция была обеспечена великолепно.

Сам он шел по маршруту Грозный – Махачкала – Ростов – Новгород в качестве майора внутренних войск РФ, абхаза по национальности. Абхазов в России в свете последних событий любили, а его легенда выдержала бы самую серьезную проверку как в самой Чечне и Осетии, так и севернее. Для русских все горцы были на одно лицо, а комплект подлинных документов должен был вызвать у любого проверяющего только уважение. Майор Алан Кокайя, кавалер ордена Мужества и медали «За отвагу», его жена-осетинка и их ублюдок уже начали разлагаться в залитой промерзшей уже до дна дрянью яме на дальней окраине Махачкалы, но полуторамесячный отпуск убитого официально начался за два дня до выхода их бригады в путь. А это было решающим: то, что майор убыл в отпуск к родственникам в Санкт-Петербург и проездом к армейскому другу в Ростов, могли подтвердить все. И сослуживцы, и соседи, и родственники в Петербурге, со всеми своими регистрациями, и даже до сих пор ждущий его армейский друг. И те, и другие, и третьи, и четвертые были самыми настоящими. Фотографии Турпала, похожего на убитого майора и комплекцией, и лицом, были сделаны настоящим умельцем, – русская форма сидела на нем, как влитая, а нашивки двух тяжелых ранений на парадке полностью отвечали тем шрамам, которые он мог показать на своем теле. Они тоже были настоящими...

Турпал, Маарет, Гада. «Майор Алан Заалович Кокайя, Анна Магомедовна Кокайя, неработающая, и их сын – Иосиф Аланович Кокайя, учащийся 9-го класса школы № 2 г. Махачкалы». Претензий к ним на всем маршруте не было ни у кого, и в этом заслуга Турпала была не меньшей, чем тех, кто готовил его группе документы и легенды. Чего это стоило, сколько это стоило – это не волновало ни его самого, ни его людей, ни Арзу, за которого тоже кто-то платил не скупясь. Этого неизвестного человека или группу людей он начал называть про себя «Ибн-Сахль»¹⁰, а о том, кто это может быть, старался думать как можно реже. Но, пойдя на такие расходы, этот человек или эти люди имели все права требовать от избранных для удара в сердце неверных уже совсем безоговорочного повиновения и самоотречения. И того же самого безоговорочного повиновения Турпал потребовал от тех, кто был подчинен ему. Если бы не это – мог бы сорваться Гада, ни разу не видевший столько людей, столько доступных

¹⁰ Сын щедрости; используется обычно как прозвище (араб.).

русских шлюх, столько машин и столько денег в чужих руках. Могла бы сорваться Маарет, ненавидящая русских так, как только может ненавидеть их бездетная, оставшаяся вдовой в 22 года женщина, знающая, что теперь может быть только прислужницей в семье какого-нибудь из дядек или братьев. Ее муж погиб в неудачной атаке на Нальчик, которая должна была принести ему славу и надолго обеспечить его семью, и теперь вдове было уже нечего терять. Избрав военную карьеру, она едва успела окончить два полных курса обучения, и времени пригасить боль и ненависть настоящими действиями у нее не было. Обычно это помогает: после нескольких тяжелых боев, после того, как перестаешь считать убитых твоей пулей или миной врагов, или притупляется бритвенная сначала острота ощущений, или человек становится зависим от добровольного риска. Тогда он начинает получать удовлетворение уже не от факта свершения мести, а от самого процесса. Но Маарет, пусть сравнительно неплохо обстрелянная, не прошла через поражения – а это всегда минус для адекватности бойца. Едва способная терпеть присутствие русских рядом, она теперь с трудом сдерживалась, чтобы не убить ближайшего из них. В результате только стальная дисциплина, которую Турпал без капли жалости удерживал в своей тройке с самого начала, позволила им дойти до цели.

Понимая, что за не распознанную вовремя ошибку – психологическую нестабильность члена группы – отвечает и он тоже, Турпал взвинтил свою внимательность до предела. Агрессивность Маарет, которая вместе с ее стрелковой и саперной подготовкой (а главное – подходящим под легенду лицом и не слишком характерным для чеченских женщин высоким ростом) была признана на этапе отбора кандидатов столь ценной, могла погубить все дело. Поэтому за каждый ненавидящий взгляд, который она бросала на случайных попутчиков, на предметы быта и развлечения русских, забывших о том, что в сотнях, а потом в тысячах километрах от них идет война не на жизнь, а на смерть, – за это он ее наказывал. Шипящее слово вслед прошедшему по раскачивающемуся коридору поезда ухмыляющемуся светловолосому подростку с яркой бутылкой «Фанты» в руке, – и разминающий в ладони сигарету Турпал отзывает ее в тамбур и с размаху бьет в живот. Бьет так, что она больше минуты не может дышать, едва не теряя сознание от боли и ужаса подступающей темноты. Гневный, возмущенный поворот головы на поглядевшего ей прямо в лицо русского парня-срочника, откозырявшего на пересадке в Ростове погоням «майора» и вздумавшего улыбнуться его «жене», – и через двадцать минут, когда никто не может их видеть, он опять бьет ее – теперь под колено, носком тяжелого ботинка. Хромала Маарет двое суток, но в поезде это не имело значения, а выходить даже на привокзальную площадь Турпал не разрешил. Все пять часов между поездами они просидели на подоконнике или прошлялись между яркими киосками, сверху донизу заставленными барахлом, едой и питьем. Ударить Гаду ему за все время пришлось лишь один раз, и этого хватило, что характеризовало парня заметно лучше, чем его «маму». Турпал обнаружил сопляка застывшим в потрясении перед стойкой с яркими глянцевыми журналами, усыпанными полуголыми и голыми шлюхами: мишенью для насмешливых взглядов скользящих людей вокруг, мишенью неодобрения продавца. Тогда он подошел сзади и с размаху влепил ему такую затрешину, что Гада едва не рухнул на затертый кафель пола плашмя. Вопль был, во всяком случае, такой, будто он почувствовал, как рухнул. Именно так поступил бы на месте Турпала любой нормальный отец, и порадовавшиеся представлению окружающие проводили смехом Гаду, перепуганного искажившимся от искренней злобы лицом «папаши», а его самого – явным одобрением. Так что все было естественно и в этот раз.

Планируй операцию сам Турпал, и он, разумеется, взял бы с собой проверенных, надежных людей, имеющих опыт не одной и не двух схваток. Гада тоже был обстрелян – и тоже в разы уступал даже тем, кто входил в группу, обязанную прикрывать его, если это потребует. Способных в одиночку справиться с милицейским нарядом, но не обладающих его детским лицом, ставшим кусочком пропуска для всех троих. Хотя Гада никогда не учился в школе, он обладал живым умом и отличной памятью: и зрительной, и слуховой. По-русски он говорил не хуже,

чем сам Турпал, а длинные русские имена и связь между ними запоминал со второго-третьего прочтения, превосходя в этом и его, и даже самого Арзу.

– Старший лейтенант Мещерский, Леонид Борисович, 1979 года рождения, национальность – еврей. Должность – сменный командир охраны учебно-тренировочного центра ЛАЭС. Особые сведения – кандидат в мастера спорта по пулевой стрельбе, второе место на всероссийской спартакиаде 2010 года в дисциплине «стрельба из пистолета». Жена – Валентина, детей нет. Прямо подчинен капитану Аскаеву, Руслану Андреевичу, 1974 года рождения, национальность – башкир...

Высокий голос Гады, сжавшегося сейчас под фанерным коробом фургона за ящиками с гнильем, трясущегося от холода и волнения, Турпал услышал будто наяву. Именно Арзу нашел парня в каком-то третьеразрядном нищем отряде, где тот наверняка сгинул бы уже через несколько месяцев. В последние пару лет, с тех пор как русские перестали дергаться при каждом громком заявлении Рейтер или Си-эн-эн об «очередном всплеске жестокости русской военины на чеченской земле», дольше пары месяцев действительно действующие отряды такого класса уже не жили. Несколько засад, несколько малорезультативных или вообще не давших никакого результата перестрелок – это был пока весь боевой опыт парня, но в сочетании с его способностями шансы Гады дожить до успеха выглядели более чем пристойными.

Разумеется, одиннадцать человек, из которых почти половина была бойцами «ниже среднего», не могут захватить не то что энергоблок АЭС, но даже какой-то один из ее ключевых центров. Максимум – это находящуюся вне основного контура охраны типографию или, скажем, бойлерную. Но Гада, Маарет и остальные члены группы, которые были такими же, как они, могли сколько угодно верить в свою исключительность, в то, что их выбрали за отличную подготовку или преданность. Дело было в другом. Во-первых, в том, что пытаться добраться до северо-запада России большим числом бойцов, тем более лучших, означало погубить все. Именно эта ошибка была совершена в Нальчике: когда в городе и его пригородах появилось слишком много незнакомых лиц, русские поняли, чего могут ожидать. Похожую ошибку сделали и арабы в 2006-м. Уничтожить 20 британских самолетов в один день – согласиться на что-нибудь менее амбициозное им, наверное, показалось, стыдно. И это при том, что 20 самолетов – это значит по крайней мере 60–80 непосредственных исполнителей: тех, кто нес компоненты жидкой взрывчатки в бутылках и банках, тех, кто готовил их и обучал ими пользоваться, кто покупал билеты и так далее... Когда число посвященных в подробности дела людей перевалило за сотню, контрразведка уже была готова делить ордена, полагающиеся им за головы туповатых гази¹¹... А те, кто думает, что контрразведка нецивилизованных русских сильно уступает МИ-6, те почему-то долго не живут. В контрразведке вообще не часто встречаются люди, которых можно назвать «цивилизованными». Те идут обычно в журналистику. Или начинают бороться за права человека. Желательно – где-нибудь поближе к швейцарским Альпам...

В чем еще была причина того, что 11 человек может быть достаточно для успеха – это Турпалу объяснил Арзу. Хотя, конечно, в том, все ли прозвучало вслух, он не мог быть уверен до конца. Но пока все шло так, как им обещали. В лесу собрались все четыре бригады, вошедшие в него с четырех разных сторон, после многокилометрового пешего марша через снег: от остановок рейсовых автобусов, от железнодорожной станции, от сожженной и спущенной под откос замерзшей речки разъездной «Газели» одного из мелких местных совхозов. Ехавшей на ней четверке досталась роль «наладчиков» закупленной и доставленной с опозданием сельхозтехники: согласно договору, совхоз обеспечивал им транспорт от Пскова.

Если бы к утру на пункте сбора у вскрытого тайника с оружием собралось бы только две бригады, почти небоеспособные четвертинки их группы, или вообще удалось дойти кому-то одному, операция отменялась. В этом случае в 7 часов утра предписывалось точно по выучен-

¹¹ Здесь: «воин веры» (араб.).

ной наизусть технологии уничтожить все содержимое тайника, после чего отходить по индивидуальному для каждой бригады маршруту. На отходе строго запрещалось производить какие-либо активные наступательные действия, даже при полном отсутствии риска для себя. Эта деталь была настолько интересной и необычной, что Турпал в свое время серьезно раздумывал, случалось ли что-либо подобное хоть один раз до этого. Потом вспомнил: да, случалось. Знаменитая пара приказов начала декабря 41-го года: «Начинайте восхождение на гору Ниитака», и, соответственно, «не начинайте». Аналогия была интересная и даже лестная. Осознав ее на последовавшем за окончательным отбором этапе подготовки, в какой-то микроскопический перерыв между практическими курсами и работой с документами, Турпал Усоев задумался так, как не думал, наверное, с самого института...

Если бригад у тайника собиралось три, они должны были атаковать: никаких сигналов отмены не предусматривалось. Как части группы, так и вся группа в целом были с момента выхода полностью автономны. Сами они имели и право, и возможности связаться с прикрытием: как боевиками, так и чиновником высокого ранга, погоны или удостоверение которого позволяло выстроить по стойке «смирно» не то что железнодорожных милиционеров, но и армейских офицеров. С группами же никто не мог связаться никаким образом – даже те немногие, кто знал, что они существуют. У них были пароли: свои для каждого варианта развития событий, и другие «свои» – для тех случаев, которые предусмотреть невозможно.

– Ремель, – сказал ему на прощанье Абу-Сирхан, – Турпал, брат. Я на тебя надеюсь. Ты знаешь, для чего мы живем на земле. Не позволяй русским увидеть тебя настоящего до того, как им придет время умирать.

«Ремель», «*бегущий*» – это было его собственное имя на эту неделю: не свое, данное отцом, и даже не то, которое стояло в чужих документах. Это имя он должен был назвать только в одном случае – если бы ему потребовалась помощь. «Муджесс» и «Хафиф», «*усеченный*» и «*легкий*» были именами для Гады и Маарет. Сами они не знали «специального имени» командира, как не знал его никто, кроме самого Арзу. Система была однонаправленной: Арзу и Турпал знали имена всех и, перечислив несколько имен, могли обозначить степень опасности для невидимых и незнакомых собеседников на противоположном конце телефонного кабеля или радиоэфира. Командиры двух других бригад знали имена только своих людей, а рядовые бойцы не имели понятия даже об имени товарища. Поэтому то, что Абу-Сирхан произнес слово «Ремель» вслух, было знаком очень большого доверия. И одновременно – угрозой.

На одиннадцать человек приходилось тринадцать имен, соответствующих тринадцати метрам классического арабского стихосложения. Два имени, «Вабфир» и «Сари», были лишними, – произнесение их вслух по отношению к себе или любому из членов группы означало провал. Но, как и многие другие детали и прихотливые изгибы петель схемы, призванной обеспечить их успех, прямая помощь никому из них не понадобилась. Русские проспали, не сумев перехватить никого... А теперь до цели оставалось лишь несколько минут.

Третье место в кабине пустовало, как это и должно было быть. Водитель и экспедитор – именно в таком составе, без грузчиков, они ежедневно гнали этот фургон в ЛАЭС из Соснового Бора. Грузчика с собой не брали, потому что во всех трех столовых имелись собственные, а за погрузочно-разгрузочные работы и водитель, и экспедитор получали тридцатипроцентную надбавку к основному окладу. Столовые энергоблоков и учебного центра кормили до 2000 человек в сутки, и рейсов эта пара делала иногда три, а иногда и четыре в день. Но первый приходил на место и начинал разгрузку к 8.10 – 8.15, а остальные – гораздо позже, в течение всего дня, поэтому логично был выбран именно этот, самый ранний. Еще один потенциально подходящий фургон раз в два дня, а иногда и каждый день привозил продукты в два расположенных в пределах периметра станции киоска. Всякое барахло: безалкогольные напитки, шоколад, полуфабрикаты вроде сушеной китайской лапши да сигареты трех десятков сортов.

Но водитель и экспедитор этого фургона были низкорослыми, а первый из них имел к тому же сразу обращающее на себя внимание уродство, имитировать или спрятать которое под одеждой было практически невозможно. Сам же «активный» план атаки был более чем уязвим, учитывая слабость их сил. Будь воля Турпала, он сделал бы все по-другому, но как раз в этом вопросе Арзу оказался совершенно непреклонен. Турпал обратился к контролирующему и обеспечивающему их подготовку Абу-Сирхану (к этому моменту они виделись каждый день), но тот не колеблясь встал на сторону чужака. Одно это достаточно доходчиво объяснило бывалому, много чего разного повидавшему солдату и командиру, что как полномочия, так и принципиальные, по заявлению Арзу, вопросы не должны оспариваться, как бы этого ни хотелось. А так... Сам бы он не стал атаковать зимой, да еще в самом ее конце, когда морозы наиболее сильны. Легче всего было бы произвести нападение летом и подойти не со стороны основных с западной стороны ворот, а с залива. Захватить «Ракету» – быстроходное судно на подводных крыльях. Лучше всего – на маршруте Петербург – Петродворец: Турпал не был уверен в том, что они где-то еще остались. Отойдя подальше от берега, перебить людей, чтобы не мешались под ногами, но при этом продолжали служить якобы еще существующим живым щитом против возможной атаки с воздуха. В возможность высадить на идущую полным ходом, маневрирующую и отстреливающуюся «Ракету» вертолетный десант он не верил, а никаким другим путем удержать их было бы невозможно, как невозможно и просто догнать. Запаса же хода многотонному судну вполне хватало до цели. Но план по какой-то непонятной ему причине был привязан по времени четко – ждать до начала туристической навигации никто не мог. Русские уверены, что президент, которого невозможно купить деньгами или обещаниями, держит слово, защищая их от страшных вайнахов, ни в грош не ставящих их драгоценные жизни? Вот и получите «слово» вашего президента, козла в стаде баранов, – до следующих выборов далеко...

– О чем думаешь?

Вопрос был задан настолько неожиданно, что Турпал едва не дернул головой. Нельзя сказать, что он отвлекся, – зная, что способности Арзу вести наблюдение ограничены тем, что дорога скользкая, а грузовик тяжел, внимательности Турпал не терял. Впереди и по сторонам было все то же, что и раньше: заснеженный лес, заснеженное поле, уставленное гигантскими вышками высоковольтной ЛЭП, несущими на запад тысячи мегаватт энергии. Они подходили с запада.

– Молюсь, – коротко сказал он вслух и, увидев, что Арзу удовлетворенно кивнул, понял, что ответ был абсолютно верным. Если он сделает свое дело, то Аллаху будет, наверное, все равно, молился ли он перед боем. Но лукавить Турпал не хотел, поэтому сориентировался по имеющейся в собственной голове карте, поворачивая застывшее от волнения лицо в сторону Кыблы. Мусульманин должен молиться не так, – не на ходу в мчащейся машине, но на войне можно...

– Не поразит нас ничто, кроме того, что начертал нам Аллах¹², – закончил он короткую молитву вслух.

– Не поразит нас ничто... – эхом отозвался Арзу слева: на четверть татарин, на три четверти чеченец, но ревностный мусульманин и умелый толкователь сур, не боящийся спорить и с муллами. И не боящийся признать свою неправоту, когда более знающий теолог указывал ему на ошибку в его версии толкования. Высочка, чужак, но не уважать его было нельзя.

– Минуты три или четыре.

– Так...

Турпал обратил к нему умиротворенное лицо и со спокойствием кивнул. Именно столько оставалось до ворот по его расчетам. Арзу начал сбрасывать скорость фургона мягко: не затормозив, чтобы их не занесло даже на прямом участке пути, и не понизив передачу, чтобы не

¹² Коран, глава IX, стих 51.

насторожить охрану наружных ворот ревом мотора. Вместо этого он просто отпустил газ, и стрелка спидометра, указывающая скорость изношенного «ЗиЛа», тут же поползла влево. Можно было представить, что бойцы в кузове не пропустят этот момент, но на всякий случай Турпал громко стукнул в стекло за своим затылком. Сейчас они должны ставить оружие на боевой взвод. Сам он поступил так же, взведя оба пистолета: свой и товарища. Но оставлять оружие на коленях Турпал не стал – вместо этого он аккуратно положил их на расчищенный носками ботинок от грязи пяточок на резиновом коврик и мягко прижал оба самым кантом, едва ли не пальцами ног, чтобы те не поехали в сторону на уже начавшемся пологом повороте.

Следуя по дороге, обходящей последний перед станцией «санитарный» лесок по широкой дуге, они уже неторопливо выкатились на сияющий снежными блестками пустырь километровой ширины, на противоположной стороне которого поднимались корпуса и трубы АЭС.

– Все спокойно...

– Конечно, – не мог не подтвердить Турпал, цепко оглядывая знакомые силуэты. Спаренный корпус 3-го и 4-го энергоблоков всего в паре километров впереди и чуть левее, на таком же расстоянии за ними парят трубы 1-го и 2-го. Это он видел уже не раз – и на фотографиях, и на картах, и на видео. Последняя запись была сделана с этой самой дороги, по которой они сейчас ехали, все так же медленно и равномерно замедляя ход. Именно так делал бы тот водитель, который экономил на бензине.

Теоретически комплекс 1-го и 2-го энергоблоков был бы чуть более легкой целью: они были введены в строй раньше, и подходы к ним могли иметь более уязвимую систему охраны. Это было подтверждено и теми документами, которые им дали для ознакомления при подготовке, но разница была слишком небольшой. Отчеты международных инспекций 2012, 2009, 2007, 2004 и более ранних лет показывали постепенное улучшение надежности системы охраны ЛАЭС. Да и вообще в том, что на их 11 человек русские в любой момент способны выставить роту, ни Арзу, ни Турпал, ни Абу-Сирхан не сомневались. Собственно, именно поэтому они и не собирались пытаться захватывать энергоблоки.

– Готовность!

Команда была бесполезной, Турпал сам прекрасно знал, что надо делать. Кроме того, с этой секунды командиром группы был он.

«ЗиЛ» подкатился к трехметровым воротам, способным выдержать таранный удар бронетранспортера, и Арзу дважды просигнализировал. Дождавшийся полной остановки машины, розовощекий крепкий мужик лет тридцати не торопясь обошел ее спереди. Зимняя офицерская повседневная форма, воротник серого цвета. Цвета волос не видно из-за короткой стрижки, знаков различия – тоже. С вероятностью процентов в семьдесят – старший прапорщик Старовок. Национальность в посвященной его персоне странице была указана «русский», но Турпал помнил, как один из инструкторов готовившего их группу учебно-тренировочного комплекса едва ли не четверть часа распинался в отношении того, что разницу темперамента и склонностей между славянскими племенами нельзя игнорировать. Как будто это имеет значение для пули...

Как следует рассмотрев квадратик пропуска на лобовом стекле и их спокойные лица, зевающий прапорщик вновь отошел в сторону, вяло качнув ладонью на довольно искренние приветствия «водителя» и «экспедитора» фургона, который видел почти каждое утреннее дежурство. Шел последний час перед его сменой, но большая часть сегодняшней работы для прапорщика уже закончилась. Смена станции: техники, инженеры и так далее – эти начинали работу раньше.

Усиленная металлическим профилем створка ворот неторопливо поползла в сторону, и Турпал едва удержался, чтобы не наклониться вперед. «Я вижу это каждый день», – убедительно заявил он себе, надеясь, что это подействует. «Ничего интересного. Сейчас утро, и мне

хочется спать. Скорей бы сдать эти дурацкие овощи и выпить водки, – или что там еще делают в свободное время русские».

– Чего застыл?..

Голос прапорщика был недовольным, хотя Арзу задержался буквально на секунду, не уверенный, что механизм ворот не заест на последнем десятке сантиметров. К начальнику смены охраны этого объекта присоединился еще один человек, заметно моложе. У этого на плече висел автомат, а на боку – подсумок. В документах указывалось, что караульные русских станций имеют по два магазина, то есть 60 патронов на каждого. Но что бы ни было написано в бумагах со всеми официальными грифами и визами МАГАТЭ и каких-то еще незнакомых ему организаций, в том, что эта цифра верна, Турпал очень сильно сомневался. 60 патронов – это около 10 секунд боя на близкой дистанции. 4 секунды на магазин, выпущенный в одной очереди, 2–3 секунды на смену магазина и перезарядку и еще 4 секунды – на второй. Если «калашников» не китайского, венгерского или югославского производства, а русский, то его при этом скорее всего не заест. Впрочем, подсумок на солдате выглядел не «обвисшим», – вполне возможно, что в нем не один, а все три магазина. . . Сохраняя на лице все то же туповатое выражение, присущее всем не до конца проснувшимся людям, Турпал мысленно усмехнулся, не чувствуя никакого страха. Пришедшая в его голову мысль была забавной: «Если русские посмели обмануть инспекторов МАГАТЭ, то это возмутительно».

– Давай! Давай!

Они уже двигались, а Старовок (теперь Турпал был уже полностью уверен, что опознал его точно) продолжал брезгливо указывать, помахивая рукой. Его пухлые щеки, румяные от крепкого утреннего мороза, вызывали отвращение. Впрочем, лицо его было почти равнодушным: командовал он не потому, что они слишком долго заставляли ворота оставаться открытыми, а потому, что хотелось. Микроскопическое развлечение либо нечто, что дает хоть какое-то удовлетворение от работы. Видимость полезности на своем месте. Турпал изобразил на лице такое же полуравнодушное извинение, и лицо русского исчезло позади. Все это время «боевой» командир группы «Сейф-аль-Мулук» вжимал голову в плечи, а задницу отодвинул едва ли не на середину сиденья. Рост Турпала Усоева превосходил таковой у настоящего экспедитора этой машины минимум на 6 сантиметров, и это могло стать опасным. Диспансерные карточки лежащих сейчас в кювете в полутора десятках километров позади людей достать не удалось, хотя такая попытка, как им сообщили, была сделана. Фирма, поставляющая продукты столовым ЛАЭС, была не слишком крупной и не слишком богатой: ее хозяев вполне устраивала стабильность положения, и расширяться они не собирались. Отсюда – скорее всего этих карточек просто не имелось, хотя, учитывая контакт с пищевыми продуктами, по закону они должны были быть. Но одна из сделанных неизвестным местным жителем фотографий убитого к этой минуте человека показывала его рядом с легковой машиной, и это позволило весьма точно определить его рост.

– Ну, теперь будет. . .

Голос у Арзу был хриплый, и Турпал подумал, что он действительно волнуется. Что ж, это его право. Проведя их к цели, он мог даже трусить – в глазах понимающих людей это уже не умалит его заслуг. Но лучше бы он не трусил: сейчас им был важен каждый ствол.

Теперь Турпал стукнул в стекло за своим затылком дважды. Это тоже было лишним, поскольку бойцы прекрасно знали, что происходит в эту минуту снаружи. Снижение скорости в более-менее укладывающееся в график время, потом остановка. Потом – снова движение, на скорости, предписываемой ярко-желтым указателем: 20 км/ч. Сейчас они находились в промежутке между двумя воротами – наружными, где было достаточно постоянного пропуска, и внутренними, где будет производиться собственно досмотр. Пройти его было нереально, как ни подстраивайся под «настоящих» водителя и экспедитора. Согласно распечатке, происхождение которой Турпал определять даже не пытался, та машина, в которой они сейчас находи-

лись, проводила на досмотровой площадке в среднем по 8 – 10 минут в каждом рейсе. Причем в середине и в конце дня – ничуть не меньше, чем в его начале. Досмотр всегда производился достаточно серьезный, водителя и пассажиров заставляли выйти, а кузов фургона открывали. И если его содержимое не будет соответствовать накладной, а накладная – тем бумагам, которые «спущены» в охрану из административного корпуса, то ворота не откроются, пока кто-нибудь не разберется с документами. Машиной ворота не протаранить, они могут выдержать и удар маневрового тепловоза. Досмотр же производят тройки подготовленных и опытных людей, имеющих автоматическое оружие и право применять его при необходимости. В дополнение к досмотровой группе в помещении вмещающего проходную домика охраны находится до 6 человек караула, иногда усиливаемых дополнительно. Это происходит, когда на территории станции активно ведутся строительные или ремонтные работы, когда прибывают с визитом мэр Соснового Бора или губернатор области, делегации и инспекции МАГАТЭ и так далее. Сейчас ничего этого не было, а основной поток машин, перевозящий сменяющийся персонал, уже сошел. В любом случае, минимум две трети этого потока шли через ориентированные на город восточные ворота, поэтому охрана на западных просто не могла не быть подготовлена слабее. У западных же находилось хранилище ОЯТ – по всем расчетам, основная после собственно энергоблоков цель любого террориста. Там же, пусть и вынесенный за внутренний периметр, располагался учебно-тренировочный центр, где всегда толпилось чуть больше людей, чем это могло казаться безопасным с точки зрения проникновения на территорию станции чужаков. В геометрическом центре ЛАЭС находилось складское хозяйство, к которому подводился целый веер железнодорожных линий, рядом с ним был ремонтно-строительный цех, а чуть южнее, у самого забора – цех централизованного ремонта. Единственный тактически важный объект там же, в центре, – это был цех азота и кислорода, охранявшийся ненамного хуже энергоблоков. У восточных же ворот располагались объекты, значение которых для безопасности станции было гораздо меньшим: крупнейшим из них была дизельная второй очереди. Отсюда можно сделать вывод, что охранники наверняка не ожидают от своей рутинной работы больших неожиданностей. А ощущение того, что твоя работа является менее важной, чем у другого человека одного с тобой ранга, – это уже само по себе должно действовать разлагающе. Тем не менее пройти эти ворота было невозможно, как ни старайся. Так, во всяком случае, считалось.

– Тормози.

Будто дожидавшийся его команды Арзу мягко тронул педаль тормоза, и неторопливо катящийся фургон успокоенно замедлился. Снега здесь почти не было, асфальт был густо усыпан смешанным с химикатами песком, и машина управлялась легко. Хотя данная Турпалом команда была не только «его»: порядок действий определялся инструкциями, которые охрана привыкла выполнять. Среднего роста мужик в светоотражающей попонке указал им на одну из площадок, и Арзу слегка кивнул в ответ на его жест, подчиняясь и направляя грузовик именно туда. Все это они отрабатывали десятки раз: в самой настоящей машине, на огороженной высоким забором площадке в учебном центре «Силадолу Ламьнаш». Единственное, что отличало действительное положение дел от того, к чему они столько времени готовились, – это появление в группе досматривающих кинолога с собакой. Худой парень лет тридцати, лицо спокойное и незнакомое. Или он имеет невысокий ранг, или переведен сюда недавно. В документах о собаках не было ничего. Почему? Русские что-то подозревают? Позволили группе войти в промежуток между воротами для того, чтобы взять всех живыми, не гоняясь за ними по дорогам? Нет, ерунда. В этом случае оружие троих досматривающих не висело бы на ремнях, – пусть и под руками, но ровно в секунду от того, чтобы быть использованным немедленно. А значит – почти бесполезное.

– Выходим...

В последнюю секунду перед тем, как приоткрыть свою дверь, Турпал кинул взгляд на Арзу. Тот был бледен, но в целом держался уверенно. Пистолеты были уже в руках у обоих,

готовые выплюнуть пулю. Можно по-разному относиться к пистолетам. В конце концов, в действующей армии, на поле боя они действительно почти ничего не значат. Но для схватки, продолжительность которой исчисляется тремя-четырьмя секундами, а дистанция обмена огнем – несколькими метрами, ничего лучше пистолета нет и быть не может...

Дверь Турпал распахнул резко, так, что стоящий перед ним офицер отшатнулся. Идиот, не выполняющий даже тех инструкций, которые у него наверняка были. Руки у русского были заложены назад. Сам он наверняка считал, что такая поза придает ему солидности, на самом же деле она прямо обозначала его как раба¹³. Но именно это продлило ему жизнь – первый сдвоенный выстрел Турпал произвел не в лейтенанта, а в собаку.

Два выстрела – доворот. Два выстрела – доворот... Он даже не слышал, как работал на другой стороне кабины Арзу, хотя не сомневался, что тот сумеет совладать со своими нервами и не промахнется. Где-то справа, прикрываемые его огнем, один за другим выпрыгивали из короба фургона бойцы – Дени, Хаарон, Хумид, Ильяс... За последние минуты они разобрали коробки и мешки, скинув их в одну кучу вплотную к кабине и разместившись почти вповалку на образовавшемся пятачке. В темноте это было непросто, но все равно вполне реально. Первая четверка должна была расчистить пространство для остальных, и в нее вошли самые сильные бойцы. Очередной сдвоенный выстрел – абсолютно бесшумный, как все, что происходило сейчас... Добив корчащегося на земле пса и немедленно после него пытающегося зажать рану в шее солдата, Турпал рванулся вперед, не переставая вести огонь. Простреливаемую зону он проскочил за секунду и, не сумев совладать с инерцией, ударился об стену караульного помещения. Удар имел такую силу, что под снятой с убитого экспедитора курткой дурацкого, неудобного для его роста фасона охнули ребра.

– Дени! – крикнул он, по-прежнему не глядя назад. Ответа не было, но Турпал и так знал, что надо делать с непрерывно стегающим из дверного проема в двух метрах от него огнем. Вырвав кольцо из тяжело легшей в ладонь гранаты, он пластичным, мягким движением отвалился от стены, закручивая кисть так, чтобы штампованное из дешевой низкоуглеродистой стали яблоко ушло точно в цель. Дальнейшее было настолько странным, что он даже не очень понял, что произошло. Граната вылетела из его ладони по неверной, неправильной траектории, и еще целую секунду он с недоумением наблюдал, как она спиралью ввинчивается в небо, пунктиром скользит по стене, а потом катится по заиндевевшему асфальту, подпрыгивая и щелкая, как галечный камешек. За мгновение до того, как замедлительная трубка запылала прогорела до конца, тяжелое тело Турпала Усоева ударились о землю. Веер осколков прошел над ним, выбивая клубы штукатурной пыли из стены домика и дырявя и так уже косо осевший на простреленных скатах фургон.

– Дени! – снова позвал Турпал и сам удивился своему голосу: чужому, как будто записанному на пленку и прокрученному в его горле каким-то странным механизмом. – Хумид! Гада!..

Гаду он увидел. Почему-то его глаза находились вровень с его собственными, хотя и далеко – метрах в пятнадцати. Парень лежал, прижавшись щекой к ледяному и песчаному крошеву, и Турпал с удивительной четкостью отметил то, что отдельные смерзшиеся песчинки глубоко впились ему в детские щеки, как если бы были маленькими осколками.

– Арзу! – выкашлял он из себя, не понимая, почему не видит никого из своих людей. Он ожидал потерь, давая русским на этом этапе едва ли не четверть группы – в обмен на прорыв через караульное помещение. Зачистить его, добить раненых – это секунда, а от выхода им было 4–5 минут бега, огибая дизельную. Может быть, все уже там? Тройх, четверых убитых он видел – двое из них были теми, кого застрелил он сам. Третий – Гада, четвертый – кто-то еще из его ребят. Где остальные? Бегут, задыхаясь, к насосной станции? «Насосной морводы 2-й очереди», как она была обозначена на картах. Их груз тяжел, и хотя все бойцы «Меча Царей»

¹³ В мусульманской традиции закладывание рук за спину – знак полнейшей покорности.

были в отличной форме, можно представить, как они сейчас хрипят, с болью вырывая, выгадывая у стрелок часов еще одну, самую важную секунду. Следующий крупный пост, охрана 3-го/4-го энергоблоков не способна в такой обстановке ни на что. Ее ожиревшим от безделья бойцам нужно время, чтобы осознать, что то, что они слышат, – это им не кажется, что это действительно треск и рев захлебывающихся длинными очередями автоматов. Им нужны секунды, чтобы попробовать связаться с постом у ворот, а кроме того, оборона собственно здания является их приоритетом. Даже при том, что могут быть захвачены все соседние здания, они не выйдут наружу, потому что должны выполнять свою собственную задачу. И пусть уже даже объявленная, общая тревога сама по себе не значит ничего. Они добегут, Дени и Арзу доведут ребят... Надо попробовать, хотя бы попробовать последовать за ними. Или хотя бы...

В ноги приподнявшегося было на локте Турпала, голова которого представляла из себя сплошной колтун слипшихся черно-красным волос, выстрелили со спины дважды. Обе пули попали ему в колени, раздробив кости и перемешав их осколки с обрывками хрящевых пластинок в невероятно белой вспышке боли. Его крик заполнил все вокруг, и только когда он оборвался, залив его рот густо-соленой кровью из разодранных собственными зубами щек, только тогда он услышал другие звуки.

Трещал огонь, где-то позади и в стороне, – не согревая и не давая лишнего света в дополнение к уже имеющемуся. Стонали и выли раненые, дико кричал кто-то один, пронзительным молодым голосом без слов.

– Федя! Федя! Сержант, возьми его! Аккуратно!

«Почему Федя? – не понимая, спросил Турпал самого себя. Боль исчезла, и теперь он просто лежал, глядя в серо-стальное небо, по которому с ирреальной скоростью проносились тени облаков. – Что за странное имя?»

Одиночный выстрел: наверное, это кто-то из его бойцов добил русского – возможно, как раз того Федю, которого там звали. Глупо... Как он мог добить его, если все уже там, у самых ворот насосной? Пуля в лоб единственному у входа в то некрупное здание охраннику, половина группы захватывает и вычищает машзал, остальные используют остающиеся у них секунды, чтобы изготовить к работе гранатометы. Подготовленная пара гранатометчик/помощник гранатометчика способна работать в темпе 6 гранат за минуту, а у них было три таких пары. Одиннадцать, минус Гада, минус кто-то не признанный со спины, минус он сам, до сих пор почему-то не поднявшийся, хотя пронзительная боль в ногах и тупая в спине ушли уже совсем.

– Лейтенант!

За спиной простучали шаги, которые Турпал воспринял как само собой разумеющееся. Ему было уже хорошо – легко и не больно. Только было горячо в пояснице и чуть-чуть неудобно лежать. Это неважно, конечно. Пусть погиб Гада, но они победили. Сейчас Арзу подаст команду, и тяжелые реактивные гранаты ударят в глухую стену здания, скрывающего в своей глубине спрессованную в тысячи раз смерть. Насосная располагается точно напротив стыка помещений 3-го и 4-го энергоблоков, а на такой дистанции Хаарон, Ильяс и Шаапа способны вложить гранату даже в форточку. Если русские оценили уровень опасности верно, то все четыре реактора станции уже заглушены, но никакого значения для успеха операции это не имеет.

– Этот жив? – спросил высокий, задыхающийся голос за спиной. С неудовольствием оторвавшись от своих мыслей, Турпал попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на того, кто его позвал. Почему по-русски? В поездах, в автобусах, на пересадках среди русских людей они говорили именно так, но сейчас-то зачем?

– Жив, – подтвердил другой голос, тоже срывающийся и тоже молодой. – Это он лейтенанта и Васю с Жекой. У-у, сука! Убью гада!..

Удара Турпал почти не почувствовал, – все заглушало непонимание. Ладно, стоит признать, что его тяжело ранило и остальные оставили его здесь одного. Это было правильное

решение. После того как Хаарон, Ильяс и Шаапа расстреляют корпус 3-го и 4-го энергоблоков, они будут удерживать помещение насосной станции. Командовать ими будет Арзу, и пока никто ни в кого не стреляет, он вполне справится. В насосной наверняка еще останутся живые – какие-нибудь техники, монтеры, инженеры. Их выковыряют из углов и комнаток на верхнем ярусе и сгонят вниз, где охранять их сможет даже один человек. Русские постепенно поймут, что активная часть их операции уже закончилась, начнут стягивать спецподразделения, готовить штурм, и в это же время вести какие-то разговоры, выяснять, кто виноват... Тогда Арзу раскроет второй козырь. Вполне возможно, что он заставит отдать и его, своего раненого командира. А может, и нет, – и это тоже будет правильным. Ну что ж, он достаточно пожил, и вернувшиеся расскажут о том, как он умер. Это будет смерть, достойная мужчины... Мункар и Накир¹⁴ не будут спрашивать его долго: им все будет сразу же ясно по его телу...

Турпал потянулся рукой вниз, по телу, и это потребовало усилий. Снова нечувствительный удар куда-то в ноги. Глупые русские, какая ему разница, если он все равно ничего не чувствует? Чужие, грубые руки лезут за пазуху, выворачивают кругляш гранаты из непослушных пальцев. Глупо...

¹⁴ В арабской мифологии Мункар и Накир – два ангела, спускающиеся в могилу для допроса умершего. Если человек не мусульманин, они подвергают его жестоким пыткам.

Январь

Россия сейчас очень опасна. Она не может существовать в новом мире, с новой идеологией, быть европейской страной... Российским государством сейчас управляют злейшие враги человечества, Запада, самой России...

Валерия Новодворская, декабрь 2005 г.

– Коля, вставай!

Судя по ощущениям, было еще слишком рано для воскресного утра, но проснулся Николай сразу.

– Вставай, говорю тебе! Быстрее!

Голос матери явно подразумевал что-то более серьезное, чем остывающая овсянка, поэтому он откинул одеяло и сел на кровати, моргая и шурясь.

– По телевизору...

Он уже всунул ноги в тапки, когда по коридору простучали шаги отца – тоже какие-то неправильные. Стесняться родителей было нечего, и Николай попрыгал на кухню в одних трусах. «Большой» телевизор стоял у родителей, но голос раздавался именно оттуда, из кухни, и в ту же сторону убежала мама, так ничего и не объяснив.

– Кончилось, – произнес отец, переведя взгляд с поющего экрана на застывшего в дверях сына. – Только что. Сказали – ждите специального выпуска в 10.00.

Николай машинально посмотрел на тикающий кругляш под полкой с редко используемыми чашками. Было 9.42 или что-то вроде того.

– Напали на Сосновоборскую АЭС, – торопясь, сказала мама. – Всего несколько слов было каких-то конкретных. Все остальное – сплошь «нет оснований для паники, просьба соблюдать спокойствие». Просто диктор. Мы утренние новости смотрели, а тут...

– Радио!

Не ставший даже ждать, пока отец протянет руку, Николай перекинул рычажок на выставленной из экономии места на холодильник магнитоле. Динамики в унисон взвыли струнными, – как обычно, радио было настроено на «Орфей». Вслепую переключив на короткие волны, он крутанул верньер грубой настройки. Музыка, реклама, музыка. В Питере было штук пятнадцать коротковолновых станций: хоть на какой-нибудь что-то уже известно. Наконец, человеческий голос, взволнованный, почти плачущий. Мама убавила громкость в рекламирующем майонез телевизоре, и теперь слышно стало хорошо.

– ...Я не знаю! Ничего не знаю! Подали сигнал «Внимание!» по сети Гражданской обороны – через громкоговорители, и по общей радиосети. И потом – все. На городском кабельном канале темно. Никто не знает ничего. У меня у соседки муж на станции работает – он позвонил ей на мобилу, сказал, что жив, но что там была стрельба и много убитых. А потом отключился, и вообще вся мобильная связь отключилась. Я ни до кого дозвониться не могу. Хорошо, вся семья в сборе! Если бы не воскресенье – я бы умерла, наверное, а так дети дома все...

– Нина, – перебил говорившую еще один женский голос – заметно более молодой. Уверенные интонации выдавали ведущую или диджея: что это за канал, Николай пока не понял.

– Нина, вы слышите меня? Что видно на улице? Вы видите что-нибудь?

– Милиции много! И «скорых». С полчаса назад, или чуть больше даже, – как завывли сирены, одна за другой... И все туда, на станцию... Я ни одного человека сейчас не вижу, но я не в центре живу, у меня улица маленькая. Сирены так и воют, но далеко уже, глухо так...

– Нина, спасибо вам большое! Удачи вам!

Соединение разорвалось, и ведущая скороговоркой повторила для пропустивших, что это был телефонный разговор с жительницей Соснового Бора Ниной. «Того самого Соснового Бора, где, как мы все знаем, располагается АЭС», – зачем-то объяснила она.

– Опаньки... – растерянно сказал вслух Николай. Это точно выражало именно то, что он думал в настоящую секунду.

– У кого из наших знакомых есть дозиметр?

– На каком-то телевизионном канале по утрам показывали радиационный фон, – мать наморщила лоб так, что постарела лет на пять. – И вообще...

Словно сообразив, что можно сделать, она выбежала из кухни и через какие-то секунды вернулась с микроскопическим флакончиком в руках. Полезла в холодильник, добыла пакет молока, наплюхала в чашки, сунула в микроволновку три сразу. Отец смотрел на нее открыв рот. Реклама в телевизоре кончилась, теперь там кто-то немо показывал, как правильно резать салат. Радио разразилось очередным хитом, рожденным гением отечественных знатоков того, что именно нужно народу. Нормальное воскресное утро...

Микроволновая печь гнусаво звякнула и перестала гудеть. После этого выставившая на стол три чашки теплого молока мама аккуратно накапала в них йода и, торопясь, перемешала черенком одной и той же чайной ложки.

– Давайте...

Что сделает в такой ситуации нормальный молодой парень? Начнет возмущаться. Что сделает взрослый мужик? Выпьет, выразив на лице благодарность за то, что о нем позаботились. «Выпей йоду», – сказал сам себе Николай, и едва не подавился противной теплой жидкостью, так его разобрал смех.

Картинка на 13-дюймовом экранчике дешевой «Айвы» прыгнула и сменилась на блекло-желтый фон, знакомый по местным новостям.

– А что мы здесь сидим? – спросил отец, но тут же осекся и ткнул в кнопку пульта, прибавляя звук. Николай убрал радио, все равно за последние минуты не передавшее ничего полезного, и тут зазвонил телефон.

– Да чтоб тебя! – Отец дернулся, но догадавшись, что делать, указал на сына пальцем. – Возьми в комнате!

– Расскажите потом...

Николай шархнул по коридору, слушая, как надрываются разномастные звонки на разнесенных по квартире параллельных аппаратах. Телевизор в кухне так пока ничего и не сказал, и, стараясь вполуха прислушиваться к происходящему там, он схватил трубку. В голосе сестры отчетливо слышалось напряжение.

– Колька!

– Здорово, старшая. Телевизор смотришь?

– Смотрю. Вы знаете уже?

– Ни хрена мы не знаем. Меня вообще только разбудили.

– Нам Борька Гнесин позвонил, помнишь его, – толстый такой? Сказал уезжать из города. Мой машину пакует: сначала за родителями в Пушкин, потом возвращается и нас увозит.

– Куда едете?

Старшая сестра помолчала, то ли формулируя что-то, то ли прислушиваясь к своему собственному телевизору. Тот, который был на кухне, бубнил что-то неразборчивое. Николай, которого «осенило», ухватил валяющийся среди разбросанных родительских подушек пульт и быстро щелкнул парой кнопок, ставя «спальный», он же «большой» телевизор на нулевую громкость. Трубка прогревалась секунд тридцать, – за это время сестра все-таки объяснила, что они поедут на юго-восток, пересидят недельку в Подмосковье.

– Йода выпейте, – посоветовал ей любящий брат, заранее ухмыляясь.

– Что?

– Йода. Ап стену. Восемь капель на стакан теплого молока, и постарайтесь не проблематься. Осознала? И не переживай. Если припрет, отец собственную машину расконсервирует часов за двенадцать.

– Коля...

– Не переживай.

В этом месте оборвать ее стоило сразу, и он не колебался. Учитывая обоих родителей свояка, мест в его машине больше не имелось. Зимой же отец не ездил и самому Николаю не давал, поэтому аккумулятор хранился дома. Долить дистиллята и поставить заряжаться, – это будет действительно часов двенадцать, минимум десять. На малых амперах застывший на морозе стартер просто не провернется. Только после этого можно куда-то ехать: в баке где-то треть, плюс 20-литровая канистра. Хранить топливо в гаражах запрещено всеми правилами, но покажите мне автолюбителя, который так не делает, и можете смело кидаться камнями.

Николай посоветовал сестре зарядить батареи своего и дочкиного сотового до упора и формировать сумку в стиле «на санках в деревню».

– Документы, наличные деньги, трехдневный запас продуктов в герметичной упаковке. Одежда по сезону. Аптечка. В общем, как учили в школе на ГО. Помнишь еще?

Сестра помнила – разницы между ними было шесть лет, а НВП и ГО в школах не вели только в 90-х, в качестве одной из мер борьбы с наследием прогнившего милитаристского режима.

– Давай, держи связь. Ему туда-сюда три часа минимум, и то, если на дорогах...

Николай не договорил, потому что прямо под окном взвыло сиренами – слитно и страшно. Зажав беспроводную трубку в руке, он кинулся к окну и успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как по Профессора Попова проносится колонна разнокалиберных милицейских машин. Штуки четыре легковушки, за ними пара грязно-бордовых автобусов ОМОНа, крытый грузовик и потом снова пара легковушек.

– Что там?

– По-е-хали... – негромко сказал он в трубку. – Или на мосты, или сразу уже туда, – в оцепление, скажем. Но быстро они это...

Николай взглянул на запястье и помотал головой, стараясь сбросить совсем уж последние остатки сна. Часов на нем не было, потому что на ночь он их снимал. Но судя по тем картинкам, которые он перещелкивал на него молчащем экране последние минуты, никаких новых сообщений пока не было. Значит, еще не десять. Майонез, японские мультфильмы, как положено по утрам в воскресенье; на региональном канале кто-то поет. Объяснив сестре, что там он увидел, и распрощавшись, Николай начал орать, зовя родителей к большому телевизору. Те появились через минуту, всклооченные. Мать несла в руке тарелку с бутербродами и в другой – еще один стакан с молоком. Машинально приняв его, давно переваливший годами за отметку «30» Николай сделал «брови домиком», как хорошо получалось в детстве. Молоко было подогретое. В этом отношении мир не перевернулся.

– Куда, ты думаешь, они поехали?

Одновременно с вопросом отец ткнул рукой за окно, поэтому гадать, что он имеет в виду, не пришлось. Повторив то же самое, что было сказано сестре, и получив задумчиво-согласный полукивок, Николай сообразил, что минуту можно было потратить и с большей пользой. Ничего, кроме полученных на позапрошлый Новый год и уже изрядно полинявших «боксерок», на нем до сих пор не было. Ноги уже начали мерзнуть, и это тоже был «симптомчик», – двадцатилетним дома он круглый год ходил вообще без носков. Но времени уже не оставалось: телеканал, который у них в доме по привычке называли «Ленинградским», разродился появлением ведущего. Лицо было хорошо знакомым – его обычно ставили в вечерние новостные программы. Судя по тому, что аудитории было показано, как ведущий садится и подключает микрофон, подготовиться на канале не успели даже за двадцать без малого минут.

– «Дорогие телезрители, давайте прощаться», – предположил завладевший пультом отец, повышающий громкость до такого уровня, что стала слышна статика. Мать едва не сплюнула, и Николай повторил ее жест и мимику машинально. В другое время это выглядело бы, наверное, забавно. Сейчас – нет, как не была забавной и шутка. ЛАЭС была слишком близко от города.

– Дорогие телезрители... Как вы уже знаете из нашего краткого информационного сообщения, сегодня в 8 часов утра на Ленинградскую атомную электростанцию была произведена попытка нападения. Группа вооруженных лиц...

«Господи, пронеси нас всех, – сказал Николай себе, закрыв на мгновение ладонями лицо. Это было плохо, но остановиться он не сумел. – Попытка. Значит, справились».

– По официальному сообщению руководства ЛАЭС...

Ведущий опустил глаза вниз и на секунду замолчал, то ли упустив строчку, то ли пытаюсь справиться с волнением.

– Нападавшие были вооружены автоматическим стрелковым оружием, гранатами и гранатометами...

Прозвучала фраза коряво, но никакого значения это не имело. Два часа спустя – такая информация была бесценной. Руководство – молодцы. Выдать людям хоть как угодно написанный текст – это более важно, чем редакция.

– Охрана станции приняла бой...

– О, Господи...

Это мама сказала вслух. Николай даже не вздрогнул.

– Понеся тяжелые потери убитыми и ранеными, она сумела не пропустить нападавших к основным помещениям станции... Все нападавшие уничтожены, и к настоящему времени угроза станции ликвидирована полностью... Благодаря оперативно принятым мерам все четыре действующих на момент нападения атомных реактора были изготовлены к аварийной остановке. Таким образом, даже в случае проникновения нападавших внутрь периметра станции угроза неконтролируемой цепной реакции или радиоактивного заражения любого рода практически отсутствовала... Руководство ЛАЭС ответственно заявляет, что при всей сложности сложившейся обстановки ни малейшего снижения уровня безопасности допущено не было, как не было допущено и потери управления... В течение всего времени с момента нападения как на самой станции, так и в ее окрестностях мониторинг радиационной обстановки ведется по усиленному режиму... Нет никаких признаков...

– Ну, проехали, кажется...

Отец тоже был бледным, пусть и при все той же усмешке на губах.

– Похоже на то. Наливай...

Юмор в голосе Николая почти не чувствовался, но родители знали его слишком хорошо. Смеяться начали оба. Нервно, но смеяться.

– Объявленные передачи нашего канала будут проходить в обычном режиме, но в начале каждого часа мы будем передавать краткое информационное сообщение, а также сообщать о любых деталях, которые...

– Отбились, – заключил отец. Что такое ядерный реактор, он знал намного лучше жены и сына, и все это время ему наверняка было страшнее, чем он старался показать. С другой стороны, сам Николай заметно лучше родителей знал, что такое «группа, вооруженная автоматическим оружием».

– В настоящее время радиационный фон на территории ЛАЭС составляет 8,1 микро-рентгена в час, что меньше естественного фона. В районе поселка Ручьи радиоактивный фон составляет 8,0; в районе станции Воронка – 7,7; в районе поселка Кандакюля – 8,0...

– А Петербург что? – не удержалась мама. В тот же момент в углу экрана выскочили цифры: «6,5».

– В Петербурге радиационный фон в настоящее время составляет 6,7 микрорентгена в час. Еще раз повторю, это меньше даже естественного радиационного фона и не представляет никакой опасности для здоровья. Мы призываем население сохранять спокойствие. Нет никаких сомнений в том, что спецслужбы на этот раз сумели сработать четко и эффективно, не допустив...

– При чем здесь спецслужбы-то? Их штатная охрана перебила, сказали же. Там человек шестьсот, насколько я помню.

– Станции защищает какое-то из Управлений ФСБ под контролем Федерального агентства по атомной энергии, – не согласился Николай. – А наружная охрана – внутренние войска МВД, если я не напутал. Так что с формальной точки зрения...

– Надо Свете позвонить.

Мама, разумеется, была практиком: детали административного подчинения отлично сделавших свое дело людей ее не интересовали. К моменту, когда ее сын вернулся в комнату уже одетым «по-домашнему», была обзвонена половина родственников: начиная, разумеется, с дочери, сразу ретранслировавшей «отбой» своему мужу. Все это время телевизор не выключался, но программа действительно шла самая обычная. Следующий выпуск новостей вышел, как и было обещано, в 11 ровно и открылся статичной картинкой с парящими на морозном сером горизонте трубами. Потом картинка мигнула и пропала, и на ее месте вновь появилась «говорящая голова». На этот раз знакомый любому петербуржцу ведущий выглядел заметно спокойнее. Похоже, все действительно обошлось. От ЛАЭС до Питера было 80 километров по прямой: от Чернобыля до Киева было больше.

– Дорогие телезрители...

– Жenuля! – заорал отец. – Иди смотреть!..

Мать подошла, торопясь, и с этого момента они смотрели в экран уже все вместе, как на Новый год.

– По полученным в течение последнего часа дополнительным сведениям... Шестеро убитых и по крайней мере четверо тяжелораненых из состава подразделения охраны... Имена погибших и раненых пока не сообщаются, но нам сообщили, что все пострадавшие находятся в медсанчасти ЛАЭС, в которой имеются условия для проведения хирургических операций любой степени сложности... Наш собственный корреспондент сообщает с места...

– Ага, ага, – с удовлетворением закивал отец, когда во весь экран было показано, что именно этот корреспондент «сообщает». – Вон они, соколики. Ай, молодцы...

– Коля... – тихо позвала мать, оказываясь, смотревшая в это время на него. Николай не слышал, – ему было не до того. Оскаленные, неживые лица, с выпученными до предела глазами, как часто бывает у людей, погибших от полостных ранений. Россыпи ярко блестящих гильз на едва-едва припорошенной инеем, перетоптанной вдоль и поперек земле. Гильзы короткие, гильзы длинные, черные пятна крови тут и там. Выбоины у косяков двери и окон приземистого серого домика, разбитые вдребезги стекла. Тела друг на друге, тела, изогнутые последней мукой так, будто они до сих пор пытаются дотянуться, добежать куда-то. Подросток лет восемнадцати, лежащий лицом вбок – рот удивленно открыт, в черном провале виден язык. Картинка здорово дрожала: оператор или собирался уронить камеру на землю, или раздумывал о том, не упасть ли ему тут же. Корреспондент при этом выглядел сравнительно неплохо. Показав раз пять его ноги в черных ботинках, аккуратно переступающие с одного сравнительно чистого пятна инея на другое, камера поднялась на его лицо, оказавшееся неожиданно спокойным.

– Владислав! – позвал его невидимый сейчас ведущий. – Мы все видим вашу картинку! Расскажите, что сейчас происходит на станции?

– Алексей! – тут же отозвался уверенный парень. – Мы сейчас находимся на том самом месте, где сегодня в 8 часов 10 минут утра была произведена попытка...

– Коля... – снова позвали сбоку. На этот раз Николай обернулся. Мама смотрела на него, прижав руки к груди. Он перевел взгляд на отца, и тот, только что азартно и хищно подпрыгивавший на месте, тоже, как оказалось, смотрел прямо ему в лицо, бледный и напряженный. – Коля, что?..

– Ничего, – сумел хрипло выдать из себя он. – Показалось, знакомый. Но нет, конечно, просто типаж. И бритые все. Там... там не брились...

Он снова повернулся в сторону экрана, где журналист немо шевелил губами, скупой поводя вокруг себя свободной от микрофона рукой. После одного из его жестов картинка отплыла вбок, фокус ушел вперед, и оператор показал наплывом группу крепких мужиков в пятнистом камуфляже и с оружием. Те, как почувствовав, разом повернулись к камере спинами. Поняв, что ничего интересного не будет, оператор на этот раз мягко и неторопливо развернул камеру в другую сторону, показав панораму целиком. Стена домика, выглядевшая так, будто в нее пригоршнями швыряли щебень. Застывшие ступни ног в одном почему-то ботинке. Осевший, перекошенный фургон с истерзанным рваными дырами тентом. Другое тело – это показали целиком, и зрелище было такое, что сквозь гул в ушах к Николаю прорезался совершенно отчетливый мамин вздох.

– ...Нам рассказали, что ответственный представитель Росатомэнерго обратился к персоналу станции со словами благодарности, заявив, что...

С большим увеличением показали лицо молодого солдата, водящего глазами то в одну сторону, то в другую. Камеру он не видел, и оттого сцена была сюрреалистичной: миллион человек как будто подглядывало за тем, как возбужденный произошедшим парнишка облиывает черные от ветра губы и морщит нос. Журналист продолжал что-то бубнить, но его слова доходили плохо. Когда снова начали показывать исчербленную стену и ворох заледенелых осколков под оконными проемами, Николай поднялся. Родители посмотрели... странно. Застыв лицом, он ушел в другую комнату, плотно закрыл за собой дверь и деревянным движением ткнул в кнопку включения компьютера. Тот тихонько ухнул, и через несколько секунд раскрутившийся жесткий диск выдал на пискнувший стереодинамиком монитор обычные при загрузке операционной системы строчки. К тому моменту, когда развевающаяся в центре экрана «рама» сменилась на панораму усыпанного сияюще-желтыми листьями Летнего сада, Николай уже немного успокоился. Пульс, во всяком случае, снизился где-то до девяноста. Выйдя в Сеть, он двумя щелчками компьютерной мыши вывел на экран блекло-коричневое дерево сообщений никогда не спящего «Правильного форума военной истории». В правой половине экрана, на которую при загрузке согласно его настройкам выводились имена присутствующих участников, было пусто. Воскресное утро – большинство людей в европейской части страны должны были проснуться только недавно и сейчас сидели у телевизоров, а не в Сети. Дальневосточники же вообще еще не знали ничего.

Несколько человек с малознакомыми именами активно перебрасывались сообщениями. Николай проглядел их наискосок, открывая только выглядящие самыми интересными. На каждый пост он тратил не более пары секунд, но на середине одного усыпанного восклицательными знаками сообщения (вызывающего в подсознании классическую здесь шутку «а бояться лучше на чердаке!») остановился. После этого, подумав, он вернулся на несколько штук назад. «По Сиэн-эн третий час надрываются, что русские не дают никаких комментариев. Может, теперь заткнутся?..» «Третий час» – это выглядело странно. По ощущениям – почти как взгляд родителей. На часах в углу экрана было 11.14, на надетых к этому времени наручных – столько же. В логге сообщения стояло 10.56, – в хвост к нему только в одной этой ветке было приписано уже штук десять. «Третий час» означало, что *CNN* разродилось первым «мы прерываем свою программу» по крайней мере за два с копейками часа до этого, то есть в 8.40 или что-то около того. Впрочем, возможно, – и скорее всего – это просто преувеличение. Проверяется это легко. Стоило набрать «*cnn.com*», – и на распахнувшейся стартовой странице тут же выскочила

картинка с теми же парящими трубами над угловатыми зданиями на фоне серо-стального неба Финского залива. Последнее обновление датировалось 2.10 после полуночи по «восточному стандартному времени», то есть появилось четыре минуты назад. Ну да, их штаб-квартира в Атлантае, на Восточном побережье. Мораль?..

Не слишком даже задумавшись, Николай набил в поисковую строку «*LAES*», – просто транслитерировав слово из русского. Ничего. «Бор» в смысле «Сосновый Бор» не подходил – половина ссылок будет про Нильса Бора, четверть про его внука, а остальные – про сам элемент. Тогда – «*Petersburg nuclear power plant*»¹⁵. Вот это сработало без проблем – мигнув, экран переродился в разделенную пробелами коллекцию абзацев. По умолчанию они были отсортированы по времени появления на сайте, а всего из трех десятков найденных на страницу влезло двадцать. Нижние были многомесячной давности, в глаза бросилось «Россия продолжает игнорировать требования ЕС об усилении безопасности своих ядерных станций». Верхние были сегодняшние и вчерашние: «атака на станцию», «неизвестные лица в неизвестном числе», «инцидент на станции», «российская сторона пока не дает никаких комментариев»... Николай покусал губы. Парень с забавным ником «Взрыватель» оказался прав – первое из сообщений всего этого блока датировалось 12.44 после полуночи по тому же восточному стандартному времени, разница которого с Москвой составляла восемь часов. Что теперь? Американские же «*abcnews.go.com*» оказались пустышкой – на их стартовой странице до сих пор висела реклама телесериала, с размером бюста главной героини, едва помещающимся в выделенное под «нажимабельную» картинку пространство. Сайт британских «*BBC*» был переполнен уже не только старыми силуэтами станции, но и изображениями земли с пятнами тел, – и, более того, крупными планами с рассыпанными гильзами. Кто-то уже явно успел скинуть им сделанные за последние часы снимки. Скорее всего – и снятые, и переданные с мобильного телефона. Впрочем, нет... Размышляя с такими усилиями, что голову оказалось легче склонить набок, Николай вспомнил, что напуганная женщина в пойманной им часом ранее радиопередаче упомянула, что сотовая связь отрублена. Или включили снова, как очередную меру по успокоению народа, или фотографии появились каким-то другим путем. Но в любом случае, из двадцати с небольшим «попаданий» в архиве *BBC*, вызванных к жизни теми же ключевыми словами, свежими были только шесть, и все они появились лишь в течение последних двух часов. Это легко проверялось просто сравнением лондонского времени, выставленного на рамке каждого кадра, опять же с московским. Да и первое было, скорее, просто перепечаткой из американских сообщений, с осторожной приставкой «по некоторым сведениям...» Первое «настоящее», свое, появилось в 6.20, то есть в 9.20 утра по тому времени, какое было в Петербурге и в Сосновом Бору. Не «Боре» же... Забавно, да?

Николай разорвал соединение с Сетью и откинулся на спинку стула. Размышлял он так напряженно, что лишь с большим трудом заметил, как тихонько приоткрылась, а затем вновь закрылась дверь за спиной: мать проверила, что он делает. И так, британский сайт полнее, но зато американские выложили информацию о случившемся на ЛАЭС заметно, на многие часы, раньше. Что это может означать? К минуте, когда в Атлантае ночной редактор ленты новостей выпустил первое сообщение об «инциденте на ядерной электростанции в России», прошло около получаса с момента собственно атаки. В теленовостях сказали, что началась она в 8.10 утра. К скольким она «закончилась», если можно употребить это слово? Прищурившись, Николай поглядел в окно, а затем и вообще закрыл один глаз, чтобы думать было еще легче. Хорошо, что этого не видит никто, кто считает его достаточно умным...

Судя по картинкам из телерепортажа, бой велся на минимальных дистанциях: в пределах 10–15 метров. Оружие было разное, но с явным преобладанием автоматического. Сколько человек участвовало во всем этом – предположить сложно. С одной стороны, были «тяже-

¹⁵ Петербургская атомная станция (англ.).

лые потери убитыми и ранеными», с другой – «все нападавшие уничтожены». Предположим – около десятка с каждой стороны в потери, плюс сколько-то уцелевших, собственно и выигравших бой – с нашей. Тогда бой мог длиться минуты, больше явно никак. На минимальной дистанции работают длинными, почти непрерывными очередями. Стандартный магазин «Калашникова» – 30 патронов, это 4 секунды. У охраны – точно они, у тех, кто на станцию напал? – скорее всего тоже. Штурм домика охраны подразумевал использование длинноствольных типов оружия, способных придать пуле высокую начальную скорость. То есть ни УЗИ, ни какой-нибудь Хеклер-Кох здесь не играют. Более того, когда гарантированная надежность важнее меткости (а та на такой дистанции вообще никакого значения не имеет), ни один реалист не станет брать М-16 или остальные разрекламированные модели. Только старый «Калашников», только так. Значит, 4 секунды или около этого – на первый магазин. Те, кто сумели дожить до необходимости его сменить – считают следующие секунды. К этому моменту целей становится в разы меньше, и израсходовать второй магазин займет, соответственно, в 3–4 раза больше времени. Но в любом случае в пределах одной минуты кончено будет уже все. Учитывая то, что было видно в сумбурном видеосюжете, все нападавшие легли на площадке перед домом, перед проходной – вероятно, внутренней. Перед той избитой машиной, или за ней, или внутри, – это уже неважно, никакой защиты она не предоставляет. Потом уцелевшие бойцы охраны потратили еще какие-то десятки секунд на то, чтобы прошить короткой очередью каждое из столь живописно валяющихся перед ними тел, после этого аккуратно выбрались... Можно было представить, как это было страшно. Еще раз по пуле в каждое тело – с максимальной для тесной асфальтовой площадки дистанции. Никому явно не хотелось рисковать получить прощальный привет храброго воина Аллаха в виде пули или прикрытой им от взгляда гяура гранаты. Потом... Потом они подходят ближе и начинают пинать тела. Тревога поднята уже давно, и к этому времени к проходной с разных сторон подлетают машины с тревожными группами – еще человек десять с оружием. Но все уже закончилось, и теперь впервые звучит облегченное «отбились»... Так было?

Николай поднялся, бросил последний взгляд на застывшую на экране картинку с желтыми кленами и отвел руку назад, не выключая машину. Пока пусть так...

– Ну, что тут? – спросил он, снова войдя в комнату к родителям. Те о чем-то оживленно переговаривались между собой, когда он вошел. О чем именно – разобрать не удалось, да он и не пытался особо.

– Пока ничего. Выступил еще какой-то человек, в голосе – сплошное облегчение. Типа, «всем налить» и по ордену.

– Очень может быть. – Николай с удовлетворением кивнул. Ордена себе эти ребята заработали честно. Сейчас начнут трепать язык, что все это давно и тщательно спланированная спецоперация спецорганов, но это уже будет бред. Было бы спланировано – положили бы их между заборами из пулеметов, после предложения сдать. А так... Все явно было экспромтом, встречный бой, со всеми его радостями. Отсюда и «тяжелые потери»...

Он зябко поежился, стараясь дистанцироваться от того жуткого ощущения почти нарколептической нереальности, которое каждый раз поднималось в нем при произнесении вслух или тем более про себя словосочетания «встречный бой».

– Что-нибудь умное сказали? – спросил он вслух, не собираясь доводить до родителей никаких подробностей своих бесполезных рассуждений.

– Нет.

– Ну и ладно. Может, к вечеру какие детали...

– Ты к сколько сегодня? – поинтересовалась мама.

– Как обычно. К шести. В 4.40 выйду, доберусь не спеша.

Впрочем, к середине дня Николай совершенно точно определил для себя, что выйдет не позже половины четвертого. На дежурство ему было именно к шести, но недопонятые, недо-

думанные обрывки мыслей метались в голове настолько суматошно, что ему требовалось привести их в порядок. Ничего лучше, чем бег или ходьба по знакомому маршруту, для этого не имелось, поэтому он решил пройти от Василеостровской до Гавани пешком. Погода этому явно способствовала, ветер так и не поднялся, и легкий морозец в сочетании с негусто завалившим дороги свежим снегом сделал прогулку однозначно приятной. Спешащие по своим воскресным делам ленинградские девушки выглядели совершенно шикарно – румяные, с блестящими глазами, большинство простоволосые, и каждая десятая в шубе хотя бы «из козлика» и длиной хотя бы «по то самое». Растет, как говорится, благосостояние трудящихся.

«Что бы это все значило? – спрашивал Николай сам себя, шагая. – Что?» Перед самым выходом он посмотрел очередные новости и еще раз проверил те же самые веб-сайты. В новостях не было ничего кардинально меняющего представление о произошедшем. Единственное – наконец-то прозвучали слова «Кавказ» и «Чечня», и так-то ясные с самого начала. Тон выступлений был едва ли не эйфоричным, генералы разных родов войск делали мужественное выражение лица, изо всех сил стараясь скрыть желание подпрыгнуть на месте. Полуденное выступление президента Николай упустил, но отец рассказал, что и в нем ничего выдающегося не прозвучало: просто связный набор подходящих к случаю фраз. С другой стороны, на сайте *CNN* он отметил детальку, которая ему не понравилась. Старые сообщения никуда не делись, новых прибавилось штук двадцать пять – как и положено, когда новость настолько «горяча». Но при этом несколько изменился как тон сообщений, так и их формат. Во-первых, через два раза на третий в комментариях начали проскакивать фразы вроде «Как всем известно, охрана ядерных объектов в России находится в неприемлемом состоянии. Таким образом, представляется чудом, что они сумели...» Во-вторых, неожиданно исчезла маркировка ушедших с первой страницы сайта в архив сообщений по времени. Дата осталась, а вот часы и минуты пропали, будто их и не было. Для проверки удивившийся Николай набил в поисковую строку словосочетание «Билл Клинтон». Выскочивший десяток страниц, набитых заглавными абзацами давно ушедших в прошлое новостей и комментариев, был теперь таким же – только даты. Похоже, веб-дизайнер *CNN* действительно выбрал этот воскресный день, чтобы если не сменить, то хотя бы чуть модифицировать формат их интернет-страницы. Это было странно. Учитывая, какая у них сейчас должна быть нагрузка на сервер, любые манипуляции с форматом могут закончиться плохо. В компьютерах доктор Ляхин понимал не слишком, но замеченная перемена шла совсем уж вразрез с тем, что он знал.

Ладно, черт с ним, со временем, – сам он помнил минуты выхода первого невнятного сообщения об «инциденте» точно. Это было через полчаса после начала боя, или через примерно 25 минут после того, как он закончился. Конечно, если опять же считать верной логику рассуждений о его ходе. За это время информация дошла до Атланты, в которой была ночь с субботы на воскресенье, успела «перевариться» в головах дежурной смены, наверняка сообщавших: выпустить ли им новость первыми из всех, рискуя опозориться, если это окажется уткой типа прошлогодней зимней серии. Тогда компьютерные вирусы, вложенные в электронные сообщения с заголовками типа «Русской ракетой сбит американский самолет!» и «Китайцы сбили искусственный спутник!», за пару суток обошли весь мир, вызвав короткую панику в новостных агентствах. В итоге выпускающий редактор рискнул, и *CNN* стали первыми – но это было *слишком* уж рано... Скрипя сапогами по снегу и уже почти равнодушно проскальзывая взглядом по лицам идущих навстречу красавиц, Николай пытался вытащить из головы что-то мешающее, какую-то глупую ассоциацию с детством. Чернобыль? Возмущенная критика в советских газетах: дескать, вся западная пресса хором сообщила, что при аварии погибло две тысячи человек, хотя погибло всего шесть пожарных, героически боровшихся с огнем... Или еще что-то в этом роде?

Как всегда бывает, когда хочешь вспомнить что-то и никак не можешь, Николай начал злиться. Как с такой проблемой (удачно называемой на английском «блок в мозгах») спра-

виться, он знал не хуже других. Нужно начать думать о чем-нибудь другом, тогда мысль всплывет сама – обычно во время засыпания, когда мозг упорядочивает, сортирует и отправляет на долговременное хранение воспринятую за день информацию. Но как обычно, хотелось вспомнить сейчас.

– Вечер добрый!

Курящий перед входом в терапевтический корпус охранник в темно-синей униформе вежливо поздоровался, и Николай ответил тем же. Времена, когда сопливый пацан с резиновой дубинкой зарабатывал больше старшей медсестры и соответственно себя вел, давно прошли. Теперь охрана и этой, и любой другой больницы в большинстве прекрасно знала, за что именно ее кормят.

Подъем по многопролетной, ярко освещенной лестнице, на стенах которой там и сям висели зеленые коробки платного «Санкт-Петербургского таксофона». Лифтом доктор Ляхин не пользовался принципиально. Залитая пупырчатым матовым стеклом широкая бежевая дверь – родное отделение, где его знают и ждут. Десять минут в запасе – расчет времени был почти идеальным.

– Здравствуйте, Николай Олегович.

– Привет, Шурочка. Как сегодня, ничего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.